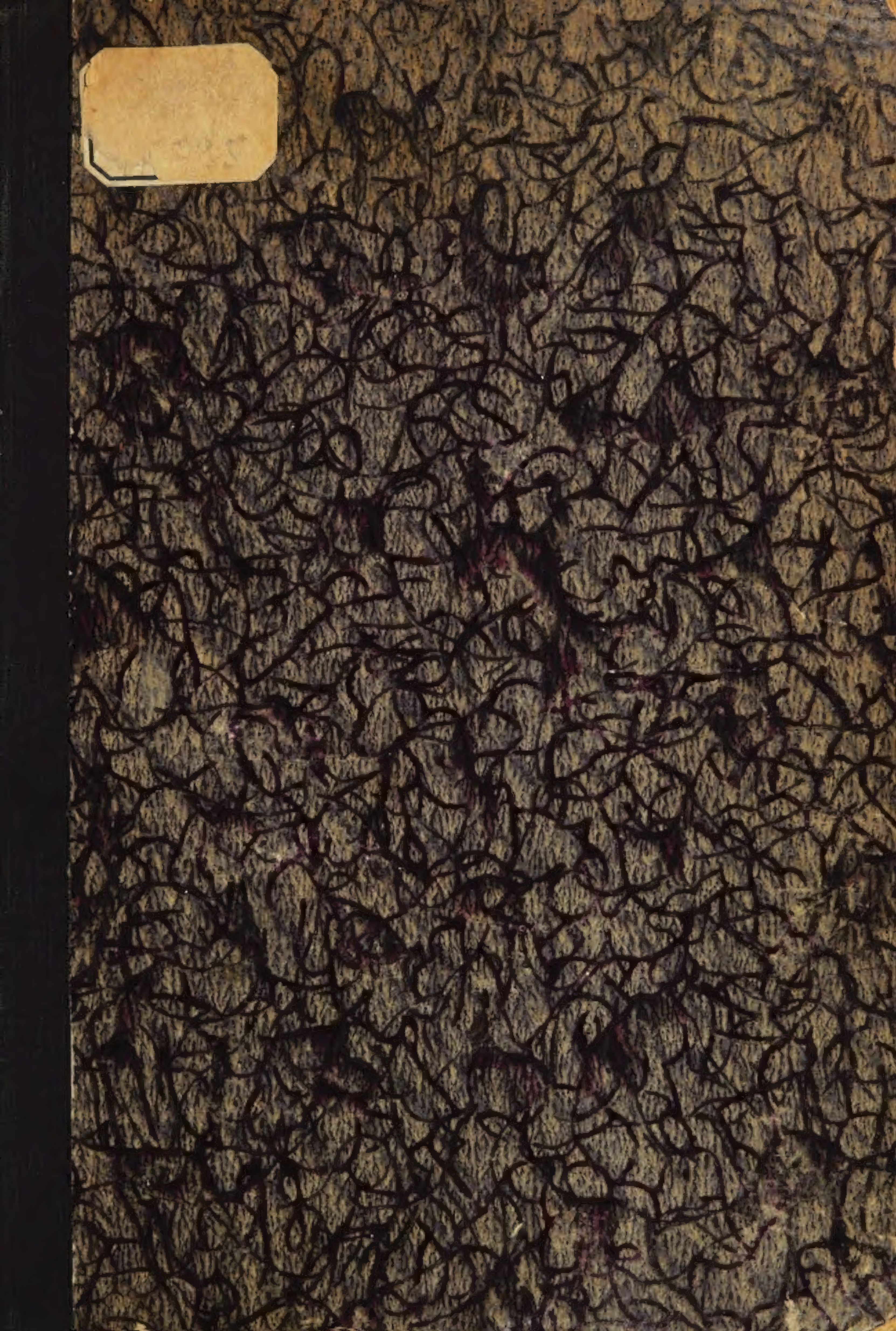

Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

К. П. Ягодовский

В СТРАНЕ
ПОЛУНОЧНОГО СОЛНЦА

ВОСПОМИНАНИЯ О МУРМАНСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Второе издание

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1921

Гиз. № 1031. (Р. В. Ц. Москва.) Отпеч. в кол. 20,000 экз.

20 я ГОСУДАРСТВЕННАЯ типография бывш. (Кушнерева). Пименовская.

Оглавление.

			стран.
СПИСОК РИСУНКОВ			5
ПРЕДИСЛОВИЕ			9
ГЛАВА	I.	Счастливый день	13
»	II.	Сборы. Отъезд в Либаву	17
»	III.	«Андрей Первозванный»	20
»	IV.	Море.—Копенгаген	28
»	V.	Христиания	32
»	VI.	От Христиании до Трондьема	39
»	VII.	От Трондьема до Екатерининской гавани	48
»	VIII.	Екатерининская гавань	61
»	IX.	В Териберке	79
»	X.	Лов наживки	92
»	XI.	На шняке	97
»	XII.	Работы ботов.—Жизнь в Териберке	109
»	XIII.	На «Поморе»	117
»	XIV.	До Гаврилова	129
»	XV.	В Гаврилове	139
»	XVI.	Акулы	148
»	XVII.	На «Андрее Первозванном»	157
»	XVIII.	Кит	187
»	XIX.	На берегу	194
»	XX.	Маленький рейс	211

СТРАН.

ГЛАВА XXI. На острове Кильдине 226
» XXII. Во льдах 235
» XXIII. На Новой Земле 250
» XXIV. Чешская губа 270
» XXV. Звериный промысел 279
» XXVI. Возвращение 295
» XXVII. Мурман зимою 302
» XXVIII. Заключение 314

Список рисунков.

СТРАН.

1. Портрет Н. М. Книповича 13
2. «Андрей Первозванный» 23
3. Большая кормовая лебедка 25
4. Христиания. Стортинг 33
5. Корабль викингов 34
6. Нансен входит по трапу на наш пароход 35
7. Нансен у нас на пароходе 36
8. Нансен у нас на пароходе 37
9. Среди фиорда на норландботе 40
10. Водопад Лерфос 47
11. Торгхаттен 49
12. Туннель в Торгхаттене 50
13. «Семь сестер» 51
14. Пристань в Боде 53
15. Гаммерфест летом 55
16. Гаммерфест. Памятник меридиональных измерений 57
17. Нордкап 58
18. План Екатерининской гавани и ее окрестностей 60
19. «Перейма» во время отлива (вид с городской стороны) 62
20. Вид Екатерининского острова во время нашего прихода в гавань 63
21. Вид с Екатерининского острова на гавань летом 65
22. Шоссе от пристани в город Александровск (летний вид) 67
23. Вид города Александровска во время его постройки (летом) 69
24. Екатерининский остров летом с новым домом экспедиции 70
25. Марк Николаевич Михайловский на палубе «Андрея Первозванного» . . 71
26. Морские звезды 73
27. Небольшой камень, покрытый балянусами 74
28. Балянус с выдвинутыми усиками 74
29. Камень с прикрепленными к нему мидиями 75
30. Фукусы на камнях 76
31. Фукусы с пузырьками, наполненными газом 77
32. Pholis gunellus. Литоральная рыбка 77
33. Актиния 78
34. Мшанки 78

СТРАН.
35. Лодейная губа летом 81
36. Устье реки Териберки. Слева на песке расположено становище Териберки 87
37. Сушка тресковых голов 88
38. Невода просушиваются после лова 90
39. Лов неводом в Екатерининской гавани 93
40. Песчанка 94
41. Пинагор 95
42. Полуночное солнце 96
43. Шняка под парусом 99
44. На ярусе 101
45. Треска 103
46. Пикша 104
47. Скаты 105
48. Зубатка 106
49. Палтус 107
50. Наш промысловый бот 112
51. Ела под парусом 113
52. «Помор» 120
53. Счетчик с пропущенным через его колесо линем 123
54. Лот 124
55. Трубка глубоководного термометра 127
56. Глубоководный термометр 127
57. Снасть для лова на поддев 131
58. Драга 133
59. Пикногон 134
60. Раки-отшельники 135
61. Небольшая медузка 137
62. Птичий базар на Мурмане 141
63. Часть птичьего базара; видны чайки 143
64. Кайры 144
65. Чайки 145
66. Поморник 146
67. Карликовые березы на Мурмане 149
68. Приспособление для лова акул 153
69. Акула 154
70. Николай Михайлович Книпович на палубе «Андрея Первозванного» . . 161
71. Передняя часть палубы «Андрея Первозванного» 162
72. Батометр Петерсона 164
73. Батометр подняли и вставляют в него термометр 165
74. Чертеж оттертролля 167
75. Большая лебедка оттертролля после его спуска; все тросы вытравлены, т.-е. размотаны 169
76. Из-за борта поднимают сеть оттертролля. Все с интересом ожидают результатов улова 170
77. Мотню трала с пойманными животными поднимают на палубу 171
78. Морской окунь 172
79. Морской окунь. Редкий экземпляр, полученный в неизуродованном виде . 172
80. «Isbjörn» 179

СТРАН

81. Большая пелагическая сетка перед спуском 181
82. Подъем большой пелагической сетки, она поднимается в закрытом виде 182
83. Горизонтальный лов большой пелагической сеткой 183
84. Лимацина 184
85. Клио 184
86. Трал Сигсби 184
87. Береговой знак 186
88. Китобойный пароход 189
89. Пушка 191
90. Выброшенный пушкой гарпун попал в тело кита 192
91. Кит, вытащенный на берег 193
92. В береговой лаборатории 196
93. Прилегающая к океану часть Кольского залива 199
94. Самая северная сосна в России 201
95. Вид в Средней губе 205
96. Водопад в Средней губе 206
97. Скалы в Средней губе 207
98. Землянка лопарей 209
99. Россиа—полярная каракатица 212
100. Осьминог 212
101. Годовой ход температур на различных глубинах пред входом в Мотовский залив 213
102. Промызка ила 214
103. Трал Петерсена 215
104. Северная креветка 216
105. Керчак 217
106. Морская звезда с одним регенерирующим лучом 219
107. Офиура 219
108. Офиура с разветвленными лучами 220
109. Морской еж 220
110. Хитон 224
111. С крупного палтуса снимают кожу для коллекции 225
112. Остров Кильдин 228
113. Дом колониста-норвежца на Кильдине 229
114. Стадо оленей на Кильдине 231
115. Барьер, отделяющий Могильное озеро от Кильдинского пролива 232
116. Шлюпка «Андрея Первозванного» на ярусном лове 237
117. Подъем пойманной акулы на борт парохода 239
118. «Андрей Первозванный» во льдах 241
119. Смена винта 245
120. Малые Кармакулы 253
121. Группа самоедов 257
122. Белые медвежата 258
123. Самоедский чум 260
124. Группа самоедов около чума 260
125. В Костином Шаре 263
126. Река на Костином Шаре 264
127. Река в Костином Шаре 265

СТРАН.
128. Река в Костином Шаре 267
129. Остров Тиманец. Грот 273
130. Остров Тиманец. Птичий базар 274
131. Остров Тиманец. Гнездо чайки с птенцами 275
132. Остров Тиманец. Молодые чайки 276
133. «Помор», приспособленный к звериному промыслу 280
134. Группа лиц, участвовавших в первом плавании «Помора» 281
135. Участники второго плавания «Помора» 282
136. Гарпунер 285
137. Острее гарпуна 286
138. Спица 287
139. На льдине снимают кожу с убитого моржа 289
140. На льдине снимают кожу с убитого моржа 289
141. Шкуру моржа поднимают на палубу «Помора» 290
142. Шкуру моржа поднимают на палубу «Помора» 290
143. На «Поморе» снимают жир с тюленьих и моржевых шкур 291
144. Морской заяц, молодой 292
145. Гренландский тюлень—«кожа» 292
146. «Помор» пробивается среди льдов 294
147. Перед Архангельском 301
148. «Андрей Первозванный» зимою в Екатерининской гавани 303
149. Самодельный водопровод 307
150. Екатерининская гавань зимою 309
151. Последние льдины в Екатерининской гавани 311
152. Карта морских течений у северных берегов Европейской России 312
153. Дельфин 313

РИСУНКИ.

1. Первые льдины 233
2. Разбитый лед 241
3. Остановка во льдах 249
4. Ледяная гора 257
5. Лед у берегов Новой Земли 265
6. Разбитый лед 273
7. Отдельная льдина 281
8. «Андрей Первозванный» зимою у пристани Екатерининского острова . . 305

КАРТЫ.

1. Карта северных берегов Европы 33
2. Карта Мурманского берега. От норвежской границы до полуострова Святой Нос 129

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Широко раскинулась Россия! Все государства Западной Европы вместе занимают меньше пространства, чем одна Европейская Россия! Если же принять во внимание беспредельные равнины Сибири и других азиатских владений, то жутко становится пред этой колоссальной поверхностью нашей родины!

Сколько чудных картин, сколько интереснейших явлений разбросала природа на всем этом громадном пространстве! И песчаные спаленные зноем пустыни, и беспредельно тянущиеся зеленые степи, и горы с недосягаемыми, покрытыми вечным снегом вершинами, и моря, таящие в своих пучинах миллионы своеобразных существ,— все это можно встретить, не выезжая за пределы нашей родины!

Не менее разнообразны и проявления человеческой жизни... В какой из стран вы встретите на-ряду с фабричным производством, поставленным по последнему слову науки XX века, полудиких кочевников, перегоняющих свои стада с одного пастбища на другое, охотников, почти не покидающих девственных лесов, дающих им кров и пищу, бесстрашных мореплавателей, стремящихся завладеть сокровищами морских пучин, искателей золота и драгоценных камней, как кроты роющихся в земле и т. д. и т. д.?!

Какой громадный, какой беспредельно интересный материал и для ученого исследователя, и для простого

путешественника, интересующегося жизнью природы и человека!

За последние годы все больше и больше начинают развиваться в России поездки с целью изучения родины. Многие школы каждую весну отправляют своих питомцев в различные уголки нашего обширного отечества. Конечно, никакие книги, никакие описания не дадут им такого ясного представления о природе России и о жизни ее населения, какое получат они во время этих поездок. Все чаще и чаще пускаются в путешествия и отдельные лица. Все стремятся своими глазами увидеть то, о чем читали и о чем слышали.

Большинство стремится на юг. Всех влекут к себе такие места, как Крым и Кавказ. Юг нам всегда кажется более величественным и более интересным. Почти никто не едет на наш крайний север. Севера боятся и там не ожидают найти что-либо интересное; и север России мы знаем хуже других ее уголков. Конечно, много прелести в ласкающих тонах южного берега Крыма; массу своеобразных, необычных для жителя российской равнины впечатлений дает путешествие по Кавказу; но разве менее интересны, менее поучительны суровые, дикие берега, омываемые волнами Ледовитого океана?! Разве не поразительно, что и там, далеко за полярным кругом, жизнь бьет ключем?! Разве не заслуживает самого серьезного внимания то, как приспособился человек к жизни на нашем крайнем севере?! А сияющее в полночь солнце и ночная тьма в полдень?! А непрерывно продолжающийся в течение больше месяца летний день и такая же продолжительная зимняя ночь? Разве все это не делает полярные уголки России не менее интересными и поучительными, чем южные ее окраины?

Я благословляю тот случай, который дал мне возможность познакомиться именно с полярной Россией. Много приходилось мне потом путешествовать, многие

красивейшие уголки России и Западной Европы удалось мне посетить, но нигде я не испытал тех ярких ощущений, тех своеобразных переживаний, которые дал мне наш русский крайний Север. Это и заставило меня написать предлагаемую книгу. Если она пробудит в вас, читатель, интерес к русской полярной окраине, и если под ее впечатлением кто-либо пожелает вместо ласкающего юга посетить описываемые мною места, я буду удовлетворен вполне. Но в данной книге я преследую и другую цель... Мы, русские, почему-то мало интересуемся нашими научными предприятиями. Нам почти всегда кажется, что заграницей все интереснее, все значительнее. А между тем и у нас есть много начинаний, заслуживающих самого глубокого интереса.

Одним из таких начинаний я считаю «Мурманскую Экспедицию», участию в которой я и обязан своим знакомством с севером.

Все мы знаем, что человек с каждым годом все глубже и глубже проникает в тайны моря. Для нас теперь многое уже ясно из того, что еще недавно заставляло человека строить целый ряд ни на чем не основанных предположений.

Но многие ли знакомы с тем, *как* человек заглянул в пучину океана?!

Описывая свое путешествие по северу, я стремлюсь везде ознакомить читателя с орудиями и способами современного исследования жизни морских глубин. И если эти описания помогут вам, читатель, хоть отчасти оценить те гениальные изобретения, которые позволяют нам теперь говорить о жизни моря с такой же уверенностью, с какой мы говорим о жизни на суше, то и вторая моя цель будет вполне достигнута.

Мое знакомство и с севером, и с исследованиями жизни моря происходило или путем личных моих наблюдений, или в беседах с моими товарищами. Это заставило

меня придать изложению характер отчасти дневника, отчасти беседы, как то и было на деле.

Первая часть — путь до Екатерининской гавани — является именно таким дневником. В дальнейшем я собрал свои впечатления за 3 года и излагал их уже в иной последовательности, чем то было в действительности. Да простят мне товарищи по плаванию, если я в некоторых местах слова одного вложил в уста другому.

Главным моим руководителем при знакомстве с жизнью нашего севера и омывающих его вод был начальник экспедиции Н. М. Книпович. При составлении этой книги я тоже получил от него много очень ценных советов и указаний. Шлю ему за все мою искреннюю и бесконечно глубокую благодарность.

Ряд указаний получил я от моего товарища по плаванию С. А. Павловича; он же сделал рисунки для карт и некоторых клише, позволившие мне ярче иллюстрировать описание. Прошу и его принять большую мою благодарность за участие в моей работе.

ГЛАВА I.

Счастливый день.

Это было в декабре 1898 года. Как и всегда, рано утром я шел в университет. Погода была ужасная: мокрый снег, валивший крупными хлопьями, залеплял глаза, уши, пробирался за воротник; сильный ветер заставлял плотнее закутываться в пальто и придерживать фуражку. Серое небо с быстро бегущими, низко нависшими облаками не обещало ничего хорошего... Если ко всему этому представить себе, какой слякотью и грязью покрываются в такие дни улицы Петербурга, тогда станет понятным, как себя чувствовали все те, кому нужно было итти несколько верст пешком.

Но вот, наконец, и дверь нашей лаборатории...

Уже второй год я работал над изучением окончаний обонятельного нерва у рыб. Это была обычная студенческая «зачетная» работа. К осени этого года мне удалось проследить не только то, что было описано у различных исследователей, но как будто бы увидеть и нечто новое... Только тот, кто когда-либо сам занимался подобной работой, может понять, как захватывает она, и какое громадное удовлетворение дает самое ничтожное «открытие», т.-е. находка чего-нибудь нового, чего не заметили другие. Нечто подобное я и увидел на своих препаратах... но мне никак не удавалось получить настолько ясную картину, чтобы мое «открытие» ни в ком не

вызывало сомнений. И вот уже месяца два я готовил массу препаратов, и все безрезультатно.

В описываемый мною день я без всякой надежды на успех взялся за микротом. Прежде, чем приготовить препарат в окончательном виде, я взял несколько срезов и начал их рассматривать под микроскопом. Одного взгляда достаточно было, чтобы настроение мое резко изменилось. Я нашел то, что искал! И стены лаборатории, за минуту перед тем нагонявшие тоску, и окна, залепленные до половины снегом, и серое свинцовое небо, все сразу как будто переменилось, все казалось таким близким, родным и милым.

Закипела работа, та работа, при которой без всяких видимых усилий все делается легко, свободно и хорошо...

Около часу дня мы в лаборатории завтракали и пили чай, который тут же кипятили в чайнике. Только что мы налили себе чаю и, усевшись за стол, начали делиться новостями, как ко мне пришел знакомый студент В. Ф. Д.

— Мне нужно с вами поговорить. Идемте в коридор.

— В чем дело?—спросил я.

— Вы поехали бы на Мурман?

— Расскажите подробнее... Я знаю, что вы прошлое лето провели там, но и только.

— Вы знаете Николая Михайловича Книповича? Он является начальником Мурманской научно-промысловой экспедиции. Летом экспедиция уже приступила к работам. В этом году дело расширяется, нужны новые помощники; если хотите, едемте!

— Ну, конечно, хочу.

— В таком случае к 3-м часам пойдите для переговоров к Николаю Михайловичу в Зоологический музей Академии Наук. А пока до свидания! Я очень тороплюсь, так как я скоро уезжаю на Мурман на оленях через Кольский полуостров; мне нужно собраться и подготовиться к этому трудному переезду.

Я кое-что слышал о Мурманской экспедиции и знал Н. М. Книповича, который читал у нас, как приват-доцент, один из частных курсов зоологии, но я никогда и не мечтал, что мне удастся попасть в Ледовитый океан и принимать участие в раскрытии тех тайн, которые хранит он в своих глубинах. Я недавно еще прочел историю путешествия Нансена... Конечно, Мурманская экспедиция и экспедиция Нансена не одно и то же, но все равно, мне представляется возможность побывать в полярных странах.

В 3 часа я был в Зоологическом музее Академии Наук, не в той его части, которая открыта для публики, а в подвалах, в которых устроены кабинеты ученых зоологов! Когда я входил в кабинет Николая Михайловича, он сидел и разбирал раковины моллюсков. Усадив меня и не прекращая своей работы, он начал знакомить меня с историей экспедиции.

— Экспедицию снарядил «Комитет для помощи поморам русского севера». Сначала комитет заботился только о материальной поддержке семей поморов, погибших в океане во время шторма, но потом деятельность его значительно расширилась: комитет организовал взаимное обязательное страхование поморских судов, а в настоящее время он очень заинтересован исследованием промыслов и промысловых вод. Это и составляет задачу нашей экспедиции. Мы уже в прошлом году работали на Мурмане; но на деятельность прошлого лета я смотрю исключительно как на разведку: мы не могли предпринять сколько-нибудь значительных работ, так как в нашем распоряжении было только парусное судно. В настоящее время уже выстроен за границей пароход, специально приспособленный для работ экспедиции, и с весны этого года начнутся настоящие интенсивные исследования.

Должен вас предупредить, — продолжал Николай Михайлович, — что работы будет много, и условия, при

которых придется работать, могут быть довольно тяжелыми... Кстати, вы бывали в море?

— Нет, никогда!

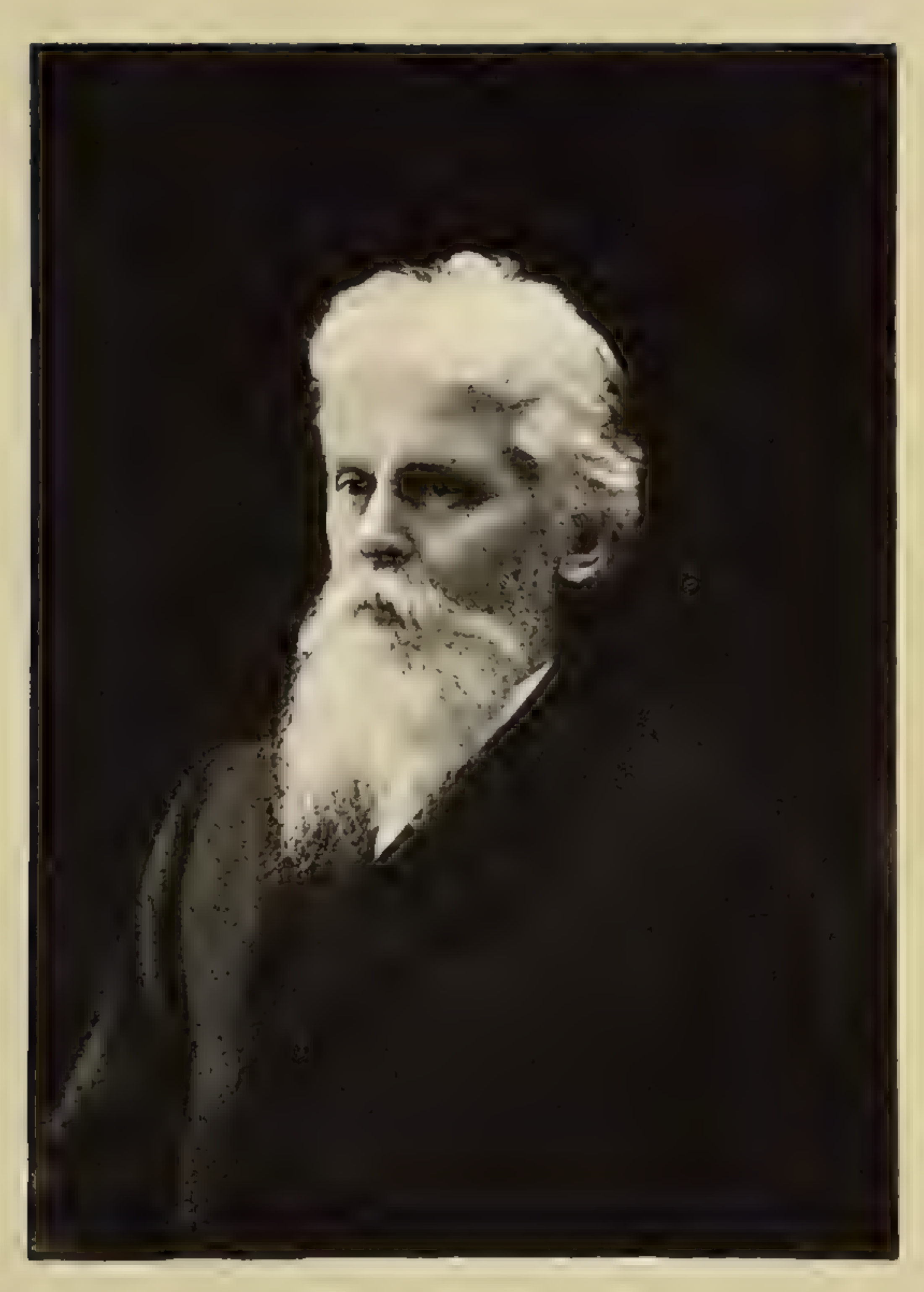
— Ну, смотрите, если вы не выносите моря, то работа может оказаться для вас невозможной. Так вот, если вас не пугает все то, на что я указывал, начинайте готовиться.

Последние слова Николая Михайловича заставили меня усмехнуться; разве может кого-либо испугать и удержать предстоящая работа и, хотя бы даже, морская болезнь, когда впереди предстояло путешествие по Ледовитому океану, исследование океанических глубин, быть может, встреча с китами и с полярными льдами и т. д., и т. д.

В дальнейшем разговоре Николай Михайлович познакомил меня с условиями работы, дал несколько добрых советов относительно снаряжения и предложил приходить к нему в кабинет с тем, чтобы познакомиться хоть немного с мурманскими промысловыми рыбами и другими животными, с которыми придется встречаться во время работ.

Полный восторга и мечтаний о будущем путешествии вышел я из музея. Вьюга продолжалась, но то, что утром так угнетало, теперь не производило почти никакого впечатления. Предстоящее рисовалось мне таким интересным и захватывающим, что все переживаемые невзгоды казались слишком ничтожными, чтобы придавать им какое-либо значение.

Моя работа в лаборатории тоже рисовалась мне теперь в ином свете: еще утром, как о счастье, мечтал я о том, как бы получить препарат, подтверждающий мои наблюдения... Теперь препарат получен, и, конечно, мне это приятно, но предстоящая поездка казалась мне гораздо более важной и интересной, чем вся моя работа в лаборатории.

Профессор

Николай Михайлович Книпович.

(Современный портрет)

КАРТА
СѢВЕРНЫХЪ БЕРЕГОВЪ
ЕВРОПЫ.

Прошло с тех пор много лет, но и до сих пор я считаю этот день одним из наиболее важных по своим последствиям дней моей жизни.

ГЛАВА II.

Сборы. Отъезд в Либаву.

С этого дня я почти каждый день кроме лаборатории работал еще в Академическом музее в кабинете Николая Михайловича.

Здесь я встретился со своими будущими товарищами по экспедиции. Почти со всеми ими я уже был знаком по университету: все это были студенты-естественники. В музее у Николая Михайловича познакомились мы и с будущим врачем экспедиции Александром Карловичем Г.; молодой человек очень высокого роста, со строго сдвинутыми бровями, он произвел на нас впечатление очень чопорного и сухого человека, но потом, уже с первых дней совместной жизни, мы убедились, насколько ошибочным было наше первое впечатление.

В музее мы, главным образом, определяли по определителю мурманских рыб. Здесь впервые мы увидели заспиртованных тресок, пикш, палтусов, которые потом в тысячах экземпляров проходили через наши руки. Разбирая банки с коллекциями разведочной экспедиции, мы познакомились немного и с другими животными нашего северного моря.

Но особенно ценными для нас были указания и разговоры с Николаем Михайловичем. Часто задерживались мы в музее после окончания работ, и Николай Михайлович выяснял нам значение научно-промысловых исследований и знакомил нас с будущей работой, с задачами, которые намечает он на предстоящее лето, и т. п.

— Вы спрашиваете, в чем заключается сущность именно научно-промысловых исследований? Ответить на это можно очень просто: только полное и всестороннее знание промысловых вод может дать нам возможность вполне разумно использовать их богатства. Но, прежде всего, вы представьте себе все значение рыбных богатств в жизни народа! Ведь рыба, это—самая дешевая животная пища, а, с другой стороны, дорогие сорта рыб дают рыбакам очень хороший заработок. До недавнего времени с рыбными богатствами не церемонились: ловили, когда хотели, как хотели и сколько хотели. Каковы же результаты? Очень печальные. Взять хотя бы бассейн Каспийского моря... Промыслы с каждым годом падают: рыбы меньше и сама рыба хуже... Одна сторона научно-промысловых исследований и заключается в том, чтобы, исследуя жизнь рыб, получить те сведения, которые позволили бы не только не расхитить запасы рыбных богатств, а, напротив, сохранить их и даже, если возможно, увеличить. Вы слыхали, вероятно, кое-что о волжской сельди?

— Да, да!

— А я не слыхал; в чем дело?

— В Волге, до исследований Бера, сельдь не ловили, хотя она встречалась там громадными косяками. Ее не считали промысловой рыбой. Бер показал, что эта рыба, встречающаяся в несметных количествах, может дать дешевый пищевой продукт, и научил рыбаков солить ее особым способом. Тогда началось такое истребление этой рыбы, что в настоящее время приходится говорить о мерах, которые спасли бы ее от полного истребления. Это хороший пример: исследования Бера вызвали к жизни новый промысел, и, рядом с этим, недостаточное знание жизни промыслового животного не позволило оградить его от истребления. При промыслах в открытом океане пока не возникают еще вопросы об истреблении промысловых животных, но зато там гораздо важнее вопрос

о том, где и в какое время года держится промысловая рыба. Как же хорошо и точно должны мы знать жизнь промыслового животного, чтобы, с одной стороны, указывать промышленникам, где и когда они больше наловят, а с другой—не только охранить это животное от полного истребления, но даже дать ему возможность увеличиваться в количестве!

— Какая же разница между промысловыми и научно-промысловыми исследованиями?—спросил кто-то из нас.

— Очень определенная,—отвечал Николай Михайлович.—Вот, например, мы приедем на Мурман и будем наблюдать такой факт: у берегов рыбы нет, она держится где-то в открытом море... При промысловых исследованиях мы возьмем ряд судов и пошлем их в различные места производить опыты лова. В результате мы узнаем, что в таком-то году, в такое-то время рыба держалась там-то. Вот вам чисто практическое решение вопроса.

Совершенно иначе поступим мы, если захотим решить этот же вопрос научным способом. Мы, как и в первом случае, должны будем произвести ряд опытов лова, но рядом с этим мы будем стремиться выяснить причины данного явления, т.-е. установить зависимость его от других явлений. И если нам это удастся, то мы, наблюдая одни явления, будем иметь возможность предсказать наступление других.

Конечно, это не так просто. Взять хотя бы приведенный выше пример: предположим, что мы установим, что в данный момент промысловая рыба держится вдали от берегов потому, что в это время именно там держатся те животные, которыми она питается... Пред нами возникает новый вопрос: почему же именно здесь держатся в данный момент животные, составляющие пищу промысловых рыб? Вы видите, что при подобных исследованиях нельзя ограничиться изучением жизни только

данного промыслового животного; необходимо изучать все население данного водоема, и не только население, а и остальные явления, так как, конечно, и температура, и содержание в воде солей и газов и течения—все это так или иначе влияет на жизнь животных данной области. Таким образом, *полное и всестороннее изучение моря* должно составлять основу научно-промысловых исследований. Наша работа прежде всего и будет заключаться в подобном изучении...—

Время отъезда приближалось. Все мы купили себе высокие непромокаемые сапоги, запаслись шапками с наушниками, теплыми куртками и т. д.

В начале апреля мы выехали в Либаву, куда должен был притти из-за границы «Андрей Первозванный» (так назывался наш пароход).

Несколько дней мы прожили в Либаве, так как при пробном плавании «Андрея Первозванного» были обнаружены некоторые недочеты, которые нужно было исправить. Но время это не пропало даром: разговоры с Николаем Михайловичем пополняли и углубляли наши знания о том деле, служить которому мы собирались.

Меня, да вероятно и других, все сильнее и сильнее волновало приближение момента, когда мы должны будем познакомиться с морем. Вынесу ли я? Не осрамиться бы!

В ночь на 11-е апреля было получено известие, что наш пароход подходит к Либаве.

ГЛАВА III.

«Андрей Первозванный».

Рано утром 11 апреля мы все были в Коммерческом порту; так называется в Либаве довольно узкий канал, в который заходят и к стенкам которого «пришвартовы-

ваются» [1]) коммерческие суда. Кругом нас—обычная жизнь большого торгового порта: шум лебедок и лязг цепей, крики и говор чуть не на всех европейских языках, дым, свистки пароходов и т. д., и т. д.

Наконец из-за леса мачт, из-за клубов бурого удушливого дыма показалась красивая белая двухмачтовая яхта... Мы сразу узнали нашего «Андрея», так не похож он был на все окружавшие нас суда (рис. 2). Но не скоро еще попали мы на него: несколько часов продолжался таможенный досмотр и другие формальности.

Но вот я и на «Андрее Первозванном»! Не на каком-либо речном пароходишке, а на пароходе, предназначенном для плавания в океане, в Ледовитом океане! Так думал я, впервые вступая на палубу. Здесь для меня все было ново. Все, начиная от палубы, кают, вплоть до совершенно своеобразного распределения дня. Целый новый мир со своим необычным для меня укладом жизни открывался предо мною.

Позвольте же хоть в самых общих чертах познакомить вас, читатель, с нашим новым жилищем.

Полная длина «Андрея» — 151 фут, наибольшая ширина—26 футов,—вот его величина. Как видите, пароход небольшой. Если бы вы попали на его палубу, то вам показалось бы на ней тесно. Действительно, вся средняя часть палубы застроена «рубками», так что свободными остаются только неширокие проходы вдоль бортов да носовая и кормовая части или, по морской терминологии, «бак» и «ют». Такое обилие «рубок» объясняется тем, что, кроме обычных помещений—штурманской рубки, в которой хранятся карты, хронометры и др. мореходные инструменты и принадлежности, камбуза или по-просту кухни и т. д., у нас в рубках помещалась лаборатория.

Лаборатория находилась в кормовой части рубки, и

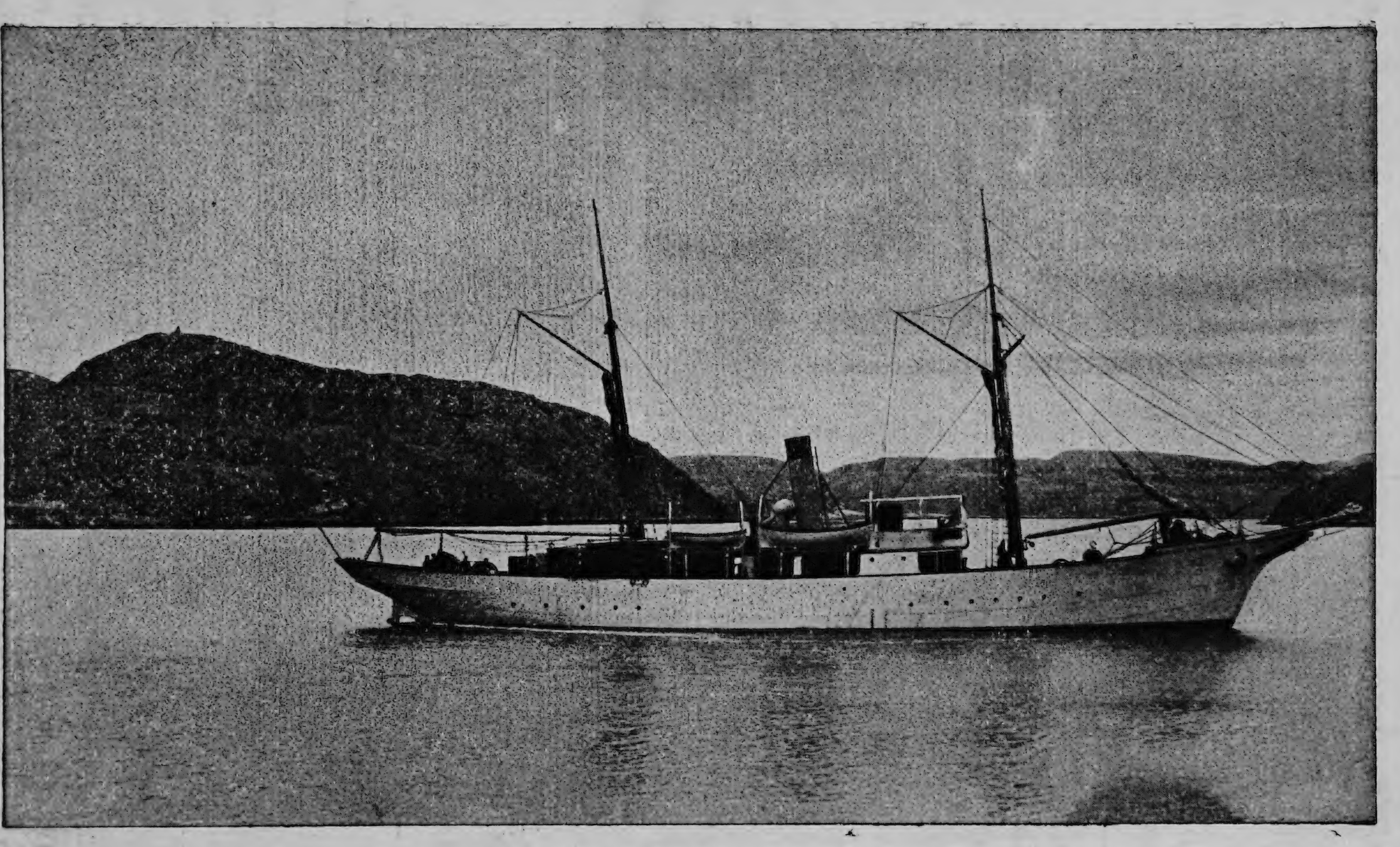
[1]) Привязываются.

дверь из нее открывалась на корму. Лаборатория состояла из двух комнат. Первая предназначалась для черновой работы: в ней разбирали вытащенных со дна животных, вскрывали и измеряли рыб и т. п. В этой части помещались на столе аквариумы, в которых мы держали живых животных; в шкапах, стоявших вдоль стен и в ящиках столов, была масса различных банок, в которых сохранялись добытые животные, на полках в больших банках находился спирт и формалин для консервирования коллекций, здесь же сохранялись некоторые снаряды и приборы для исследований. Вторая комната была более уютной; правда, и здесь каждый уголок был занят или шкапом с банками или какими-либо другими приспособлениями, но большой стол и стулья придавали этому помещению более жилой характер. Здесь производились работы с микроскопом, здесь велись записи в наших рабочих журналах и здесь же шли нескончаемые разговоры в перерывах между работами. Много хороших воспоминаний связано у меня именно с этим помещением.

На корме прямо перед лабораторией была большая лебедка, т.-е. громадная катушка с намотанными на нее стальными тросами; она приводилась в движение при помощи пара и служила для работ с оттертроллем (громадная сеть для лова на дне моря) (рис. 3). На корме же помещался вход в «кубрик», т.-е. помещение для команды.

На носовой части палубы перед штурманской рубкой была вторая лебедка, несколько меньших размеров; и тросы на ней были тоже значительно тоньше, чем на кормовой. При помощи этой лебедки спускались более мелкие снасти и приборы.

Наше помещение находилось в носовой части. Здесь было 6 кают и одна довольно большая кают-компания. Я поместился в каюте с Нестором Александровичем С. У нас было две койки, т.-е. два неглубоких ящика один

Рис. 2. «Андрей Первозванный».

над другим, небольшой диванчик вдоль борта, 2 шкапа для платья, столик, который открывался и превращался в умывальник, и несколько полочек. Вот и все наше помещение.

Скоро рассовали мы свои пожитки по каютам и собрались все в кают-компанию... Здесь мы познакомились с нашим капитаном, Александром Петровичем С., и его старшим помощником, Василием Николаевичем Ч.

— Александр Петрович, скажите, пожалуйста, как открыть окошечко в нашей каюте?—спросил я.

— Ха, ха, ха! какое окошечко? У нас здесь нет окошек! У нас, батенька, иллюминаторы!—И Александр Петрович и его помощник искренно и заразительно хохотали над нашей морской «необразованностью».

— Да, вам тут придется многому поучиться,—заметил Николай Михайлович.—У них ведь все не по-человечески называется: вот нам кажется так просто и для всех понятно сказать веревка...

— Нет не веревка, а *конец*,—с азартом заявил Александр Петрович.

— Вот видите?—сказал Николай Михайлович.—А то еще вместо конца «шкертик» услышите...

— Бывает и шкертик,—подтвердил Александр Петрович.

— А что же это такое шкертик?—спросил кто-то из нас.

— Да просто небольшая веревочка,—сказал Николай Михайлович.

Еще долго мы подсмеивались над языком и некоторыми обычаями моряков, а они в свою очередь подшучивали над нашей «необразованностью».

— А ведь у нас, Николай Михайлович, и музыка есть!—сказал капитан и дернул за рычаг музыкального шкапа. Одну за другой прослушали мы ряд пьес. Мы не обратили сначала особого внимания на нашу музыку, но потом после нескольких месяцев плавания мы ее вполне

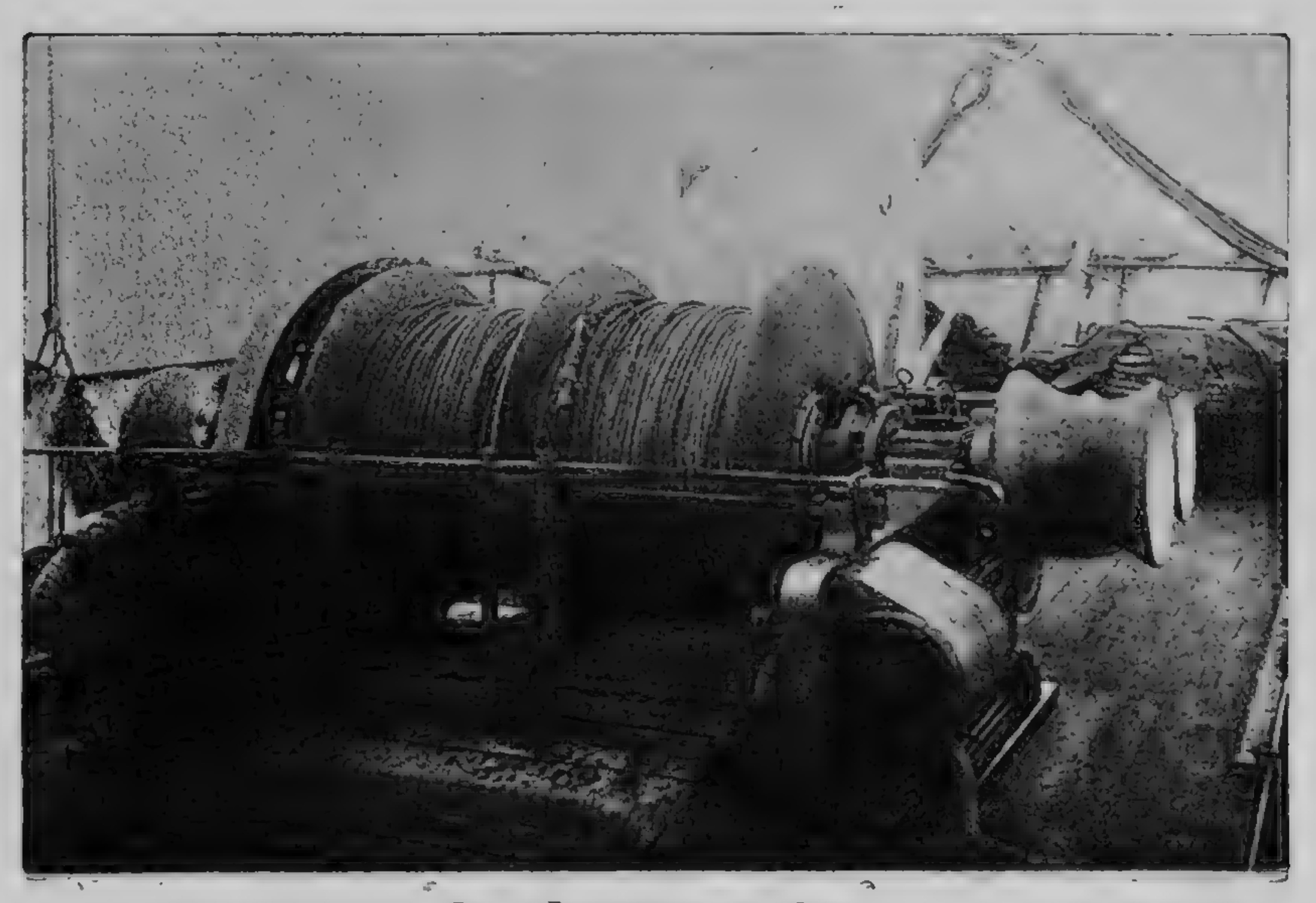

Рис. 3. Большая кормовая лебедка.

оценили, и у каждого из нас были свои любимые музыкальные номера.

Скоро разговор перешел на постройку парохода, на связанные с ней задержки и т. д.

— В чем же заключаются приспособления «Андрея» к полярному плаванию?—спросил кто-то из нас.

— А вы обратили внимание на его нос?—спросил Александр Петрович.—Ведь нос у него, как у ледокола. При встрече со льдами он будет вползать на них и ломать.

— А если лед толстый?

— Тогда можно в особые носовые помещения накачать воды; обычной толщины льдина, конечно, не выдержит такой тяжести. Конечно, носовая часть «Андрея», как и у всякого ледокола, укреплена особенно хорошо.

— Ну, а как вы, Александр Петрович, вообще довольны судном?

— Хорошее судно, прочное! На волну взбирается хорошо! На нем не страшно итти, куда угодно. Конечно, есть некоторые недостатки, но мы их исправим, а с некоторыми придется мириться.

— Что это звонят?

— Вот опять обнаружили свою «необразованность»!— добродушно ухмыляясь, сказал Василий Николаевич.— Это «бьют склянки».

— Но ведь для меня это то же самое, что и звонят...

— Склянки—это часы.

— Ну, вот опять что-то, смысла чего я никак не пойму... Почему склянки, а не часы?

— Это старый морской обычай. Когда еще не было наших пружинных часов (часы с маятником для моря ведь не пригодны), за временем следили при помощи стеклянных песочных часов—«склянок». Употреблялись склянки с получасовым периодом. Особый матрос следил за склянкой, и через каждые полчаса, когда песок пересыпался

из верхнего резервуара в нижний, он должен был перевернуть склянку и ударить в колокол. На судах и до сих пор сохранился обычай «отбивать склянки», хотя мы теперь пользуемся и обыкновенными часами.

— Я насчитал 7 ударов... Что же это значит?

— У нас счет времени начинается с 12 часов. Следовательно, в половине первого будет 1 склянка, 1 удар, в час—два и т. д. Самое большое отбивается 8 склянок, и это будет в 4 часа. С этого времени опять в половине 5-го—1 склянка и т. д. Только что били 7 склянок, и дело идет к вечеру, следовательно, это и была половина восьмого... Пожалуйста,—и Александр Петрович показал свои часы.

— Да, но какой смысл в настоящее время отбивать склянки?—спросил я.

— Смысл есть. Вот вы поживете на судне и увидите, что наша жизнь идет периодами по 4 часа. И палубная и машинная команды работают в две вахты, т.-е. в две смены, которые сменяют друг друга через каждые 4 часа: 4 часа работы и затем 4 часа отдыха. Таким образом очень небесполезно отмечать этот четырехчасовой период. Кроме того, для нас склянки—своего рода контрольные часы. Вот, например, сегодня ночью мне не нужно будет подниматься на палубу, чтобы проверить вахтенного; я по склянкам буду знать, спит он или нет. И для вахтенного тоже хорошо: необходимость следить за часами все время держит его в напряженном состоянии и не дает ему зевать и спать.

В это время в кают-компанию вошел Эрнст и стал накрывать стол.

— Вот видите,—сказал Александр Петрович,—и едим мы тоже через каждые 4 часа: в 8 ч. утра—кофе, в 12 ч.—обед, в 4 часа дня—кофе и в 8 ч.—ужин.

После ужина часть нашей компании отправилась в город или, как говорил капитан, «на берег», резко про-

тивопоставляя судно берегу. Я забрался в каюту, повернул выключатель, и яркий электрический свет залил наше крохотное обиталище; было так уютно! После дня, полного новых впечатлений, хотелось успокоиться... Расположившись на своем столике-умывальнике, я принялся за письма к своим далеким друзьям. Через известные промежутки раздавался «бой склянок»; откуда-то из глубины судна доносился равномерный шум электрической машины, над головой моей на палубе медленно шагал вахтенный; у борта вяло плескалась вода...

ГЛАВА IV.

Море.—Копенгаген.

Еще несколько дней простояли мы в Либаве.

13 апреля у нас был праздник: освящали пароход и торжественно подняли флаг Невского Яхт-Клуба, к которому был приписан «Андрей Первозванный».

Остальные дни прошли в работе: мы устраивали лабораторию, доктор был занят оборудованием аптеки, а команда грузила уголь, воду и всякие другие припасы.

За это время мы успели изучить наш пароход; не было, вероятно, ни одного уголка, куда бы мы не сунули свой нос. Все нас интересовало и занимало, и мы, вероятно, сильно надоели своими расспросами нашим морякам.

Рано утром «Андрей Первозванный» вышел из Либавы в Копенгаген. Я еще спал...

Проснулся я от протяжных правильно повторяющихся гудков нашего парохода. Нас слегка качало. Первое впечатление было такое, как на качели, с тою разницей, что качало не в одном направлении, а как-то неправильно, во все стороны. У борта, т.-е. у стенки каюты, шумела и плескалась вода.

«Вот и море, вот и качка,—думал я;—ну, как-то ты вынесешь ее?..»

Я храбро начал одеваться. Хотя качало и не сильно, но голова кружилась, руки были какие-то тяжелые и бессильные. Наскоро и без всякого аппетита проглотил я стакан чаю и пошел на палубу.

Почти все уже встали и были на капитанском мостике.

— Почему это все время дают гудки?—спросил я.

— А разве вы не видите, что мы идем в тумане? Как же встречные суда будут знать о приближении друг друга, если будут итти без гудков?—И Александр Петрович удивлялся, что мы спрашиваем о таких простых вещах.

— Как чувствуете себя?—улыбаясь, спрашивает Николай Михайлович.

— Ничего!—храбрился я.—А это, как считается, сильная качка?

— Нет, очень слабая, но неприятная... Это—мертвая зыбь. Ветра ведь нет, совершенно тихо, но в море волна не улеглась, и нас качает неправильно, бросая во все стороны! Для новичков это самая неприятная качка.

А мне делалось все хуже и хуже. Вероятно, и по лицу моему было это заметно.

— Если вам нехорошо,—сказал Николай Михайлович,—то лучше не удерживайте; это самое мучительное состояние. Идите и посмотрите за борт...

И хоть мне было очень стыдно, но я последовал доброму совету... Мне сразу стало легче, но мысль, что я не приспособлюсь к морю, беспокоила меня теперь все сильнее и сильнее. Но вот и мой сожитель по каюте, Нестор Александрович, что-то внимательно рассматривал за бортом... Не я один, значит, в таком состоянии...

Скоро неприятное ощущение прекратилось, да и зыбь становилась все слабее и слабее. Но все же, когда Эрнст пришел звать обедать, я и Нестор Александрович не пошли: мне даже мысль о пище была противна.

Мы стояли на мостике. Туман скрывал от нас все, кроме небольшого пространства у парохода. Гудки про-

должались... И вдруг в перерыве между гудками откуда-то издалека донесся к нам такой же воющий звук.

— Слышали?—спросил Василий Николаевич.—Пароход идет!

— А что же делают в таком случае парусники? У них ведь нет гудков.

— Есть, но только не паровые, а вроде насоса...

А гудки все ближе и ближе... Как мы ни вглядывались, мы ничего не могли различить в мутножелтой пелене тумана. Кажется, вот где-то здесь, совсем близко гудит пароход, и все же ничего не видно. Но вот гудки стали доноситься все тише и тише...

Вскоре после обеда поднялся легкий ветерок, туман рассеялся, и впереди открылась земля. Мы подходили к Копенгагену.

Чем ближе, тем все чаще и чаще стали попадаться нам суда, парусные и паровые. Качка совсем прекратилась, и я без всяких неприятных переживаний мог любоваться новым для меня зрелищем.

Не успели мы войти в обширную копенгагенскую гавань, как к нам подошел таможенный катер. Мы думали, что начнутся какие-либо таможенные формальности, но сильно ошиблись. Таможенный чиновник, взойдя на палубу, поздравил нас с прибытием, передал Николаю Михайловичу почту и предложил желающим съехать на берег на его катере. Такая любезность и предупредительность нас очень удивила.

Оказалось, что в Копенгагене знали о нашей экспедиции, и как только с маяка сообщили о приближении «Андрея», так сейчас же из таможни выехали нам навстречу.

Николай Михайлович, у которого в Копенгагене было много дел, сейчас же отправился на берег, а мы решили ожидать, когда пристанем к берегу.

В Копенгагене уже была настоящая весна. В Либаве было холодно, и деревья стояли голыми... Здесь было

гораздо теплее; молодая зелень так ласкала взор и издавала такой приятный весенний запах...

Копенгаген—первый не-русский город, который мне пришлось видеть, и я сразу почувствовал в нем что-то новое. Трудно определить, из чего именно складывалось это ощущение. Все было иное. Много оживления, много говора, и мало шума; мало экипажей, и много пешеходов; все идут, спешат, но нет той озабоченности и того напряжения, которое так заметно, например, в Петербурге.

До позднего вечера ходили мы по улицам и любовались городом.

Утром на следующий день мы, студенты, с нашим милым доктором снова отправились осматривать город и прежде всего решили посмотреть университет. Пользуясь немецким языком, мы довольно легко добрались до цели. Вот мы и перед зданием университета, стоим и говорим между собою (для практики по-немецки). Вдруг к нам подходит старичок в очках, в цилиндре и спрашивает:

— Вы, вероятно, немецкие студенты?

— Нет,—отвечаем мы,—мы—русские студенты.

Старичок просиял и начал пожимать нам руки, повторяя, что знает Россию, что много о ней слышал.

— Чего же вы стоите здесь?

— А вот пришли университет посмотреть.

— Идемте, я вам покажу его. Сегодня воскресенье, но все же попытаемся проникнуть внутрь.

Он подошел к окну у ворот и постучал. Какая-то женщина открыла окно и после нескольких слов, сказанных нашим новым знакомым, передала ему ключ.

— Идемте!

И он, открыв входные двери, начал водить нас по аудиториям, показал небольшой, но величественный, украшенный живописью зал торжественных заседаний и т. д.

Мы решили, что это кто-нибудь из профессоров или

вообще из лиц, причастных к университету, так как мы не могли себе представить, чтобы постороннему человеку можно было так легко и просто проникнуть в такое учреждение, как университет. Но, как оказалось, мы ошиблись: доктор философии Иенсен (он потом каждому из нас дал свою карточку) только учился в этом университете... Тогда мы удивились еще больше.

Из университета наш провожатый повел нас по городу, останавливаясь у памятников, дворцов, общественных зданий и т. д.

Подходило время обеда, и мы пригласили нашего нового знакомого к нам на пароход. С какой живостью и интересом он рассказывал нам о достопримечательностях Копенгагена! С таким же оживлением расспрашивал он нас об экспедиции и обо всем, что видел на «Андрее».

В Копенгагене мы простояли еще несколько дней, так как нам нужно было получить здесь целый ряд приборов для будущих работ. За это время мы успели осмотреть зоологический сад и музей, музей знаменитого скульптора Торвальдсена и многое другое. В свою очередь, «Андрей Первозванный» привлек внимание многих датских ученых, заинтересованных научно-промысловыми исследованиями; ихтиологи и натуралисты часто приходили к нам и с интересом рассматривали наши орудия и приспособления для работ.

29 апреля мы уже укладывались спать, когда «Андрей Первозванный» снялся с якоря и пошел в Христианию.

ГЛАВА V.

Христиания.

Яркий красивый весенний день встретил меня, когда я утром вышел на палубу. Мы стояли на якоре посредине широкой бухты, окруженной темно-зеленой хвойной растительностью. Вдали виднелся город. Дышалось

так легко, настроение такое бодрое, и впереди так много нового и заманчивого!

— Нами здесь очень интересуются,—говорил Николай Михайлович, когда мы сидели в кают-компании за утренним кофе.—В настоящее время в Норвегии решается вопрос о снаряжении экспедиции, подобной нашей, и о постройке судна для исследований. Вероятно, у нас сегодня будет много посетителей.

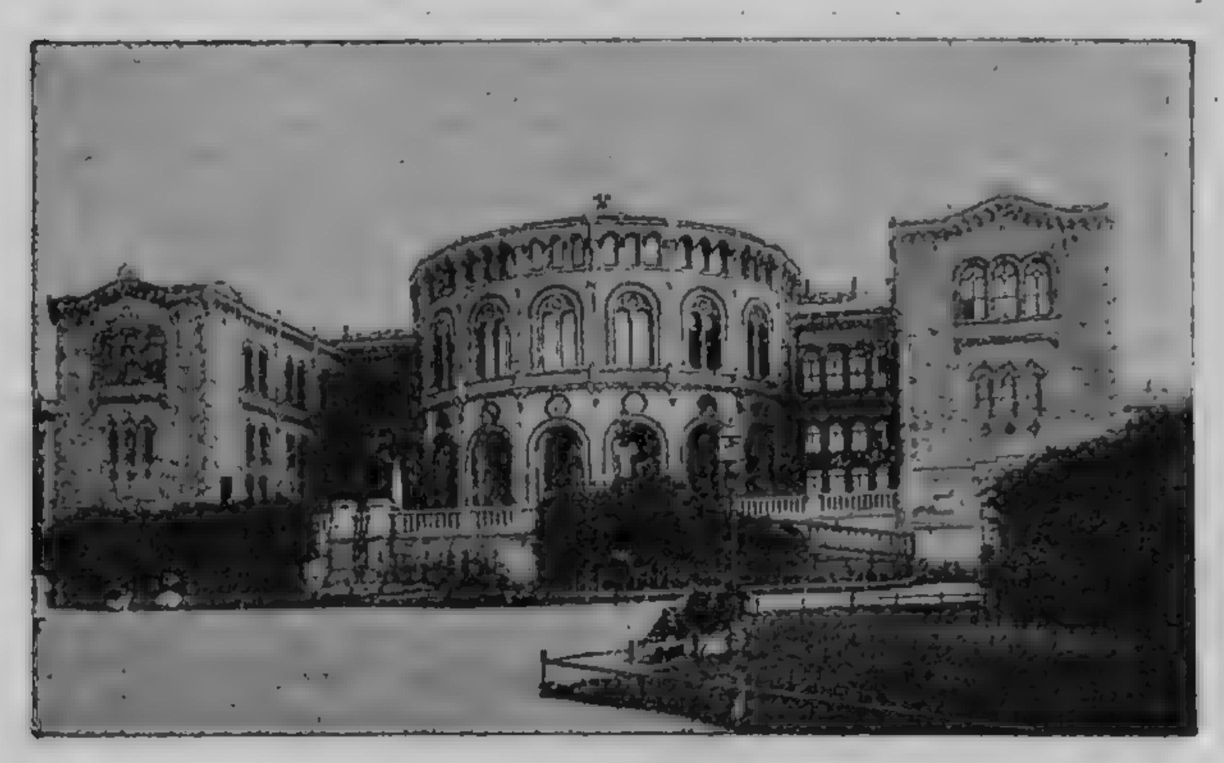

Рис. 4. Христиания. Стортинг.

После кофе нам дали шлюпку и мы скоро были на берегу.

Небольшая и какая-то спокойная столица Норвегии навсегда оставила у меня в душе самые приятные воспоминания. Нам достаточно было двух часов, чтобы познакомиться с внешним видом города. Среди зданий по главной улице невольно бросалось в глаза красивое здание стортинга (палаты депутатов) и королевский дворец, гордо возвышавшийся над окружающими домами (рис. 4).

До возвращения на пароход мы осмотрели еще корабль викингов (рис. 5). Довольнс большая лодка с характер-

ными высоко поднимающимися носом и кормой так мало походила на тот грозный корабль, который рисовало воображение при слове «корабль викингов». До какой степени нужно было сродниться с морем и какой отвагой нужно было обладать, чтобы на таком «корабле» наводить страх на весь северо-запад Европы.

Когда мы вернулись на пароход, Николай Михайлович уже был там. Он сообщил нам, что сейчас приедут

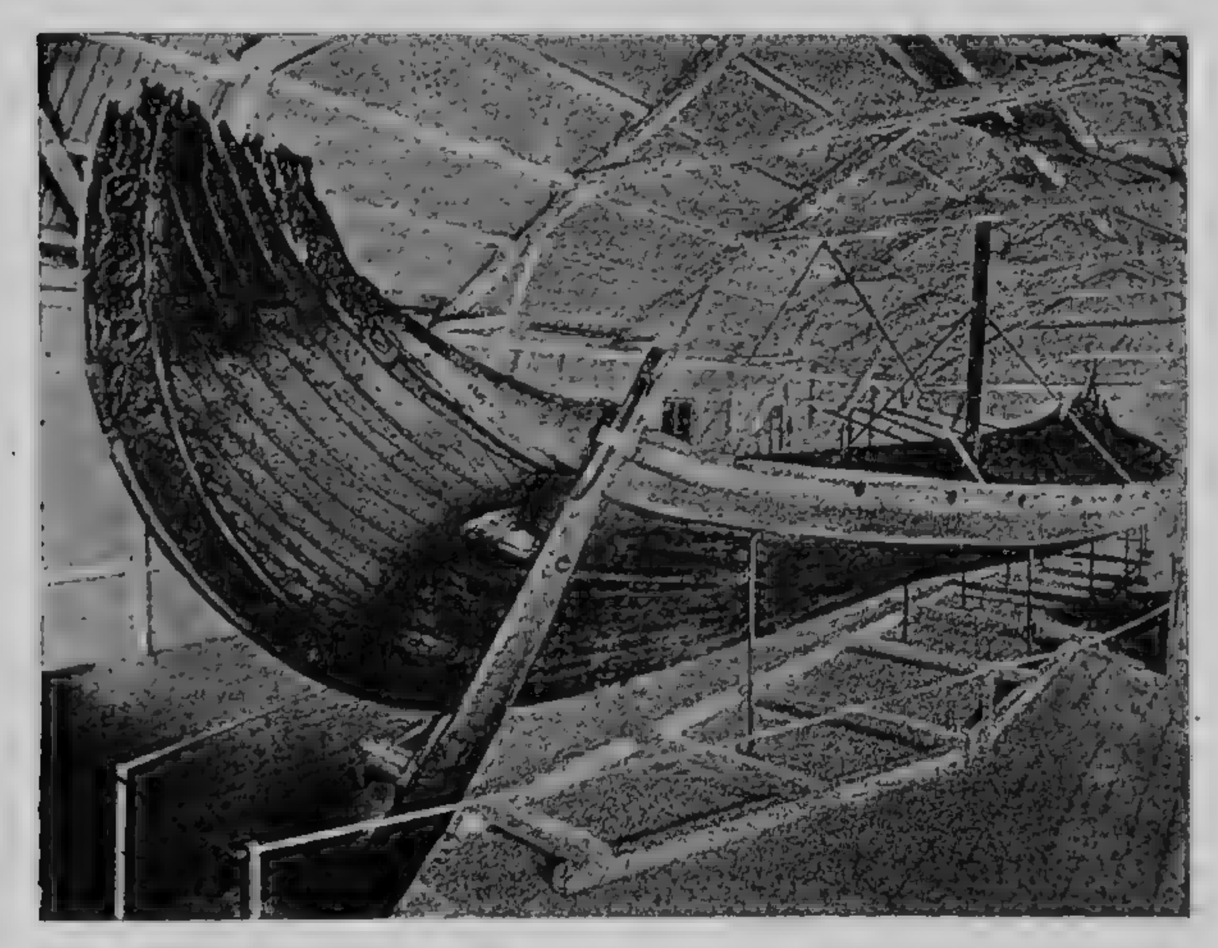

Рис. 5. Корабль викингов.

и будут осматривать «Андрея» члены стортинга и между ними Нансен и Норт. Последний в это время нас мало интересовал, но в Нансене, о котором мы так много читали и пред личным мужеством которого преклонялись, мы видели одного из самых замечательных современных исследователей и путешественников.

Вскоре один за другим подошли два катера. Я стоял в стороне и с напряжением всматривался в лицо каждого,

поднимающегося по трапу... И вот, наконец, и он, Нансен! (рис. 6). Я его знал только по портретам, но узнал сейчас же, как только он появился над бортом. Высокий, худой, в пиджаке, застегнутом почти на все пуговицы и потому обрисовывавшем его красивую фигуру, в своей плоской шляпе, он так выделялся среди других наших гостей, что не узнать его сейчас же было невозможно.

Быть может, это было и не совсем вежливо, но все мы не спускали глаз с Нансена, мы ходили за ним по пятам. Так вот он каков! Вот тот человек, который больше

Рис. 6. Нансен входит по трапу на наш пароход.

года блуждал среди полярных льдов! Вот тот, который решился на это, полагаясь только на свой ум, на свое мужество.

Когда потом большинство наших гостей уехало, Нансен, Иорт и еще несколько ученых остались. Тут мы осадили Нансена просьбами об автографах. Прошло много лет, но я все еще храню у себя клочок бумаги с двумя четко написанными словами: «Fridtiof Nansen».

В былое время народными героями были богатыри, соединявшие в себе физическую мощь с личной отвагой и умом. Не таким ли современным богатырем является

Нансен! И в Норвегии он—национальный герой. Каждый норвежский рыбак хорошо знает и высоко ценит Нансена. Чуть ли не в каждой рыбачьей лачуге вы найдете его портрет (рис. 7 и 8).

И какая удивительная разносторонность! Нансен начал свою научную деятельность с микроскопии и в этой области сделал ряд ценных работ; потом перешел к зоологии; далее он начал увлекаться полярными странами и предпринял свое знаменитое путешествие пешком

Рис. 7. Нансен у нас на пароходе.

через Гренландию; после этого он увлекается и увлекает всю страну идеей об открытии северного полюса; по возвращении из этого исключительного по трудностям путешествия, он занялся исследованиями морских глубин, и выпускаемые им толстые томы лучше всего показывают, как много сделал он и в этой области.

Здесь вспоминается мне встреча с товарищем Нансена по путешествию во льдах—Иогансеном. Года два спустя я ехал вдоль Норвегии на обыкновенном пассажирском пароходе. Во время обеда мой сосед, русский консул, говорит мне по-русски:

— Как раз vis-à-vis сидит спутник здешнего знаме-

нитого путешественника. Я не называю имен, чтобы не привлекать внимания.

Я посмотрел и увидел молодого скромного норвежского офицера. Насколько даже в наружности Нансена много выделяющего его из массы, настолько Иогансен по своему облику показался мне самым заурядным человеком.

На следующий день мы ушли из Христиании. С нами был профессор доктор Иорт, пригласивший нас к себе в Дребак осмотреть биологическую станцию, которой он

Рис. 8. Нансен у нас на пароходе.

заведывал. Иорт вместе с Нансеном вели в это время исследования в Норвежских фиордах и хлопотали об отпуске средств для постройки парохода, чтобы можно было производить исследования не только у берегов, но и в открытом океане.

При чудной весенней погоде плыли мы вдоль живописных берегов Христиания-фиорда. Вот и Дребак. На самом берегу, на высокой гранитной скале — красивое здание биологической станции. Мы сошли на берег, осмотрели лаборатории, приборы для исследований и коллекции.

В разговоре с ассистентами проф. Иорта мы поинте-

ресовались, какова их специальность; у нас в России мы знали натуралистов-зоологов, ботаников, химиков и т. д., здесь же, в лабораториях мы видели ботанические и зоологические препараты и рядом приборы для химических исследований.

— Мы специализировались на всем, что так или иначе относится к воде. Мы изучаем население моря как животное, так и растительное, мы же производим химические анализы воды, продуктов лова и т. д.

Это было для нас новостью. Позднее, работая в экспедиции, мы убедились, насколько важны при подобных исследованиях знания во всех этих областях.

Пожелав доктору Иорту поскорее получить пароход для исследований, мы простились с любезными хозяевами и отправились в путь.

— Мы еще встретимся и будем вместе работать!—говорил, улыбаясь, Иорт. И он был прав. Через год к нам на север пришел «Михаэль Сарс», пароход норвежской экспедиции с доктором Иортом во главе.

Полный штиль, теплый весенний вечер... «Андрей Первозванный» быстро идет вперед, рассекая синюю, синюю гладь фиорда. Мы обгоняем массу мелких рыбачьих судов, и некоторые из них сразу бросаются в глаза: это— копии «корабля викингов». Даже мой неопытный глаз подмечает характерные черты этого типа судов—высоко поднятый нос и менее высоко, но все же поднимающуюся корму.

— Неужели,—спрашиваю я Александра Петровича,— в течение стольких веков норвежцы не выработали более совершенного типа судов? Неужели викинги в этой области достигли совершенства?

— Если хотите, да. Конечно, здесь на юге Норвегии вы чаще встретите другие типы судов, но на севере норландбот, т.-е. судно вот такого типа, преобладает. И его нужно поставить в ряду первоклассных рыбачьих судов. Благодаря высоко поднятому форштевню (нос), норланд-

бот легко рассекает волну; взбегая на ее гребень, он не заливается водой; он легко идет под парусами и веслами; есть у него и еще одна важная в морском деле особенность — это высокий киль, делающий судно более устойчивым и непозволяющий ему сильно дрейфовать при лавировании. Главный его недостаток—отсутствие палубы. Но норвежцы сроднились и с морем, и с этим судном, и другие типы, по крайней мере на севере, проникают в среду рыбаков очень туго. Обратите внимание,—севернее Трондьема и вплоть до Нордкапа вы чаще всего будете видеть суда типа норландбот.

Спускалась ночь... Мы выходили в море. Было так тихо, как будто мы шли по реке. Я стоял на корме, смотрел в темную морскую пучину, прерываемую клубами белой пены, и думал о Нансене, о Иорте, о Норвегии... Маленький народ, заброшенный на узкую каменистую полоску, круто обрывающуюся в море, и этот народ дает так много великих всемирно известных людей. Ведь по количеству населения Норвегия меньше многих из наших губерний, а между тем она может блеснуть целым рядом славных имен: Нансена, Ибсена, Бьернсона знает чуть ли не всякий грамотный школьник всего мира. Всякий ученый, особенно натуралист, не может не считаться с работами норвежских ученых! Так значителен вклад и в науку и в литературу, сделанный этим народом, заброшенным на голые скалы крайнего севера!

ГЛАВА VI.

От Христиании до Трондьема.

На следующий день, 24-го апреля, мы шли в шхерах. Почти все западное прибрежье Скандинавского полуострова усеяно массой островков, между которыми остается целый лабиринт то узких, то довольно широких за-

ливов и проливов. Это и есть шхеры. Несмотря на небольшую ширину, эти проливы часто достигают нескольких сот метров глубины. Во многих местах такие же узкие и очень глубокие заливы вдаются в глубь материка, образуя так называемые фиорды (рис. 9).

Плавание в норвежских шхерах одно из величайших наслаждений. Сюда не достигает волнение, и потому никогда не бывает качки: все время вы плывете как будто по непрерывной цепи озер. Часто берега отвесными

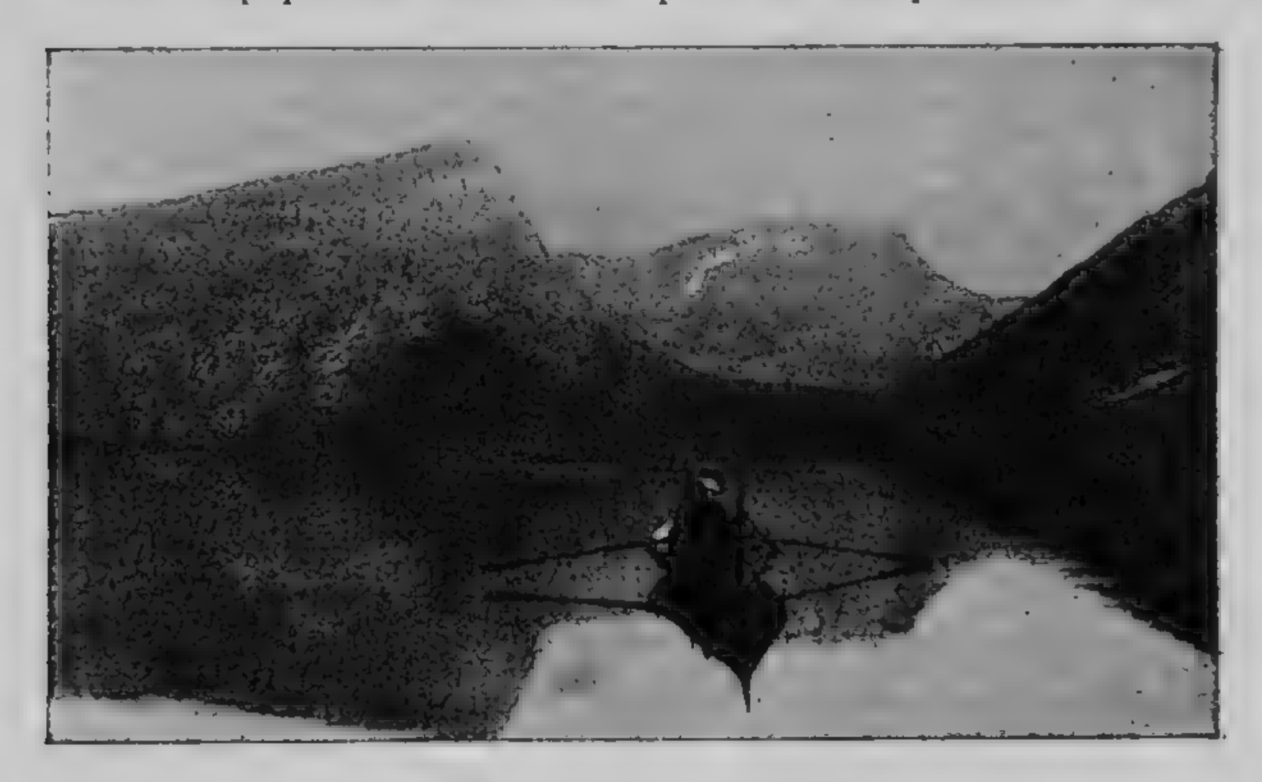

Рис. 9. Среди фиорда на норландботе.

гранитными стенами в сто и больше метров высоты обрываются в море; только кое-где на уступах зеленеет мох и мелкий кустарник. В других местах берега более отлоги, и тогда они покрыты роскошной растительностью. И пароход то плывет по широкой глади залива, то проникает в узкое ущелье между отвесными скалами.

Мы шли при чудной погоде. В южных частях Норвегии, благодаря омывающим ее теплым водам Гольфштрема, климат гораздо мягче, чем можно было бы ожидать для такой широты. Весна была в полном разгаре. Рабо-

тая в лаборатории, мы часто выходили на палубу и любовались непрерывно сменяющимся ландшафтом.

Плавание в шхерах очень опасно: рядом с глубиной в несколько сот метров встречаются скалы, едва прикрытые водой. Здесь нельзя вести судно, руководясь только картой, хотя бы и очень подробной; нужно хорошо изучить весь этот водный лабиринт. Поэтому все суда в шхерах ведут опытные лоцмана, знающие здесь каждый островок, каждый камень. У нас тоже был лоцман. Несмотря на это, когда вечером нас окутал туман, мы должны были стать на якорь: даже лоцман, знающий шхеры, как свой дом, не решился вести нас в тумане.

После такого плавания с постоянно сменяющимися величественными картинами, конечно, было скучно стоять в тумане, но зато тем оживленнее шла беседа или в кают-компании или в лаборатории, куда мы собирались в свободное время.

Вполне понятно, что чаще всего речь шла или о только что виденном и пережитом, или о будущем, о работах на Мурмане.

— Как ни странно,—говорил Николай Михайлович,—но только в сравнительно недавнее время человеку удалось заглянуть в морскую пучину. Я не говорю уже об океанических глубинах; что там делается, каковы там условия существования глубоководных организмов, об этом мы и теперь знаем пока не очень много. Но вот, например, Христиания-фиорд... Только благодаря самым последним исследованиям, в которых видную роль имели работы Йорта, удалось установить, что в глубинах его жизнь бьет ключем. Между прочим, там была найдена такая масса креветок, что в настоящее время существует уже значительный промысел этих животных.

— Но почему же,—спросил кто-то из нас,—норвежские промыслы развиваются все больше и больше, а русские, по крайней мере северные, падают?

— Тут много причин! Но любопытнее всего то, что еще сравнительно недавно русские поморы на некоторых норвежских промыслах производили рыбную ловлю в бóльших размерах, чем местные промышленники. В одном из отчетов о промысле в Финмаркене за 1775 год есть, например, такая знаменательная фраза: «Русские, без сомнения, наловили больше рыбы, чем подданные Его Величества короля Датского». В это время русские зверопромышленники в значительных размерах вели промысел на Шпицбергене и на Новой Земле. Вот вы услышите на Мурмане старые песни, в которых наши поморы воспевают плавания на Грумант; так называют они Шпицберген!

Но в то время, как в Норвегии целый ряд целесообразных правительственных начинаний был направлен на поддержку и развитие промыслов, мы о нашем севере совершенно не думали. В результате, русских промышленников из Норвегии вытеснили, на Шпицберген они теперь совершенно не ходят, а к Новой Земле отправляются только единичные суда. Наши морские промыслы свелись, таким образом, исключительно к промыслу в собственных водах, на Мурмане и в Белом море.

— Но, быть может, промыслы эти падают, так как не ощущается в них надобности?

— Это совершенно неверно. На Мурмане, ведь, промышляют не только местные жители, мурманские колонисты; их немного! Целые уезды Архангельской губернии отправляются на мурманские промыслы и живут только этим. Кроме того, все чаще и чаще появляются на Мурмане и жители Вологодской губернии. Насколько северная морская рыба, отчасти добываемая в наших водах, отчасти ввозимая из Норвегии, нужна, видно из того, что она составляет существенный пищевой продукт не только в Архангельской губернии, но и в Вологодской, Вятской, Олонецкой, Петербургской и др. На Мурмане

добывается ежегодно около 400 тысяч пудов рыбы, а из Норвегии в Архангельск такой же рыбы ввозится в два раза больше: около 800 тысяч пудов. Вот как значителен спрос на эту рыбу.

— Но тогда, вероятно, мурманский промысел не выгоден?

— Представьте себе, что и это не так! Мурманский промышленник в среднем за последние 7 лет вырабатывает в год на душу около 110 рублей, а на лучших норвежских промыслах, у Лофотенских островов, на душу вырабатывают немногим больше 100 рублей. Таким образом наш мурманский промысел оказывается выгоднее лучшего из норвежских промыслов.

Мы забыли о нашем севере и ничего для него не делали. У норвежцев—хорошие суда, усовершенствованные орудия лова, промысловый телеграф, организованная торговля наживкой, организованный сбыт добытой рыбы, не говоря уже о том, что все норвежцы грамотны... У нас— почти все в том же виде, в каком было 100—200 лет назад. Все это для вас пока мало убедительно и, может быть, даже и мало понятно, но вот поживете на Мурмане, познакомитесь с промыслом и с промышленниками, тогда сами увидите!

— Вот вам картинка из жизни мурманских промыслов,—вступил в разговор до сих пор молчавший Александр Петрович. — В прошлом году мы собирались на «Поморе» (это наше парусное судно, с которым вы скоро познакомитесь) итти на промысел в открытое море... У берегов рыбы нет, и промышленники сидят без дела. Добыли наживки (покупать у норвежцев пришлось), собираем яруса, а поморы чуть не хохочут над нами! Рыбы, мол, нет, а они серьезно на промысел собираются! Отошли мы верст 100 от берега, и на сравнительно короткие яруса наловили 80 пудов рыбы, считая уже в чищенном виде! И какой рыбы! Около 60 пудов приходилось на долю

палтуса, т.-е. самой лучшей мурманской рыбы! Если бы нас не захватил шторм, и если бы была наживка,—мы бы взяли там полный груз рыбы!

— А помните, Александр Петрович,—сказал Николай Михайлович,—эту картину на «Поморе»? Качка сильная, рыбу со шлюпок выгружают с трудом и здесь же ее чистят. Кто-то из матросов, здоровенный мужичина, уселся с ножем около крупного палтуса и приготовился его разделывать... Вдруг сильный крен—и матрос, и его добыча стремительно несутся по палубе при общем хохоте окружающих. Хороший улов так подействовал на команду «Помора», что, несмотря на отвратительную погоду, настроение было великолепное, и работа кипела вовсю!

— Ну, и что же? Ваш лов послужил хорошим примером для промышленников?

— Да, но ведь, все равно, они не могли отправиться туда на такой посудине, как шняка!

Почти всю ночь простояли мы в тумане. Рано утром, 25 апреля, пришли в Берген, чтобы взять лоцмана на дальнейший путь.

Мы провели несколько часов в Бергене. Было воскресенье. Все площади были запружены празднично настроенной толпой. Масса красивых, ярких национальных костюмов. Несмотря на праздник, нам удалось побывать в рыболовном и зоологическом музеях, на биологической станции и в прекрасном морском аквариуме. Здесь мы впервые могли любоваться теми животными, сотни и тысячи которых прошли потом через наши руки.

Из города, чтобы немного размяться после сидячей жизни на пароходе, мы отправились на одну из гор. И город, и фиорд были у наших ног, как на рельефной карте. Среди массы судов мы нашли и нашего «Андрея»; как крохотная игрушечная лодочка, белел он на синей глади фиорда.

К вечеру мы покинули Берген, оставивший у меня впечатление чего-то яркого, красивого, праздничного...

Весь следующий день мы шли в шхерах. Только временами на небольшие промежутки показывалась на западе беспредельная гладь океана, и в то же время пароход наш начинало слегка покачивать, но скоро мы опять прятались за каким-нибудь островком и могли спокойно любоваться беспрерывно сменяющимися картинами. Временами мы попадали в полосу такого густого тумана, что лоцман не решался итти дальше; приходилось становиться на якорь и ожидать, когда туман пронесет. К счастью, удобных якорных стоянок здесь было, сколько угодно.

Ранним утром, 27 апреля, мы пришли в Трондьем. Это один из самых старинных норвежских городов, основанный более 1000 лет назад и игравший крупную роль в истории страны. В настоящее время это довольно большой город с чисто европейской внешностью. Особенно замечателен его старинный величественный собор, в котором и теперь коронуются норвежские короли.

В Трондьеме мы осмотрели зоологический музей и сделали небольшую экскурсию внутрь страны к водопаду «Лерфос».

В Христиании и Бергене нас встречала весна в полном разгаре. Здесь севернее, и потому было несколько холоднее. Но все же яркий весенний день сделал нашу поездку удивительно приятной. Мы отъехали несколько станций по железной дороге и потом прошли несколько километров пешком. После сидячей жизни на пароходе так приятно было размять ноги. Нам попадались на пути чистенькие домики, возле которых зеленели тщательно обработанные поля. Крестьянские девушки в ярких национальных костюмах работали на огородах. Как не похожа была эта картина на наши полевые работы!

Бодро шагая, мы вели беседу об этой удивительной

стране. Один из товарищей перед нашим путешествием занимался изучением Норвегии, и мы накинулись на него с расспросами.

— Вот вы говорили, что земледелие не имеет в Норвегии почти никакого значения, а здесь мы видим совершенно иное: земледелие, повидимому, процветает?

— Да! Но только здесь и еще в нескольких местах. Окрестности Трондьем-фиорда, благодаря широким речным долинам, очень удобны для земледелия и славятся своим плодородием. Вообще же, в Норвегии площадь пахатной земли составляет 0,7 всего пространства, занятого страной. Конечно, своего хлеба в Норвегии не хватает, и один из главных предметов ввоза составляют земледельческие продукты.

— Чем же тогда живет эта страна?—спросил кто-то.— Неужели одной рыбой?

— Во многих местностях рыболовство составляет единственный источник существования. Кроме того, здесь очень развито скотоводство, особенно на западных островах. Между прочим, оно в Норвегии носит особый характер: как в Швейцарии, с наступлением лета рогатый скот и овец выгоняют в горы, и здесь, на горных пастбищах, коровы скоро жиреют и дают много хорошего молока, из которого приготовляют сыр и масло. Очень тяжела для скота зима: мох, листья, молодые побеги березы, а иногда и отбросы, получаемые при чистке рыб, составляют в некоторых местностях почти единственное пропитание для коров и овец во время зимней бескормицы. Большое значение в жизни страны имеет также и горное дело; добывают, главным образом, серебро, медь, железо и кобальт. Обыкновенно англичане считаются самым мореходным народом, но норвежцы их в этом опередили: по количеству торговых судов и плавающих на них людей Норвегия стоит впереди Англии, если, конечно, принять во внимание число народонаселения в обеих странах.

Рис. 11. Торгхаттен.

зированы народной фантазией; так, напр., происхождение туннеля в Торгхаттене легенда приписывает великану, прострелившему гору насквозь (рис. 11).

Рис. 12. Туннель в Торгхаттене.

Вскоре в средине скалы обозначилась темная впадина, а затем в ней блеснуло светлым пятнышком и сквозное отверстие туннеля.

— Вот так окошко!—воскликнул кто-то из нас.

— Не окошко, а целые ворота!—заметил другой из товарищей, смотревший в бинокль.

— И не то, и не другое! На самом деле это громадный коридор длиною более полутораста метров и в некоторых местах более 50 метров высоты!

Все бинокли были на-расхват. С напряженным вниманием следили мы за этим удивительным явлением природы (рис. 12).

Вскоре открылись «Семь сестер». Семь вершин, совершенно закутанных снегом, резко выступали на сером

Рис. 13. «Семь сестер».

фоне покрытого тучами неба. Уже одно название заставляло искать в этих скалах те образы, которыми одухотворило их народное сказание. Да, это действительно сестры! Они так похожи друг на друга! Так одинаково склонили они свои головы, окутанные одинаково белыми покрывалами (рис. 13).

В данный момент я страшно жалел, что не мог поговорить с лоцманом. Типичный старик-норвежец, с бритыми усами и с седой бородой, растущей откуда-то из-под шеи, посасывая трубочку, стоял рядом со мной, спокойно оглядывая расстилавшуюся картину. Сколько краси-

вых поэтических саг, передаваемых из уст в уста, из поколения в поколение, мог бы он сообщить нам о каждом из этих камней.

За «Семью сестрами» скоро показался Хестмандё—гигантская скала, имеющая некоторое сходство с всадником, мчащимся на коне; его плащ, закрывая собою круп лошади, опускался до самой поверхности моря.

— Господа, мы перешли полярный круг!—сказал Александр Петрович.

— Когда? Где?—посыпались вопросы.

— А вот только что мы пересекли его!

Сколько раз с 1-го класса гимназии слышал я это слово «полярный круг»! Перед глазами моими так ясно выступила карта полушарий, на которой жирным пунктиром выступал «северный полярный круг». Сколько единиц и двоек получали мы за него в свое время! Мне казалось, что и здесь я должен был увидеть что-нибудь особенное, чем обозначалось бы это место, составляющее камень преткновения для маленьких гимназистиков.

Итак, я действительно в стране полуночного солнца! Каждая скала, каждый камень здесь освещался солнцем в 12 часов ночи!

1-го мы проснулись в Бодё. Это маленький городок с 4 тысячами жителей, лежащий под 67°17′ с. ш. Несмотря на такое северное положение, средняя годовая температура его не опускается ниже +4° С., а в самый холодный день здесь не бывает морозов больше 3° С. Вот что делает в этих местах волшебный Гольфштрем (рис. 14)!

В Бодё мы взяли к себе на палубу две больших палубных лодки, заказанных здесь для того, чтобы показать мурманским промышленникам более совершенные промысловые суда.

2-го мая, около 3 часов дня, мы зашли в Тромзе. Здесь весна только начиналась. Улицы еще были покрыты снегом. Давно ли мы были в Христиании среди разгара вес-

ны? Давно ли мы задыхались от жары, взбираясь на окружающие Берген высоты? А теперь, всего через несколько дней, мы ходим по снегу в фуфайках и теплых куртках.

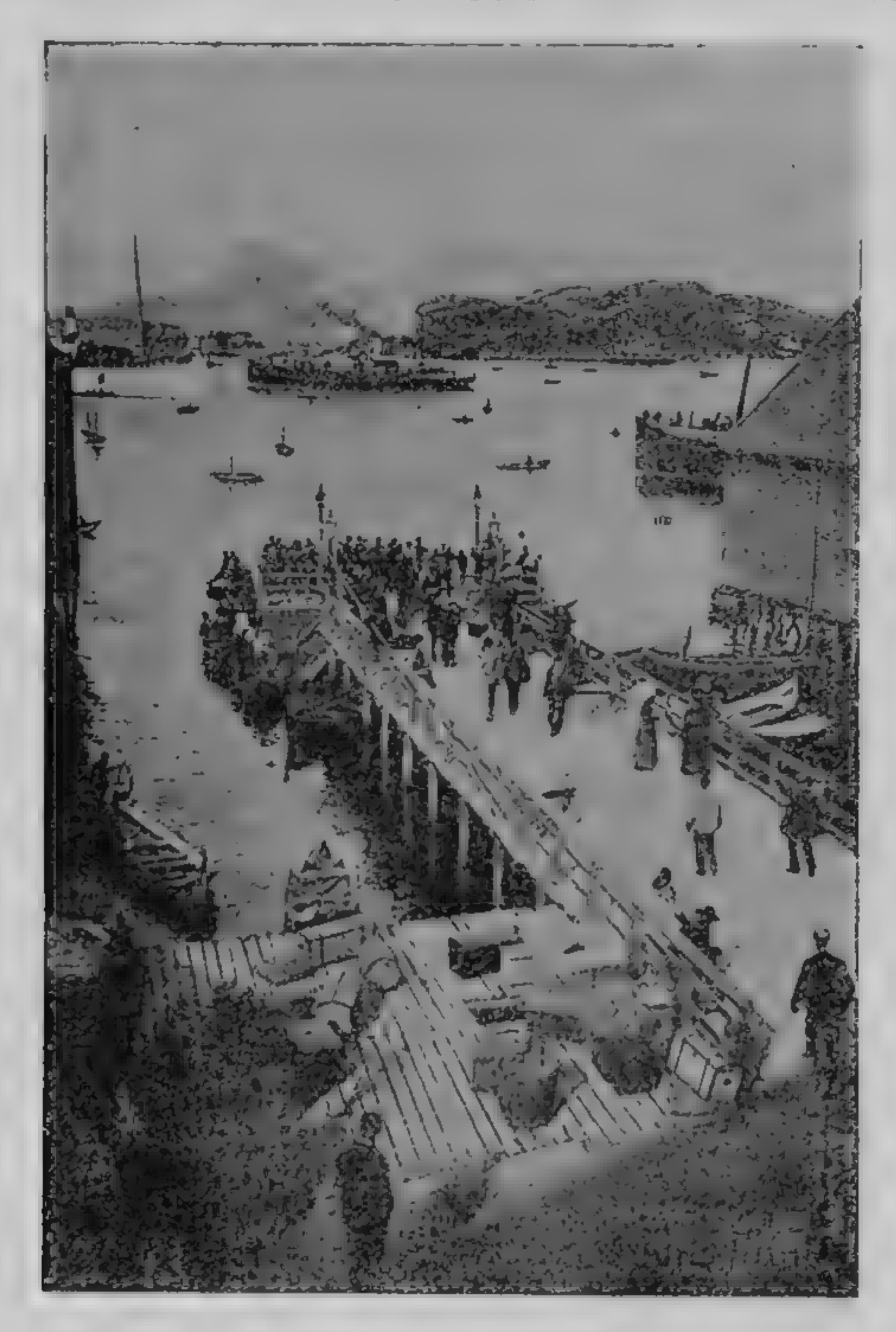

Рис. 14. Пристань в Боде.

Тромзё—главный город полярной Норвегии. В нем 7 тысяч жителей, есть гимназия и семинария. Но чуть ли не лучшим зданием в городе является здание музея. Меня поразили норвежские музеи. Это не зоологический, не

ботанический и не какой-либо другой специальный музей, а прежде всего — музей местного края. Обойдя его, вы уносите с собой довольно полное представление о местной природе, об истории и археологии края, о занятиях местного населения и т. д. Все это представлено коллекциями музея. Его внутреннее устройство поражает своей простотой, но в то же время все выставленные объекты хорошо видны и очень доступны для наблюдения. Масса ребятишек постоянно наполняет залы музея. И какая школа может лучше познакомить будущих граждан с прошлым и настоящим их родины?

Несмотря на такую удаленность от центра, от университета, в каждом из подобных музеев вы найдете ученых, имена которых часто встречаются в специальной литературе и пользуются заслуженным уважением.

3-го мая, после полудня, мы пришли в Гаммерфест.

«Гаммерфест — самый северный город Европы». Так когда-то учил я в гимназии. Что это за город? Как он выглядит? Как живут люди в этом самом северном культурном пункте? На эти вопросы нам не отвечал гимназический учебник, и мое воображение рисовало картины, как я в этом убедился, совершенно не отвечавшие действительности.

И улицы города, и все окрестности были покрыты толстым снежным покровом. Настоящая зима 3-го мая! Это и не особенно удивительно, если вспомнить, что Гаммерфест лежит под 70°40′ с. ш. Но, по словам Николая Михайловича и Александра Петровича, весна в этом году сильно запоздала; в прошлом году в это же время в Гаммерфесте снега уже не было (рис. 15).

Не могу себе представить, как выглядит этот крохотный городок летом, но теперь, занесенный снегом, он на меня произвел удивительно уютное впечатление. Кучка желтовато-серeньких домиков (в Гаммерфесте меньше 3 тысяч жителей) приютилась у подножия скалы, высокой

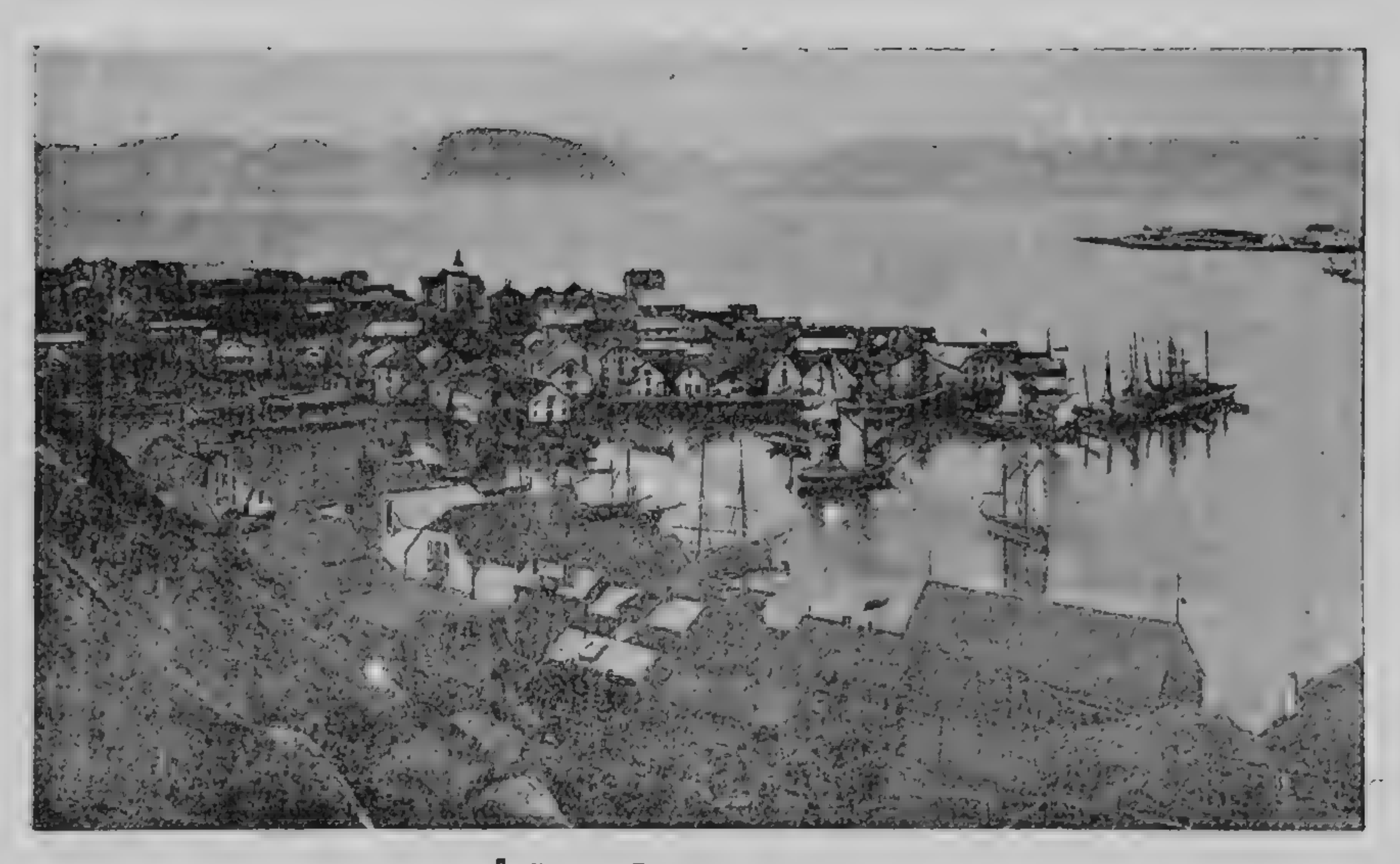

Рис. 15. Гаммерфест летом.

стеной поднимавшейся сейчас же за городом. Большие окна с красивыми занавесками свидетельствовали о благосостоянии жителей. На широких, перекрещивающихся под прямым углом улицах очень часто встречались электрические фонари. Как должны ценить свое электричество жители этого заброшенного на край мира городка, когда в темную полярную ночь солнце более 2 месяцев не показывается над горизонтом! Везде тянулась густая сеть телефонных проводов. В одном месте большая вывеска указывала на помещение редакции местной газеты. Какую культурную обстановку удалось создать здесь, далеко за полярным кругом!

Пока на «Андрее Первозванном» грузили уголь (а мы ради этого и зашли в Гаммерфест), вся наша компания отправилась к памятнику градусных измерений. С 1816 до 1852 года русские и скандинавские астрономы производили измерение дуги меридиана, начиная с устьев Дуная вплоть до Гаммерфеста. Здесь, в конечном северном пункте, находится скромный памятник этой грандиозной работы. На цоколе из неполированного гранита возвышается круглая полированная гранитная колонна, увенчанная бронзовым изображением земного шара (рис. 16).

На колонне находится следующая надпись на латинском и норвежском языках:

Terminus septentrionalis, arcus meridiani 25°20'
quem inde ab Oceano arctico ad fluvium Danubium usque
per Norwegiam, Sueciam et Rossiam
jussu et auspiciis regis augustissimi
Oscari I.
et imperatorum augustissimorum
Alexandri I atque Nicolai I
annis MDCCCXVI ab MDCCCLII
continuo labore emensi sunt trium gentium geometrae.
Latitudo 70°40'11"3.

Ночью мы покинули Гаммерфест.

Рано утром 4 мая я уже стоял на мостике, чтобы увидеть еще один замечательный пункт Европы. Мы подходили к Нордкапу.

Было холодно, температура держалась ниже нуля. Свинцово-серое небо и такие же волны придавали суровый отпечаток открывавшейся картине. Временами начинался снег, который при налетавших шквалах сменялся крупой. На этом фоне темные, безжизненные, почти отвесно обрывающиеся в пучину океана скалы Нордкапа произ-

Рис. 16. Гаммерфест. Памятник меридиональных измерений.

водили поражающее впечатление. Ничего более дикого и сурового мне не приходилось видеть. Несмотря на окружавший меня шум и суету пароходной жизни, при виде этих пустынных и негостеприимных берегов чувствовалось такое одиночество, такая оторванность от всего мира, что становилось жутко. Ни одного суденышка! Никаких признаков присутствия человека! Даже птиц, которые обыкновенно десятками кружатся возле парохода, и тех на этот раз не было (рис. 17)!

Мы не огибали Нордкапа, а пошли проливом, отделяющим от материка островок, на котором он находится. Скоро перед нами выступили такие же дикие, но менее величественные очертания Нордкина.

К ночи мы пришли в Варде—норвежский городок, находящийся недалеко от русской границы. Сюда были направлены различные приборы и запасы экспедиции, и мы должны были взять их в Екатерининскую гавань.

Рис. 17. Нордкап.

Я не стану описывать этот небольшой городок, часто посещаемый русскими поморами. Здесь есть русское вице-консульство, и должность вице-консула исполнял в то время один из местных купцов, Размус Гольмбу, которого поморы переделали в Герасима Ивановича. Экспедиция тоже пользовалась его услугами, делая ему поручения по приобретению и доставке некоторых предметов из-за границы; нас всегда поражала скромность Герасима

Ивановича, который на счетах, присылаемых в экспедицию, делал такую приписку: «мне за клопоту 20 ёре», т.-е. меньше 10 коп.

В Варде есть китобойный завод, на который доставляют и на котором разделывают китов, убиваемых в океане. Работ в это время на заводе не было, и мы его не осматривали, но чувствовали его очень хорошо: как только мы попадали в струю ветра, дувшего по направлению с завода, невольно почти все доставали платки и зажимали нос. Воображаю, какие ароматы были на самом заводе!

5 мая, в час дня, мы вышли из Варде. Вот и русские берега! Они также занесены снегом и также неприветливо встречают нас. Но здесь уже не было таких высоких и неприступных скал, которые так характерны для Норвегии. Берег значительно понизился. Очень часто можно было заметить входы в заливы и бухты.

Александр Петрович то-и-дело, указывая нам какую-нибудь точку, называл ее.

— Вот Рыбачий полуостров! Как только обогнем его, так до Екатерининской гавани рукой подать!

Медленно идет время... мы все устали от долгого путешествия. Ведь почти месяц прошел с тех пор, как выехали мы из Петербурга. И какой месяц! Сколько новых впечатлений, сколько новых переживаний и мыслей дал он каждому из нас! Но близка, наконец, и цель нашего плавания. С приходом в Екатерининскую гавань окончится путешествие и начнется работа. Там мы будем дома.

Около полуночи мы вошли в Кольский залив. Небо покрыто тучами, но светло почти так же, как в обыкновенный пасмурный день. Быстро проносятся мимо нас с той и с другой стороны скалы, занесенные снегом. Совершенно незаметно вошли мы в гавань, и я понял это только тогда, когда увидел на берегу несколько небольших домиков. Но нигде—ни души. Вероятно, все спят.

Рис. 18. План Екатерининской гавани и ее окрестностей.

На «Андрее Первозванном» раздался протяжный гудок, и сейчас же на берегу забегали и засуетились. Вскоре к нам навстречу неслась небольшая шлюпка, в кото-

рой мы уже различили В. Ф. Д. Не успели еще отдать якорь, как он уже был на палубе и взволнованный и оживленный пожимал нам руки.

ГЛАВА VIII.

Екатерининская гавань.

Вот мы и дома! Ведь мы пришли туда, куда стремились! Мы достигли цели нашего плавания! С этого момента Екатерининская гавань—наш дом, так как отсюда мы будем выходить и сюда будем возвращаться после наших плаваний.

Недалеко от входа в Кольский залив находится небольшой остров—Екатерининский (рис. 18); между ним и берегом Кольского залива остается узкая бухта; она-то и называется Екатерининской гаванью. Вход в нее направлен к северо-западу; благодаря этому, как бы ни было сильно волнение в океане, в гавань оно не заходит.

Любопытен Екатерининский остров: островом он является только во время прилива, во время же отлива в юго-восточной части гавани между ним и берегом залива обнажается довольно широкий перешеек, называемый здесь «переймой» (рис. 19). Вследствие близости океана приливы и отливы в этих местах выражены очень сильно, но даже в самую «большую воду» через пролив, образующийся на месте «переймы», могут проходить только сравнительно небольшие рыбачьи суда. Пароходы могут попадать в гавань только через северо-западный вход, который настолько глубок, что даже броненосцы, отличающиеся очень большой осадкой, всегда могут пройти через него.

Екатерининская гавань в это время привлекала к себе всеобщее внимание: о ней много писали и при этом

Рис. 19. «Перейма» во время отлива (вид с городской стороны). Слева—воды Екатерининской гавани, справа—Кольского залива; прямо за «Переймой» — Екатерининский остров, и на нем здания экспедиции.

Рис. 20. Вид Екатерининского острова во время нашего прихода в гавань.

высказывали мнение, что в случае надобности она может послужить стоянкой для военных судов. Очень глубокая, хорошо защищенная и незамерзающая в течение круглого года, она действительно пригодна для этой цели. Как раз в это время здесь спешно заканчивался постройкой новый город Александровск.

Когда я на следующий после нашего прихода день проснулся и вышел на палубу, Екатерининская гавань предстала предо мной во всей своей красе. Обрывистые берега, еще покрытые глубоким снегом, круто спускались в воду, красиво отражаясь в спокойной ее поверхности. У пристани Екатерининского острова стоял «Андрей Первозванный».

— Что это за домики на берегу (рис. 20)?—спросил я Александра Петровича.

— А это наше береговое жилище! Вот тот небольшой домик, справа, куплен специально для экспедиции, а этот, у самой пристани, тоже предоставлен в наше распоряжение.

— А где же город?

— А вон он!—указал Александр Петрович на противоположный берег.—Видите у самой пристани здания, это—городские амбары; дальше в гору видна церковь и идут городские здания.

Среди сплошного снежного покрова виднелись темные силуэты церкви и ряд каких-то построек.

— Хотите посмотреть его? Я сейчас иду на ту сторону!—предложил Александр Петрович.

— Я с удовольствием пойду, только узнаю, не будет ли каких работ!

Работ пока не было. Всем нам нужно было осмотреться и ознакомиться с новым местом. Все разбрелись в разные стороны, а мы с Александром Петровичем отправились в город пешком, так как был отлив и «перейма» была обнажена (рис. 21).

Рис. 21 Вид с Екатерининского острова на гавань летом: слева—«перейма», по ту сторону виден г. Александровск, у городской пристани белеет «Андрей Первозванный».

— Скажите, Александр Петрович, что это за город, и кто в нем живет? — спросил я.

— Пока в нем никого нет. Город только строится.

— Для кого же он строится в таком случае?

— Это в будущем — административный центр. До этого времени таковым являлась Кола, но она лежит в глубине залива, и добираться до нее действительно неудобно. Когда город откроют, вся кольская уездная администрация и все административные учреждения перейдут сюда, в Александровск.

— А жители?

— Жителей, кроме чиновников и тех, конечно, лиц, которые могут найти здесь заработок, удовлетворяя их потребностям, пока не будет. Вот если сюда проведут железнодорожную ветку и если мурманские промыслы разовьются, тогда, вероятно, и в Александровске начнут селиться частные лица.

— Отчего же здесь не селятся теперь промышленники и колонисты?

— От промыслового района далеко!

Все это для меня было ново: в первый раз я видел пустое место, на котором сначала строят город, а потом уж поселяют в нем жителей.

Незаметно перешли мы на городскую сторону. Около амбаров находилась пристань, вырубленная в сплошной гранитной скале; рельсы небольшой железной дороги подходили к самой пристани.

— А рельсы здесь зачем?

— А это, как видите, здешняя железная дорога! — смеясь, ответил Александр Петрович. — Устроили ее для того, чтобы поднимать в гору с пристани строительные материалы. Параллельно рельсам в город ведет действительно прекрасное шоссе (рис. 22). Когда снег растает, вы увидите, сколько труда и денег положено на его сооружение.

Рис. 22. Шоссе от пристани в город Александровск (летний вид).

Мы пошли по тропинке, плотно протоптанной в глубоком снегу.

— Вот здесь будет почтово-телеграфная контора, здесь гостиница, — пояснял Александр Петрович, когда мы проходили мимо недоконченных зданий.—А вот церковь почти совсем готова!

Небольшая красивая церковь, снаружи почти законченная, красиво поднималась на высокой горе. За ней находилась небольшая площадь, окруженная зданиями для будущих присутственных учреждений; здесь же было здание больницы и школы. От площади в одну линию тянулся ряд домиков обычной казенной архитектуры и как нельзя более похожих друг на друга; отличались они только величиной: для чиновников рангом повыше—и дом больше, и наоборот. По всему было видно, что архитектор заботился не только об однообразии стиля, но и все части домов подгонял под одну линию.

Но рассмотреть этот удивительный город более подробно мне удалось только позже (рис. 23), так как теперь все было завалено глубоким снегом. Вообще в течение трех лет моего пребывания на севере вид Екатерининской гавани значительно изменился: город отстроился, и индивидуальность жителей его домиков наложила на каждый из них свой отпечаток; на Екатерининском острове вырос большой дом экспедиции (рис. 24), а у входа в гавань появилось большое здание Мурманской биологической станции.

Вечером Николай Михайлович отправил нас с Марком Николаевичем Михайловским собирать животных, остающихся в полосе, обнажающейся во время отлива. Такой сбор назывался у нас литоральным ловом. Марк Николаевич уже тогда обнаруживал большой интерес к жизни моря. Позднее он начал серьезно работать в этой области и, будучи младшим зоологом музея Академии Наук, напечатал несколько ценных работ, но ранняя смерть в

Рис. 23. Вид г. Александровска во время его постройки (летом).

Рис. 24. Екатерининский остров летом с новым домом экспедиции.

расцвете сил унесла этого в высшей степени симпатичного человека и очень талантливого начинающего уче-

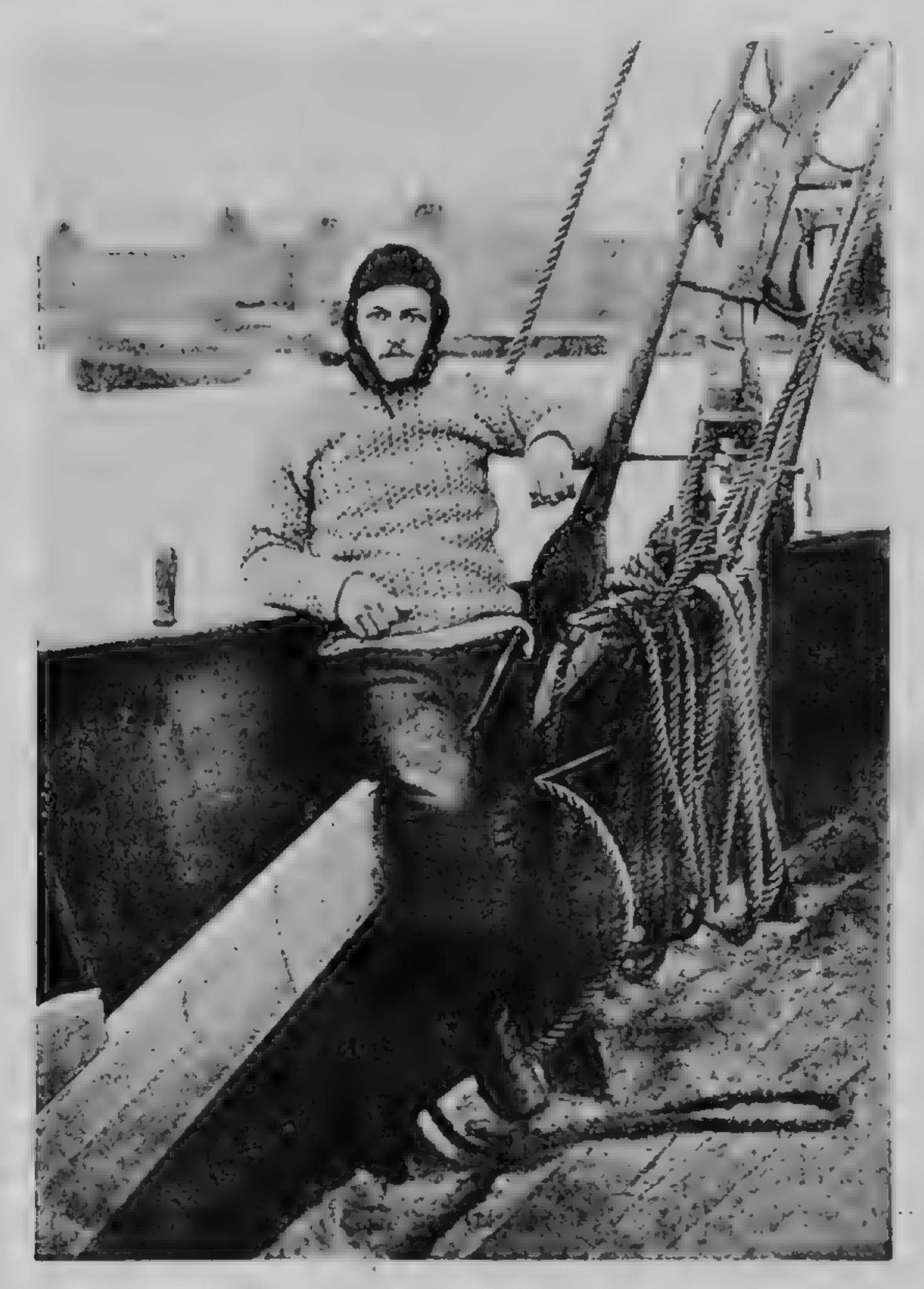

Рис. 25. Марк Николаевич Михайловский на палубе «Андрея Первозванного».

ного, не дав ему возможности выполнить намеченные им работы. Он умер от туберкулеза в 1904 году. При вос-

поминании о нем и об этих днях, проведенных здесь на севере в такой близости к нему, у меня до сих пор с болью сжимается сердце. Ровный и мягкий его характер и удивительно отзывчивое отношение к радостям и горю окружающих привлекали к Марку Николаевичу всеобщие симпатии (рис. 25).

Мы уже приспособились к северу и, благодаря советам окружающих, усвоили костюм, наиболее удобный для работы. Высокие непромокаемые сапоги, толстые суконные шаровары, легкая и мягкая, но очень теплая фуфайка и шапка с наушниками хорошо защищали нас от холода и совершенно не стесняли движений. Насколько этот костюм, действительно, отвечал здешнему климату, можно заключить хотя бы из того, что все промышленники одеваются точно так же; купленные нами фуфайки здесь так и называются «поморками».

С банками для животных и с пинцетами мы прежде всего отправились на выступившую из воды «перейму». Здесь на песке и на камнях была масса морских звезд. Много раз видел я их, но то были мертвые, заспиртованные экземпляры, здесь же предо мной было, сколько угодно, живых звезд (рис. 26). Темно-красного цвета они, похожие скорее на причудливые пирожные, чем на животных, медленно, медленно передвигались по камням, то укорачивая, то удлиняя свои многочисленные ножки. Я опрокинул одну звезду брюшной стороной, а, следовательно, и ножками к верху; едва заметным движением, как минутная стрелка в часах, она слегка повернула один из своих лучей, вытянула несколько ножек и, присосавшись ими, начала медленно переворачиваться на брюшную сторону.

— Смотрите, — позвал меня Марк Николаевич, — вот морская звезда поедает моллюска!

Я знал, что это животное, не обладающее никакими приспособлениями для пережевывания, все же питается мол-

Рис. 26. Морские звезды: слева — в нормальном положении, посредине звезда поедает моллюска, справа — опрокинута брюшной стороной кверху.

люсками, защищенными крепкой известковой раковиной; я читал не раз, как она справляется с ними; но здесь впервые я своими глазами увидел это замечательное явление. Марк Николаевич опрокинул звезду, повернув к нам ее брюшную сторону; изо рта у нее торчал большой моллюск с двустворчатой раковиной; часть его она втянула в желудок и уже переваривала... Мы долго сидели над ней, но никаких заметных изменений не уловили. Вероятно, на много часов хватит ей этой работы.

Рис. 27. Небольшой камень, покрытый балянусами.

Рис. 28. Балянус с выдвинутыми усиками.

Отсюда мы пошли к скалистому берегу Екатерининского острова. Во многих местах камни были почти сплошь усеяны белыми бугорками; это были балянусы—ракообразные из усоногих (рис. 27 и 28). Их внешний вид совершенно не отвечал тому представлению о ракообразных, которое создается у всякого, знакомящегося с этим классом животных по нашему речному раку. Поморы этих животных называют морскими желудями. Найдя небольшой камешек с несколькими балянусами, мы опустили его в банку с морской водой; через некоторое время створки на верхушке бугорка раздвинулись, и из них показался пучок изогнутых усиков, которые начали производить хватательные движения: балянус ловил себе добычу.

В других местах камни были покрыты прикрепившимися к ним моллюсками с двустворчатой раковиной— митилюсами или мидиями.

— Вы знаете, Константин Павлович, ведь это съедобное животное! — сказал Марк Николаевич. — На юге, по берегам Черного моря, например, греки его едят и находят очень вкусным. Я тоже как-то пробовал рис с мидиями... Не могу сказать, чтобы было очень вкусно, но есть можно. И вы подумайте, какое это может иметь громадное значение! Ведь в таких местах нельзя умереть с голода! В крайнем случае, когда нечего есть, пошел к морю, на-

Рис. 29. Камень с прикрепленными к нему мидиями.

брал этих моллюсков, и сыт! Вообще сколько богатств таит в себе море! Быть может, я и ошибаюсь, но когда я читаю в истории перечисление тех причин, которые способствовали в древнее время развитию культуры по берегам морей, я всегда думаю, что авторы упускают одну из самых важных: богатство моря съедобными животными. Вероятно, и эти самые мидии немало между, прочим, способствовали тому, что человек в древние времена держался морского берега (рис. 29)!

Во многих местах камни так обросли водорослями, именно фукусами, что их даже не видно было. Фукусы, которые в воде так красиво тянутся вверх своими буро-

зелеными пальцевидными разветвлениями, теперь на воздухе бессильно поникли на камни, совершенно закрыв их собою (рис. 30). Ходить в таких местах было страшно трудно: нога то-и-дело скользила, попадая в щели и углубления между камнями. Все время сапоги наши раздавливали те наполненные газом пузырьки, благодаря которым разветвления фукусов в воде тянутся вверх. Срывая водо-

Рис. 30. Фукусы на камнях.

росли и внимательно их рассматривая, мы находили на них массу различных животных. Больше всего было маленьких моллюсков—литорин, напоминающих по форме своей раковины наших улиток (рис. 31).

— Смотрите, Марк Николаевич, я рыбку какую-то поймал!—закричал я, едва удерживая в руках скользкую, извивающуюся небольшую рыбку.

Pholis gunellus! Я читал о ней... Это—типичное литоральное животное: ведь сколько часов она может оставаться без воды! Всякая другая рыба в таких условиях давно бы погибла, а эта—живехонька (рис. 32)!

Рис. 31. Фукусы с пузырьками, наполненными газом.

— А вот — актинии. Но как они сморщились!

— Давайте возьмем их несколько штук и пустим в аквариум. Интересно будет посмотреть, как они питаются и размножаются (рис. 33).

Рис. 32. Pholis gunellus. Литоральная рыбка.

Мы так и сделали. В маленьком аквариуме они распустили свои щупальцы, и мы потом часто наблюдали, как они схватывали ими кусочки мяса и заталкивали их в свою внутреннюю полость. Но особенно интересно было наблюдать их размножение: на боковой стороне тела актинии появлялся бугорок — почка; увеличиваясь все

больше и больше, она на верху прорывалась, и около отверстия вырастал венчик щупалец; новая актиния, сидящая сначала на теле своей матери, потом отделялась от него и начинала вести самостоятельную жизнь. Возвращаясь из плаваний, мы потом могли видеть, как количество актиний в аквариуме делалось все больше и больше.

Попадались между фукусами и мелкие ракообразные—бокоплавы и черви. Но вот какой-то жестковатый кустик прикреплен к камню. Что это? Водоросли? Или кораллы? Оказалось, что это мшанки—колониальные животные, которых относят к группе червеобразных (рис. 34).

Рис. 33. Актиния.

Рис. 34. Мшанки.

Для меня подобные литоральные ловы были особенно ценны тем, что здесь я мог, не спеша, следить за жизнью целой массы животных.

Через день или два по прибытии в гавань со мной случилось небольшое приключение, сильно меня тогда напугавшее. В свободное время я взял шлюпку и отправился путешествовать по гавани. Так интересно было глядеть в подводное царство. Вода прозрачная, прозрачная; в ней со дна поднимается лес фукусов со своим многочисленным населением; на камнях медленно ползают звезды; актинии, не сморщенные, как во время отлива, а роскошно распустившие свои щупальцы, ожидают, кого бы им схватить; быстрые бокоплавы шныряют, изгибая свое тело... Двигаясь вдоль берегов, я любовался этой

новой для меня картиной. Совершенно незаметно я очутился у скалистого берега недалеко от городской пристани. На горе появился какой-то человек и начал что-то кричать на непонятном мне языке, энергично размахивая руками. Хотя речь его и относилась, повидимому, ко мне, так как никого кругом не было, но я ни слова не понял и продолжал свои наблюдения. Вдруг, недалеко от меня загремел страшный взрыв. Град камней посыпался в воду, некоторые из них попали в шлюпку, но, к счастью, ни один не задел меня. Оказывается, здесь производились работы по устройству пристани, и рабочий норвежец предупреждал меня о том, что будет взрыв скалы динамитом... Так была прервана моя поездка. Перепуганный, я схватился за весла и удрал поскорее к себе на пароход.

ГЛАВА IX.

В Териберке.

Целый месяц я плавал на «Андрее Первозванном». О работах, о том, что я видел и перечувствовал во время этого плавания, я расскажу в одной из следующих глав. Здесь же постараюсь описать свое знакомство с мурманским промыслом.

В начале июня «Андрей Первозванный» зашел в становище Териберку. Здесь промышляли наши боты, привезенные из Норвегии. Мне предстояло сменить в Териберке одного из товарищей, который до этого времени наблюдал за работой ботов.

В Териберке мы нашли «Помора», работами которого руководил Всеволод Феликсович. Я был очень рад встретиться с ним, так как рассчитывал на его помощь при ознакомлении с промыслом и промышленниками.

— Вы долго здесь простоите?—спрашивал я, пожимая руку Всеволода Феликсовича после долгой разлуки.

— Да дня 3—4, не меньше. На «Поморе» необходимо сделать кое-какие починки, а потом нужно будет запастись наживкой для яруса в достаточном количестве. А вы почему так этим интересуетесь?

— Я хотел просить вас ввести меня в курс дела. Ведь и с промыслом, и с промышленниками я знаком только по рассказам да по книгам. Боюсь, что без вашей помощи наделаю много глупостей.

— Ну, отлично! Что, что, а промысел я теперь знаю хорошо. Позвольте прежде всего познакомить вас с Териберкой. Это одно из самых крупных становищ Мурмана. Главный недостаток Мурмана, как промыслового берега, заключается в том, что на всем его протяжении мало удобных и хорошо защищенных стоянок для судов. На западе вы видели Мотовский и Кольский заливы; там стоянок для судов сколько угодно, но мурманский промысел сосредоточен, главным образом, в среднем Мурмане, где ничего, напоминающего фиорды и шхеры, нет. Берег изрезан очень мало. Только небольшие, открытые на север губы, в которые впадают реки Кольского полуострова, могут дать пристанище судам в непогоду. Около таких губ и расположены промысловые становища и колонии. Вот пред вами Териберская губа. Это, как вы видите, целый залив! Он в общем тоже ничем не защищен от северных ветров, но здесь есть целый ряд небольших губ, закрытых довольно хорошо. Вот эта губа, в которой стоит теперь «Помор» и на берегу которой находимся мы с вами, называется Лодейной. Но становище расположено не здесь. Видите там песчаную отмель, на ней домики, а немного слева маленькая церковь,—это и есть становище. Там впадает река, и рыбачьи суда стоят в устье ее (рис. 35).

— Да, но ведь устье тоже не защищено с севера!— заметил я.

— Нет защищено, но только подводным барьером

Рис. 35. Лодейная губа летом.

которого вы теперь не видите. На некотором расстоянии от устья из песка и камней, выносимых рекою, образовался бар, отмель, или, как называют его поморы, «егра». В бурю здесь и разбиваются волны. В тихую погоду через егру рыбачьи суда проходят совершенно свободно, но при шторме здесь вздымаются такие волны, что пробраться можно в устье только через узкие ворота, которые прорываются в баре вешними водами. Конечно, попасть в них удается не всегда, и каждый год здесь бывают несчастья. Ну, идемте теперь в ваше будущее жилище...

— А что это здесь за строение?

— Это фактория одного рыбопромышленника и скупщика рыбы. Вот там его пристань. Здесь же и его квартира, а также амбары для соли и рыбы; вот эти небольшие домики—казармы для рабочих.

— Что же, он сам занимается промыслом?

— Да, у него есть суда, на которых промышляют наемные рабочие. Главным образом, он скупает рыбу. Вон стоят большие парусные суда; они теперь грузятся рыбой, а потом пойдут с нею в Петербург.

Мы пошли по берегу, усеянному крупной галькой, к небольшому домику. По пути мы проходили мимо лавки.

— Эта лавка тоже принадлежит к фактории. Зайдемте! Здесь вы найдете все, что нужно промышленнику.

В небольшой лавочке действительно было все, начиная от чая, сахара, конфект и пряников вплоть до сапог и готового платья. Но главный товар составляла промысловая снасть.

— Обратите внимание на эту веревку,— сказал Всеволод Феликсович, показывая мне моток английской бечевки толщиною миллиметров в 5—6.—Это «стоянка», с которой вы скоро познакомитесь очень хорошо; каждый такой моток содержит в себе около 50 маховых саженей

бечевки. А вот это тоже вам необходимо знать!—И он показал мне другой моток бечевки толщиною около 2 миллиметров.—Она употребляется на форшни, т.-е. те маленькие веревочки, к которым прикрепляются крючки яруса. Скоро все это вы будете знать не хуже меня.

В нескольких шагах был и «мой дом». Комната, в которой мне предстояло жить, была вполне хороша; в ней было 2 кровати, один стол для работы и другой большой—обеденный, несколько стульев... Но лучше всего был вид из окон! Вся Териберская губа была как на ладони. На переднем плане—корабли факториста, «Помор», наши боты и другие суда, стоявшие в Лодейной губе, а затем—широкая, широкая, сверкающая на солнце гладь залива, ограниченная невысокими скалами восточного берега. Кое-где белели паруса, и виднелись стильные силуэты норвежских норландботов... Все это так красочно и так не похоже на крайний север!

— А кто же меня здесь кормить будет?—интересовался я.

— Не беспокойтесь. Здесь все налажено. Вот я вас сейчас познакомлю с фру Ингебор. Это жена одного норвежца колониста. Она вам и обед приготовит и самовар поставит.

— Как самовар?—удивился я.

— А мы и об этом позаботились. Когда завоет шторм, да если еще вас на промысле вымочит, как следует, тогда вы с наслаждением будете сидеть здесь за самоварчиком с книгой в руке. Это не хуже, чем где-либо на даче. Вот только ночи нет! Меня страшно раздражает это незаходящее солнце и этот непрерывный день... Фру Ингебор!—крикнул Всеволод Феликсович, открыв дверь.

К нам вошла низенькая, толстенькая, очень опрятная старушка с красным, как пион, лицом. Всеволод Феликсович начал объяснять ей, что я буду теперь жить здесь и что мне нужен будет обед, ужин и т. п. Но что это

был за разговор! Мы не говорили по-норвежски, а фру Ингебор знала только этот язык. Не знаю, много ли она поняла из того, что говорил мой товарищ, хотя он и пустил вход все свои познания: в его речи были и русские, и немецкие, и норвежские слова, и все это дополнялось самой выразительной мимикой. Я не решался говорить, а, изображая из себя глухонемого, старался дополнить и сделать более понятной речь Всеволода Феликсовича жестикуляцией. Фру Ингебор в свою очередь не отставала от нас: она нам что-то говорила, но мы решительно не поняли ничего, кроме слова «самовар». В результате мы, улыбаясь, кивали друг другу головой в знак того, что все, мол, понятно. И, действительно, нам показало будущее, что мы столковались довольно хорошо: я не голодал и в свое время получал самовар.

— Главное сделано,—сказал Всеволод Феликсович.— Теперь, я думаю, вы не откажетесь пройтись пешком до Териберки, а впрочем, если хотите, можем отправиться туда на шлюпке.

Я предпочел пройтись. После жизни на пароходе мне, сухопутному человеку, так приятно было размяться и почувствовать под ногами твердую почву.

Весна вступала в свои права. Хотя снега было еще довольно много, но на проталинках везде уже зазеленела жалкая северная растительность. Меня поразило, что многие растения уже цвели. В этом сказывалось приспособление их к суровому климату севера: им необходимо было возможно скорее зацвести, чтоб успеть в течение короткого полярного лета дать плоды. У всех этих растений я нашел подземный стебель; благодаря ему они не погибают на зиму, и в нем же сохраняются запасы тех питательных веществ, которые позволяют этим растениям так рано весной пустить стебель и дать цветы.

Мы шли по берегу залива. Высокой гранитной почти отвесной скалой поднимался он из синевшего внизу моря.

— Мне бы хотелось,—обратился я к Всеволоду Феликсовичу,—познакомиться с промыслом во всех его деталях, начиная от лова наживки вплоть до засолки рыбы.

— Отлично!—сказал Всеволод Феликсович.—Мне все равно придется несколько дней провести в Териберке. Я присмотрю за ботами, а вас познакомлю с одним очень толковым помором, с которым вы и отправитесь на промысел. Увидите, что̀ такое шняка, и тогда поймете, как судно может влиять на развитие промысла.

— Это именно то, к чему я стемлюсь. Скажите, пожалуста, почему это здесь везде так разделяют колонистов и поморов?

— В настоящее время стремятся колонизовать Мурман. Конечно, жизнь здесь тяжела. Вот нам теперь надоедает непрерывный полярный день, но во сколько раз тяжелее такая же непрерывная полярная ночь! Отсутствие света и недостаток свежих продуктов ведут к тому, что чуть не поголовно вся колония лежит в цынге. Путей сообщения никаких, так как пароходство с осени прекращается, а на шлюпке далеко не уедешь: здесь зимою очень часты штормы и штормы ужасные. Как видите, условия жизни далеко не блестящие. Чтобы привлечь колонистов, в последнее время им выдается значительная денежная сумма на первое обзаведение, и предоставляется ряд других льгот. Но сплошь и рядом эта мера имеет и другие стороны: привлеченные подачкой, на Мурман часто идут люди, которым нечѐго больше терять в жизни; часто это люди, непривыкшие к морю и не любящие его. Ну, какие же это промышленники? И вы прислушайтесь, в устах помора название колониста звучит довольно-таки презрительно. Совершенно иной элемент представляют собою колонисты шведы, норвежцы, финляндцы... Вы были на Кильдине у Эриксона?

— Нет.

— Ну, вот, когда побываете, тогда увидите, что̀ такое настоящий житель крайнего севера! Поморы в боль-

шинстве для Мурмана — элемент пришлый. Это — жители Архангельской, отчасти Вологодской и других губерний, которые являются сюда только на лето исключительно ради промысла. Они — прирожденные моряки. Это ведь потомки тех отважных мореплавателей, которые на утлых суденышках ходили на Медвежий остров, Новую Землю и Шпицберген.

Мы не заметили, как начался спуск. Вскоре мы были на левом берегу довольно широкой реки. Везде стояли рыбачьи суда. Среди массы тяжелых шняк сразу бросались в глаза стильные легкие «елы» типа норвежского норландбота. На противоположном берегу раскинулась Териберка. Всеволод Феликсович крикнул; нам дали «карбас», небольшую шлюпку, и скоро мы были на другом берегу реки, покрытом чистым белым песком.

Мне казалось, что я попал в обыкновенную русскую деревню; не было только в ней того уюта и опрятности, которые так характерны для поселений, например, Новгородской губернии. Вдоль улицы довольно часто попадались большие избы с 2—3 окнами по фасаду с расписными ставнями по бокам. Возле таких домиков иногда был и заборчик, окружающий небольшой двор. Все это были дома колонистов. Рядом с ними попадались кое-как сколоченные избушки без всякого намека на забор или двор; это — «стан», жилище поморов, приходящих только на летний промысел (рис. 36).

— А это что такое? — с удивлением спросил я, увидев совсем странную для меня картину: между столбиками натянуты веревки, покрытые какими-то небольшими серыми предметами... Когда мы подошли, оказалось, что это масса тресковых голов, развешенных для просушки. Они еще не высохли, и в них копошилась масса «червей», — личинок каких-то насекомых.

— Дело в том, — сказал Всеволод Феликсович, — что всю рыбу промышленники сейчас же после промысла сдают

Рис. 36. Устье реки Териберки. Слева на песке расположено становище Териберки.

скупщикам, головы же, которые при разделке отрезываются, оставляют себе и потом сушат. Несмотря на такой неаппетитный вид, их зимою едят, а колонисты ими же часто кормят овец (рис. 37).

Везде висели на кольях и просушивались невода; возле станов сидели поморы и распутывали яруса. Открытое выражение загорелого, почти бронзового лица, несколько суровый, но прямой взгляд, здоровая и стройная фигура—вот типичные черты поморов. Были между ними и довольно пожилые, и молодые люди, и мальчики

Рис. 37. Сушка тресковых голов.

лет 10—12, так называемые «зуйки»; они помогают распутывать снасть, варят пищу и в то же время приучаются к промысловой жизни. Совсем не видно было стариков и детей, и очень редко встречались женщины; это понятно: на Мурман приезжает только крепкое мужское население, если не считать зуйков.

Ни поросят, ни телят, ни домашней птицы—этих постоянных обитателей русской деревенской улицы—мы не видели. Только несколько исхудалых овец пощипывали едва пробивающуюся травку.

Для промысла поморы соединяются в группы по 3 или

по 4 человека. Старшим в этой небольшой артели является «корщик», последний обыкновенно является хозяином судна и снасти. Часто это—отец с двумя или тремя сыновьями.

— Вот я вас сейчас познакомлю с одним очень толковым корщиком; с ним вы и поедете на промысел,—говорил Всеволод Филиксович, подходя к довольно большой избе-«стану».

Около сидели 2 молодых помора и распутывали ярус.

— Здравствуй, Андрей! Отец дома?

— Здравствуйте, Всеволод Феликсович! Дома. Зайдите в избу.

Мы зашли. Изба, как изба. В переднем углу—икона, и под ней—стол; у стен—нары с наваленным на них платьем и постелью; справа от входа—небольшая печь; прямо против двери—3 небольших окна.

При нашем входе с нар поднялся высокий человек с небольшой русой бородой, по виду лет 45.

— Здравствуйте, Григорий! Вот мы к вам в гости пришли. Это мой товарищ Константин Павлович.

— Здравствуйте! Милости просим, садитесь пожалуйста!

— У нас к вам дело! Вот Константин Павлович хочет у вас промыслу обучиться. Не возьмете ли вы его с собой в море?

— Ну, чему уж вам у нас учиться? А если уж охота такая, что ж, милости просим, поедемте!

— Только вот что, Григорий, вы уж, пожалуйста, покажите Константину Павловичу все: как и наживку ловят, как и ярус наживляют, словом—всю вашу поморскую науку.

— И это можно! Вот как поедем с ребятами на «песок», так вы к нам и пожалуйте. А за показ мы вам работу зададим, с ребятами невод тянуть.—И Григорий добродушно засмеялся (рис. 38).

— Я с удовольствием, только сумею ли?

— Ну, мудрость небольшая!

- А когда же поедете наживку ловить?—спросил я.

— Да к вечеру, в «тихую воду».

Я хоть и не понял, что это значит «тихая вода», но не спросил из боязни обнаружить свою полную «необразованность».

Мы распростились. Григорий пошел нас проводить.

Рис. 38. Невода просушиваются после лова.

— Вот вам первая наука, Константин Павлович,—сказал он, когда мы вышли из избы.—Посмотрите, как ребята ярус глушат.

— Да Константин Павлович и яруса настоящего не видел,—заметил Всеволод Феликсович.

— Ну, вот и ярус посмотрите!—сказал Григорий.

— Единицей яруса,—обратился ко мне Всеволод Феликсович,—является «тюк». Это три связанные вместе стоянки, на которые я уже указывал вам в лавке. К стоянке

на расстоянии маховой сажени друг от друга привязываются форшни, тоненькие веревочки около $^1/_2$ метра длиною. К концу форшней прикрепляются крючки. Вся эта снасть опускается на дно, так что получается нечто вроде нашего перемета. Так как в каждой стоянке около 50 маховых саженей, то на каждый тюк приходится около 150 крючков. Вот они приехали с промысла, ярус нужно распутать и привести в такой вид, чтобы он не путался и не затруднял работы при наживлении.

Андрей и его товарищ брали крючки яруса, такого же вида, как обыкновенные крючки для уженья, но только очень крупные, сантиметров 6—7 длиною, и какимто особым узлом привязывали их острие к их же форшням. Я попытался сделать это, но мне не удалось. Всеволод Феликсович «заглушил» один крючок и показал мне особенность этого узла: стоило, держа крючек в руке, дернуть за форшень, и узла как не бывало, крючек свободен, и его можно наживлять. Я был страшно рад, когда и мне после ряда неудачных попыток все же удалось завязать такой же узел.

— Что это говорил Григорий,—спросил я Всеволода Феликсовича, когда мы отошли от его избы,—«поедем на песок» и «в тихую воду»? Я не понял этих выражений.

— Наживку ловят вон там на песчаном наносе реки. «Ехать на песок» стало техническим термином, это значит ехать ловить наживку. «Тихая вода»—это момент между приливом и отливом, когда вода, действительно, находится в спокойном состоянии. В это именно время и песчанка и мойва, которые составляют самую обычную наживку, подходят и держатся у берега.

Нас поджидала шлюпка с «Помора». Скоро мы были в моей комнате, и фру Ингебор давала нам обед. На первое—тресковая уха с «воюксой», т.-е. печенью палтуса, на второе—какое-то довольно вкусное блюдо, со-

стоящее из вареного картофеля с кусочками вареной трески. Сладкое блюдо у нас было свое в виде сухих фруктов для компота.

Я здесь с удовольствием ел треску; это очень вкусная нежная рыба, напоминающая несколько судака. Между тем в Петербурге, когда, бывало, хозяйка нашей студенческой квартиры готовила себе треску, то уже на лестнице стоял невозможный запах от этого блюда... Такая разница между свежей и соленой треской объясняется небрежностью русского засола. В Норвегии мне приходилось есть и соленую, и сушеную треску, и никакого неприятного запаха я не замечал.

После обеда мы писали письма. В промежутках Всеволод Феликсович рассказывал мне о своих работах на «Поморе», а я делился с ним своими впечатлениями от плавания на «Андрее Первозванном».

ГЛАВА X.

Лов наживки.

Я так увлекся письмами, что и не заметил, как пришло время ехать на «песок». Уже 2 раза приходил ко мне матрос с «Помора» сказать, что шлюпка готова, но я никак не мог оторваться от письма: мне казалось, что еще несколько слов, и оно будет кончено, но впечатлений было так много, испытанные мною переживания были так новы и интересны, что письмо мое расло и расло... А закончить его было необходимо, так как сегодня ночью придет почтовый пароход.

Часов около 10 вечера попал я на «песок»; лов был уже в полном разгаре. Я сначала растерялся и никак не мог понять, что предо мной делается. Собираясь на лов, я совершенно упустил из виду, что ловить наживку будет не один Григорий, поэтому меня поразила масса лю-

лей, тянущих не менее десяти неводов. Я с трудом отыскал Андрея. Он рядом с другими незнакомыми мне поморами, перекинув стоянку через плечо и зажав ее в руке, медленно, шаг за шагом, двигался по направлению от моря; дойдя до известного места, он бросал стоянку и бежал к воде, быстро хватал веревку и опять тянул, как и прежде. Я стал рядом с ним и старался делать все так же, как и он. Нашу веревку, кроме нас с Андреем, тянуло еще 4 че-

Рис. 39. Лов неводом в Екатерининской гавани.

ловека. Это было одно крыло нашего невода, но где было другое, я не мог различить, так как рядом с нами тянули веревку несомненно от другого невода (рис. 39).

В море перед песком плавали поплавки неводов, и возле них на карбасах стояли корщики и следили, чтобы невод шел правильно. Крича во все горло и поднимая то правую, то левую руку, они командовали, давая знать тянущим, какое крыло нужно тянуть быстрее. Я совершенно не понимал, какой из этих криков относился к

нам и только старался не отставать от шагавшего впереди меня Андрея.

Вскоре я заметил, что все, тянувшие наше крыло, начали забирать влево; я сделал то же самое и сейчас же увидел, что к нам навстречу приближается такой же ряд тянущих стоянку. Только теперь я понял, что это другое крыло нашего невода. Мы сходились все ближе и ближе. Когда из воды показались крылья невода, Григорий был уже на берегу. Подтянув свои высокие сапоги, он бросился в воду и начал вытягивать нижнюю

Рис. 40. Песчанка.

подбору невода, чтобы пойманная рыба не ушла. Я бросил стоянку и начал следить, что̀ будет дальше. Скоро в неводе запрыгали небольшие рыбки, блестя на солнце своей серебряной чешуей. Когда невод подтянули и развязали его мотню, в подставленную корзину, как ртуть, хлынула серебряная струя пойманных рыбок. Это была мойва.

Пока забрасывали невод во второй раз, я начал рассматривать пойманную наживку. От корзины шел острый и характерный для мойвы запах, напоминающий запах огурцов. И этим запахом, и общим своим видом

мойва очень напоминает нашу корюшку. Мойва—лучшая наживка для трескового лова. Весною она громадными стаями подходит из глубин океана к устьям рек и здесь мечет икру.

Среди мойвы я нашел несколько других рыбок, песчанок. Это тоже самая обычная здесь рыбка, служащая, как и мойва, для наживления яруса (рис. 40).

Во второй замет невода мойвы поймали несколько меньше, но все же корзина была почти полной. Между прочим в невод попалась крупная рыба «пинагор» или «прилипало». Ее не едят, и потому промышленники хотели выбросить ее в море, но я взял ее, чтобы на досу-

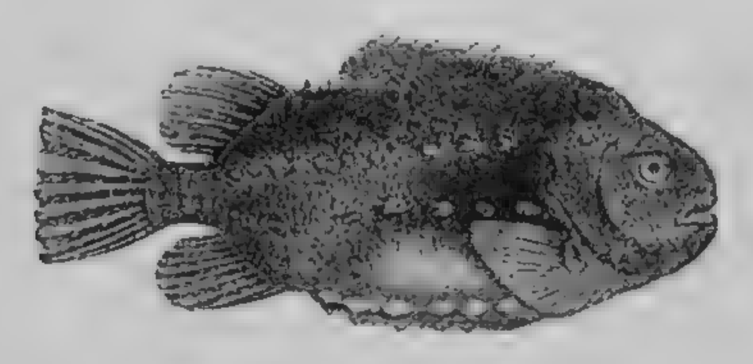

Рис. 41. Пинагор.

ге хорошенько рассмотреть. На брюшной стороне около головы у него был большой присосок, которым он прикрепляется, «прилипает» к подводным скалам (рис. 41).

Корзину с наловленной мойвой тесным кольцом окружили ловцы. Принесли еще корзины и ведра и начали распределять улов.

— Зачем это пересыпают мойву?—спросил я Андрея.

— А мы ведь ловили не одни, вот ее теперь и делят... У отца есть невод; когда мы ловим наживку, к нам присоединяются другие промышленники, у которых невода нет. За свою помощь они получают часть улова.

Нагруженные добычей, неводом и стоянками, отправились мы к стану. Скоро Григорий с сыновьями, Андреем и Сенькой, сидели и наживляли ярус. Дернув за

форшень, они освобождали крючек и особым образом насаживали на него рыбку. Я тоже присел к ним и скоро уловил способ насадки мойвы на крючек, но делал это так медленно, что только задерживал их работу.

Наживленную часть яруса укладывали в большой ящик, при чем все крючки с наживкой оказывались в одном углу ящика.

Рис. 42. Полуночное солнце

— Смотрите же, Константин Павлович, - говорил мне Григорий, когда я собрался уходить,—не опаздывайте! Завтра в «полную воду» уходим в море!

Я уже знал, что «в полную воду»—значит в момент полного прилива. . . . .

Шлюпки не было, и потому я, переправившись на карбасе через реку, пошел домой пешком. Поднимаясь на высокую прибрежную скалу, я скоро был на ее вершине и здесь остановился, пораженный открывшейся предо

мной картиной. Далеко на север тянулся беспредельный океан. Над горизонтом стояло солнце, окруженное легкими розоватыми и оранжевыми облаками. Золотой полосой тянулось его отражение через всю видимую водную гладь, а по бокам этой полосы легкая зыбь сверкала мириадами золотисто-розовых искр. Ближайшие скалы, как опрокинутые, стояли в воде, и, если бы не узкая линия пены прибоя, то невозможно было бы уловить границу между скалой и ее отражением. Кругом мир и тишина... Все спит. Да разве это суровый, неприглядный север (рис. 42)?!

Я взглянул на часы; было 10 минут первого.

Так вот оно, полуночное солнце, о котором я так мечтал! Вот то явление, которое не мог представить себе мой детский ум, когда я в школе читал и слышал о нем! Да, несомненная полночь... Мои далекие друзья, если только они не спят, любуются теперь темным усеянным звездами ночным небом, а меня здесь освещает солнце! Как дивен мир, как разнообразна природа!

ГЛАВА XI.

На шняке.

К концу прилива я был уже у Териберки и попал как раз во-время. Григорий с сыновьями снаряжали шняку. Это большая беспалубная лодка, сделанная из толстых крепких досок. Кажется, никакой шторм, никакой прибой не мог бы разбить это массивное судно. И поморы ценят свою шняку за ее прочность.

По средине вставляется невысокая мачта, на которую при попутном ветре поднимают на рее небольшой парус. Так как ветра почти не было, то и мачта, и свернутый парус лежали на дне шняки.

Погрузив снасть, мои спутники повернулись к востоку и, сняв свои теплые шапки, начали креститься, шопотом произнося молитву... О чем они молились? О хорошем улове или о том, чтобы море не поглотило их вместе с их судном? Думали ли они в это время о том, что при всяком выходе в море они рискуют жизнью...

Скоро мы плыли по заливу. Андрей сидел спиной к носу шняки и греб, как обыкновенно, а Григорий, стоя у кормы и спиной к ней, греб, толкая весла от себя; он таким образом не только управлял, но и помогал гребцу. Мы медленно подвигались вперед. Трудно представить себе, сколько нужно гребцов, чтобы разогнать тяжелую шняку! Когда мы вышли за «егру», с востока потянуло ветерком, но для нас он был слишком тих. Скоро нас обогнали две легкие красивые ёлы, довольно быстро шедшие под парусами (рис. 43).

— Почему, Григорий,—спросил я,—вы промышляете на шняке? Ведь вот смотрите, как легко идут ёлы! И люди не устанут, и на промысел они придут раньше нашего!

— Это верно! Выгода есть и большая, да жидка больно ёла! Много возле нее уходу нужно! Вот он на ёле против меня выгадает, но зато ёла его износится куда раньше шняки, и вся выгода уйдет на новое судно. Да и не привыкли мы к ней. И дед мой, и отец, и прадед,—все на шняке промышляли, так уж, видно, и мне менять ее не пристало.

— Ну, а в шторм,—не унимался я,—ведь если ветер с берега, так на шняке совсем плохо!

— От смерти ни на чем не уйдешь, Константин Павлович! Придет смерть, так и на ёле, и на шняке, и на пароходе помрешь. Вон, в третьем году... шторм сильный был; пришел пароход, остановился в корабельной бухте. Ну, где уж тут выгружать что, когда его чуть якорь держит? Да был на нем какой-то родственник капитана, тоже, сказывали, капитан, и нужно ему было в

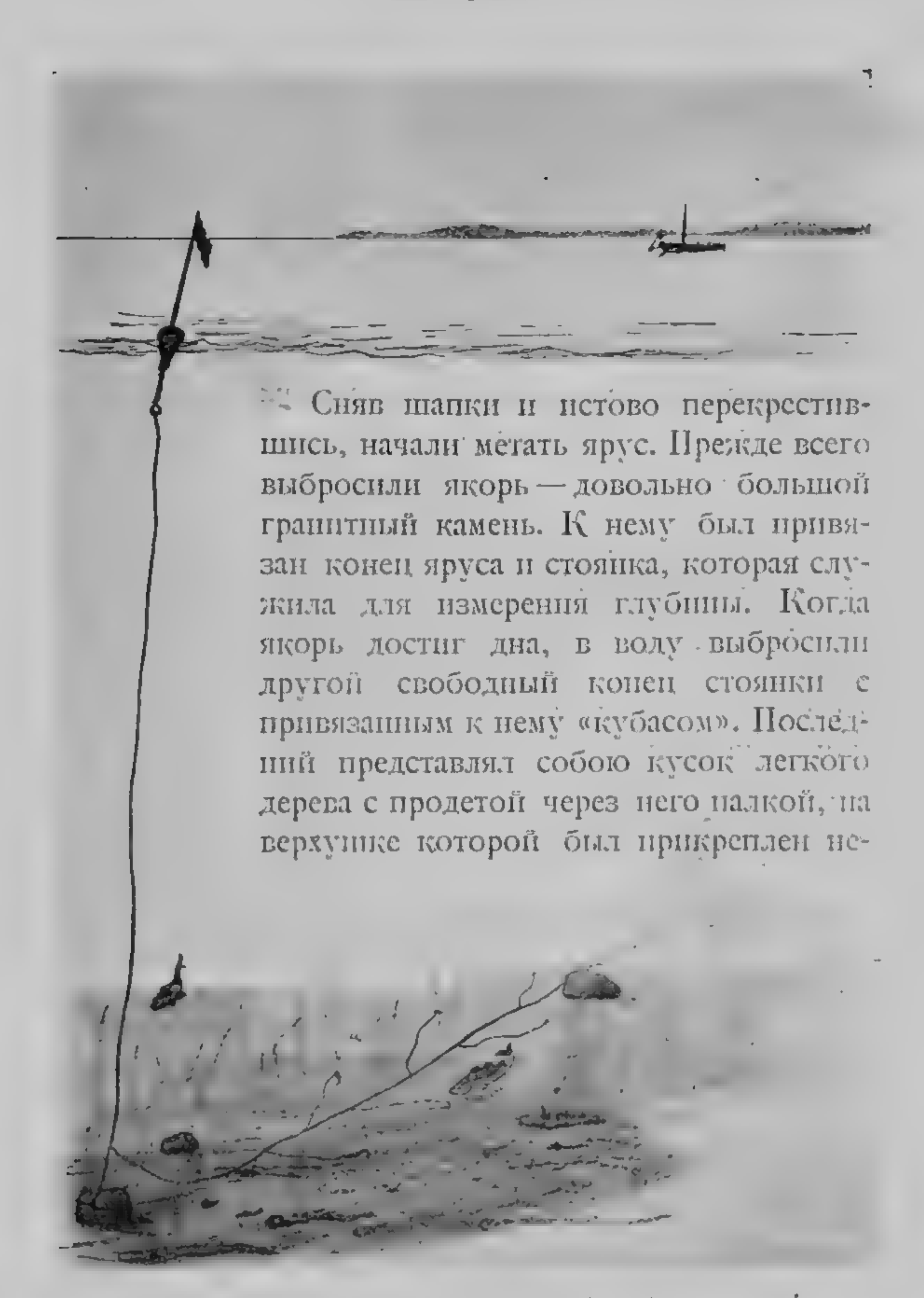
Рис. 43. Шняка под парусом.

Териберку к купцу одному. «Спускай», говорит он капитану, «шлюпку»—и больше ничего! Тот его уговаривал, уговаривал, ничего не помогло. «Трус ты», говорит, «а еще капитан! У тебя», говорит, «шлюпки нетонущие, а ты боишься! Если людей не дашь, так я», говорит, «сам выберусь и посмеюсь над тобой!» Ну, того задело. Приказал он спустить шлюпку, дал ему двух матросов, поплыли они. До егры все шло хорошо: хотя «взводни» и большие, да шлюпка легкая, хорошая, как пробка на них взлетала; но вот подошли к егре... Капитан на руле сидел; ему бы немного вправо взять, и как раз в проход попали бы. Один из матросов и указывал и говорил ему, а он свое: «Я», говорит, «знаю, что делаю, и ты», говорит, «знай свое, греби...» И не управил он, куда нужно. Как хватило их, так больше их и не видали... Один матрос как-то спасся: хоть и побитого, а живым выбросило на берег... Вот, кому, значит, вышло помирать, те и потонули, а кому не пришла пора, тот и жив остался!

Я пытался указывать на то, что здесь была просто нелепость, что, может быть, капитан этот был пьян,— ничего не помогло: Григорий стоял на своем. Необходимость постоянно рисковать своей жизнью выработала у этого человека особый взгляд на опасность, на жизнь и смерть.

Когда мы вышли в океан, ветерок усилился. Поставили парус, и наша шняка быстрее пошла вперед. Мы шли прямо на север. Хотя у Григория был небольшой компас, но он им не пользовался: окружающие берега, на которых ему был известен каждый камень, делали излишним применение компаса.

Мы остановились, по словам Григория, верстах в 30 на север от Териберского мыса и измерили глубину. Мерой служили все те же связанные друг с дружкой стояики. Мы стояли на глубине около 90 сажен.

Сняв шапки и истово перекрестившись, начали метать ярус. Прежде всего выбросили якорь — довольно большой гранитный камень. К нему был привязан конец яруса и стоянка, которая служила для измерения глубины. Когда якорь достиг дна, в воду выбросили другой свободный конец стоянки с привязанным к нему «кубасом». Последний представлял собою кусок легкого дерева с продетой через него палкой, на верхушке которой был прикреплен не-

Рис. 44. На ярусе. Вверху на первом плане — кубас, вдали — второй кубас и возле него шняка; внизу — якорь и идущая от него стоянка яруса с форшнями и крючками.

большой флажок. После этого начали метать ярус: Григорий мерными взмахами выбрасывал его в воду, а Андрей греб с такой быстротой, чтобы стоянка яруса все время была несколько натянута. Благодаря этому ярус ложился по дну, не путаясь, в одну линию. У нас было с собою 20 тюков, т.-е. около 3 тысяч крючков.

Когда выметали последний тюк, выбросили в море второй кубас и второй якорь.

Привязав шняку к стоянке кубаса, Григорий с сыновьями могли, наконец, отдохнуть. Помыв руки, они уселись за завтрак. У меня были бутерброды и банка с консервами, но на всех нас моих запасов было недостаточно, а есть все это одному мне не хотелось; поэтому я охотно принял приглашение присоединиться к их незатейливой трапезе. Андрей вынул из сумки завернутый в чистую тряпку каравай черного хлеба, достал оттуда же довольно большую вареную треску и разложил все это на опрокинутом ящике. Тут же в тряпочке лежала грубая, слегка отсыревшая соль, та самая, которая употребляется для засола рыбы. И с каким аппетитом уничтожили мы добрую половину этих запасов!

После еды мои спутники улеглись тут же в шняке и заснули богатырским сном. У поморов этот промежуток до выборки яруса так и называется: «лежать на ярусе» (рис. 44).

Мне спать не хотелось. Я уселся поудобнее на корме шняки, и меня охватило чувство полного покоя...

Было тепло, как у нас в хороший апрельский день. Еще довольно высоко стоявшее солнце не жгло, а ласково грело. Легкий ветерок приятно освежал лицо. Кругом — беспредельная синяя, синяя поверхность океана. Только на юге вставали из нее высокие гранитные скалы Мурмана с белыми, сверкавшими на солнце снежными пятнами. Бог весть, откуда катившиеся, невысокие, пологие океа-

нические волны не качали, а только поднимали и опускали шняку, приятно убаюкивая...

Прошло часа 4. Первым проснулся Григорий и посмотрел на солнце.

— Ну, ребята, пора! — сказал он. — А вы, Константин Павлович, так и не спали?

— Да я ведь ночью выспался!

— Пора, пора, ребята! — торопил он сыновей, натягивая буксы—пропитанные маслом непромокаемые парусиновые штаны. — Смотрите, как бы штормом нас не захватило!

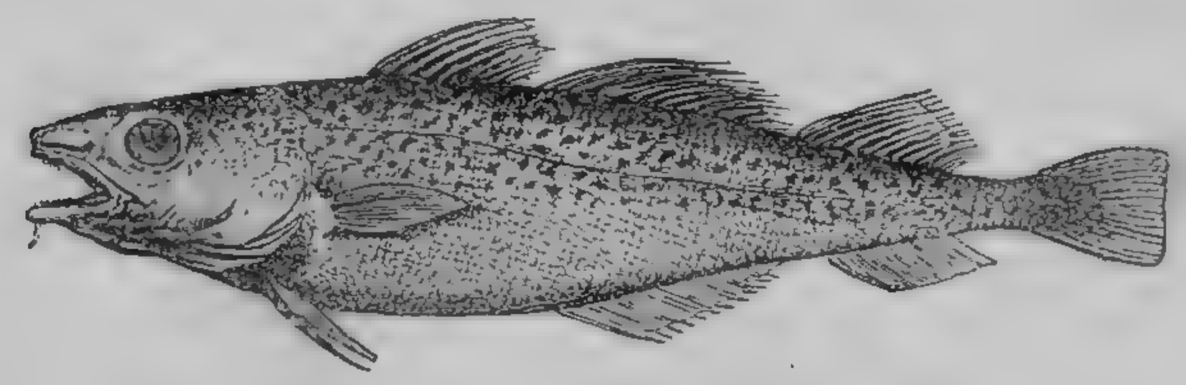

Рис. 45. Треска.

— Почему вы ожидаете шторма? — с удивлением спросил я, оглядывая безоблачное небо.

— А волна идет с востока! Здесь уж сколько дней не было ветра!

Я только удивился, как мне раньше самому не пришло в голову, что раз появилась волна, то где-то должна же быть вызвавшая ее причина.

Григорий с Семеном, который был уже в буксах, надели кожаные рукавицы и, вытянув кубас, стали поднимать якорь. Андрей сидел на веслах и подгребал, направляя шняку в сторону туго натянутой стоянки.

Я с нетерпением ожидал результатов улова. Да, кажется, и мои спутники были охвачены таким же ожиданием; они молчали и время от времени поглядывали за борт.

Вот и якорь, вот и первые крючки яруса. Далеко в прозрачной воде блеснула крупная рыба, за ней другая, третья... Скоро в шняку одна за другой посыпалась треска. Вот она, кормилица Мурмана! Треска шла крупная, около метра длиною (рис. 45). Изредка попадалась пикша,— рыба, очень похожая на треску и видом, и вкусом: окрашена она темнее трески; за грудным плавником у нее находится 2 черных пятна, по одному с каждой стороны (рис. 46).

Меня сначала удивляло, что такая крупная рыба совершенно не билась: она шла, как мертвая, и только слабые

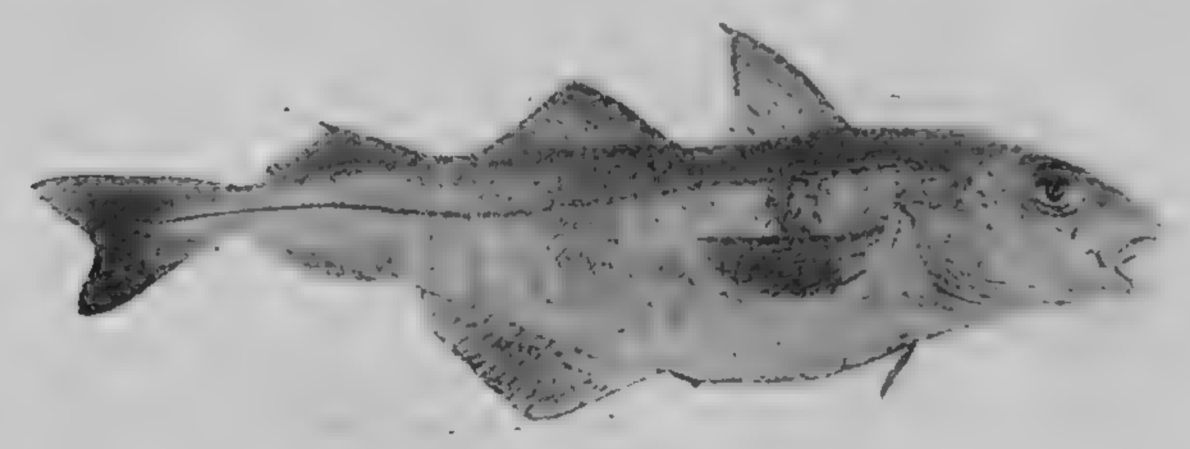

Рис. 46. Пикша.

движения хвоста давали знать, что она еще не совсем уснула. Мне пришлось призвать на помощь свои знания по физике, и тогда я понял, в чем дело: ведь рыбу эту быстро подняли с глубины около ста саженей, а слой воды, толщиною в 5 саженей, давит с силой одной атмосферы; следовательно, на дне давление достигало не менее 20 атмосфер! Вспомнив, как действует на воздухоплавателей быстрый подъем на аэростатах, я больше не удивлялся безжизненности рыбы. Для меня стало понятным и то, почему у некоторых тресок глаза вышли из орбит.

Улов был хороший. По мере того, как на дне шняки слой рыбы делался все толще и толще, настроение моих спутников повышалось: в начале молчаливые и сосредоточенные, они теперь болтали, смеялись, шутками и прибаут-

ками встречали каждую крупную рыбу. Но особенно много оживления вызвал крупный скат... Эту плоскую нелепого вида рыбу не едят, и промышленники ее выбрасывают. Прежде, чем выбросить, Григорий, этот серьезный, пожалуй, даже несколько суровый человек, не говоря уже о его сыновьях, довольно долго забавлялся уморительными движениями и гримасами ската, снятого с крючка (рис. 47).

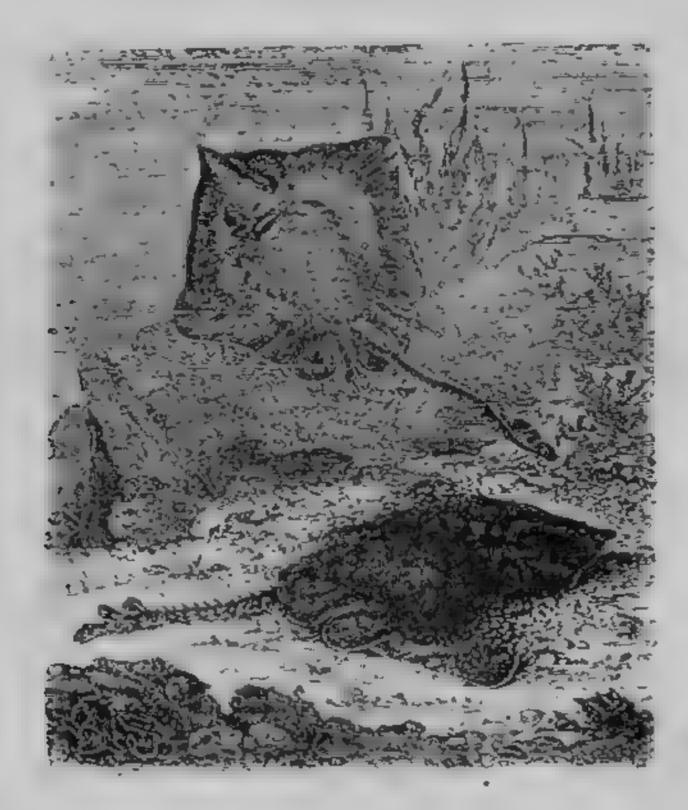

Рис. 47. Скаты.

Глядя за борт, я издали увидел нечто совсем особенное: извиваясь во все стороны, сильно билась на крючке какая-то пятнистая рыба с круглой головой.

— А, зубатка! — с каким-то озлоблением сказал Григорий. Вытащив из воды, ее несколько раз ударили по голове «ляпом» — железным крючком, вделанным в деревянную рукоятку. «Ляпом» пользуются для того, чтобы подхватывать крупную рыбу, когда она выходит из воды (рис. 48).

— Зачем вы ее бьете? — спросил я.

— Кусается! Недавно одному промышленнику зубатка прокусила сапог и так поранила ногу, что недели две на промысел не выезжал.

Я с интересом стал рассматривать большую пасть зубатки, усаженную крупными острыми зубами. Своей ловкостью, с которой она извивалась в воде, и окраской зубатка мне очень напомнила кошку.

— Палтус, палтус! Да какой большой! — закричал Семен, схватив «ляп».

Я бросился к борту. На крючке яруса почти без движения висела громадная широкая камбала метра полтора длиною. Семен, нагибаясь, чтобы зацепить палтуса «ля-

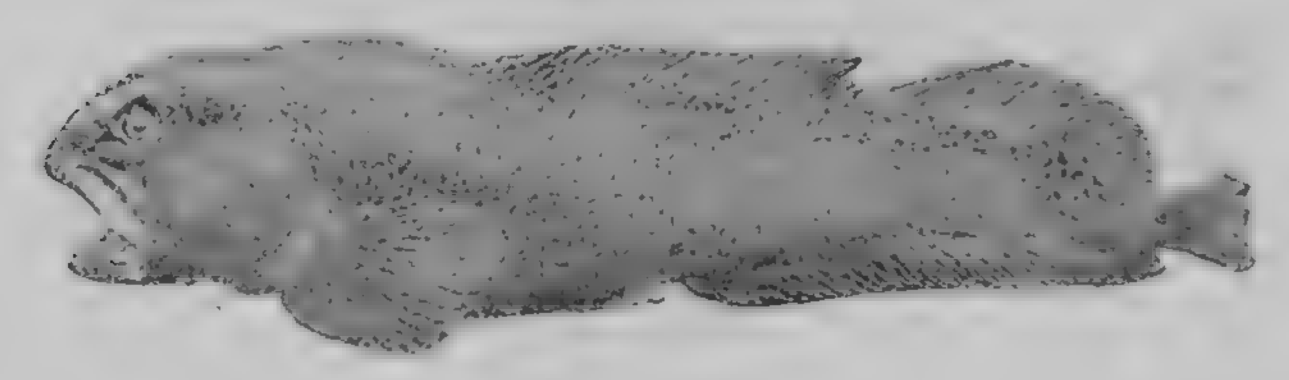

Рис. 48. Зубатка.

пом», чуть не выпрыгнул из шняки; Григорий, поспешно завернув ярус за колышки для весел, бросился на помощь к сыну. С большим усилием подняли они его в шняку. Конечно, в воздухе никакой форшень не мог бы выдержать эту тяжесть, а между тем в воде она была поднята на тоненькой бичевке с глубины больше ста саженей! Вот наглядный пример закона Архимеда!

Я попробовал поднять вытащенного палтуса, чтобы определить его вес, но только выпачкался в слизи, покрывавшей его тело.

— И не пробуйте, Константин Павлович! — сказал Григорий. — Не меньше как 5 пудов (рис. 49)!

К концу яруса вытащили еще двух палтусов, но уже не таких крупных.

Но вот, наконец, и второй якорь. Вытянув стоянку и подняв кубас, поморы начали вытирать градом катившийся с них пот. Стоя по колени в рыбе, выпачканные в крови и слизи, усталые, но довольные хорошим уловом, они обменивались впечатлениями о том, как одна крупная треска чуть было не ушла, с каким трудом вытаскивали большого палтуса и т. д.

Увлеченные ловом, мы и не заметили, как усилился ветер, и как гребешки волн забелели пеной.

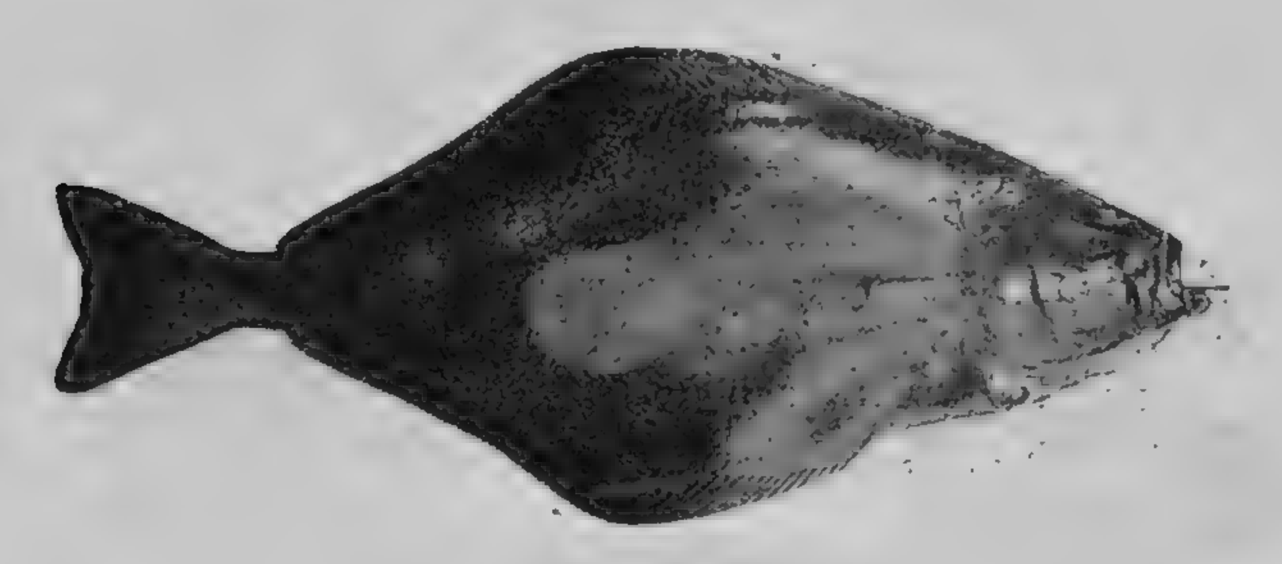

Рис. 49. Палтус.

— Ну, ребята, скорее ставь мачту! поднимай парус!— скомандовал Григорий.—Вы нам счастье принесли, Константин Павлович! Пудов на 100 добыли рыбы.

Ветер был почти в спину. Слегка накренившись на правый борт, шняка понеслась к Териберке, тяжело взбираясь на гребешки волн, обдававших нас солеными брызгами.

Усевшись, поморы начали чистить рыбу. Внутренности вынимали и бросали в море. Десятки чаек с унылым ноющим криком окружили нашу шняку и чуть не на-лету подхватывали лакомую для них добычу. Печень из каждой рыбы вырезывали и складывали в особое ведро; она очень ценится, такъ как из нее приготовляют тот рыбий жир, который так знаком всем слабым и золотушным

детям. Головы отрезывались, но напрасно надеялись чайки попользоваться ими: их складывали отдельно, чтобы потом, высушив, сохранить их на зиму.

— А зубатку тоже будете разделывать? — спросил я.

— Зубатка все равно, что треска,—отвечал Григорий.— Те скупщики принимают по такой же цене и солят ее вместе с треской.

— Скажите, пожалуйста, Григорий, ведь вот улов хороший, рыбы, значит, много... Отчего же промышленники все жалуются на свою судьбу?—спросил я.

— Как не жаловаться, Константин Павлович? Вон, далеко ли до Харловки? А там, на пароходе сказывали, почти и на промысел не выходит; рыбы много, а наживки нет. Ну, конечно, червя морского копают, соленой наживкой наживляют, да разве это промысел? Только чтоб не сидеть дома! А в другом месте наживка есть,— рыбы нет! Да взять хоть и наших териберских... Конечно, теперь промышляют хорошо, а что толку?! Ведь пришел на промысел, и снасть, и одежу, и хлеб,—все в долг в лавке взял, а теперь и расплачивается: все за долг и пойдет! Целое лето работал, а домой ничего не привезет. Оно, конечно, и водка много мешает... Вот сегодня пароход был, и сколько людей на промысел не выехало, пьяные лежат. И осудить трудно! Целый день в холоде, да в воде! Конечно, не всякий удержится, чтобы не выпить.

Предсказания Григория сбывалось: ветер все крепчал и крепчал. Спустившееся к горизонту полуночное солнце багровым светом окрашивало зловеще вздымавшиеся гребешки волн.

Но вот и Териберский мыс. Мы вошли в залив. Здесь было значительно тише. Скоро мы прошли начавшую пениться кошку и вошли в реку.

Поблагодарив Григория, я, едва передвигая усталые от долгого сидения ноги, поспешил к стоявшей на берегу шлюпке «Помора».

Я был дома почти в одно время с Всеволодом Феликсовичем, который только что пришел с промысла на одном из ботов.

— Ну, что?—спросил он.—Как улов?

— Улов хороший! Но кроме улова все то, что я сегодня видел и слышал, поразило меня до глубины души.

Было 4 часа утра. Мы завалились спать.

ГЛАВА XII.

Работы ботов.—Жизнь в Териберке.

Я проснулся около 10 часов. Всеволода Феликсовича уже не было в комнате.

Шторм ревел. По небу, вчера столь мирному, неслись тяжелые, свинцовые тучи. Временами, как сквозь сито, сыпал мелкими каплями холодный дождь, совершенно скрывая от меня противоположный берег залива. Высокие крутые волны с пенящимися гребешками разбивались почти у самых моих окон. Все как будто вымерло и только чайки со своим ноющим криком носились в воздухе. Сплошной полосой клокочущих бурунов обозначалась «егра».

На берегу я встретил Всеволода Феликсовича.

— Где вы были?—спросил я.

— Ходил смотреть, как стоит «Помор» и наши боты. Ну, и норд-ост! Возле ботов стояла на якоре большая ела факториста; вон она теперь на берегу лежит... Сорвало с якоря и выбросило, как щенку! Далеко ли стоит «Помор», а попасть на него теперь почти невозможно. Я пробовал кричать, но за ревом шторма ничего не слышно!

— Что же мы сегодня делать будем?

— Работы много! Вы разве забыли о рыбе? Мы вам вчера изрядно наловили. Вон она сложена в ящиках!

После завтрака я принялся за работу. Каждую рыбу я измерял, вскрывал, определял, что у нее в желудке, чтобы выяснить, чем питается та или иная порода рыб, и собирал в баночки паразитов, которые иногда массами встречались в кишках, печени и других органах. При этом обнаруживались любопытные факты: сначала на крючек яруса попалась небольшая треска, которую потом проглотила другая треска, более крупная; вскрывая одного палтуса, я нашел у него в желудке довольно крупную треску, у которой в свою очередь в желудке была треска более мелкая с крючком и куском форшня от яруса.

После обеда я взобрался на скалу за Лодейной губой, обращенную в открытый океан, чтобы полюбоваться картиной шторма. Стоять было невозможно: сильный ветер прямо сваливал с ног. Громадные океанические волны с остервенением неслись на берег и здесь разбивались с страшным шумом, вздымая громадные столбы пены. Среди воя ветра и рокота моря временами слышались, как пушечные выстрелы, удары волн о прибрежные скалы. Несмотря на то, что я находился на высоте саженей в 20 над водой, меня все время обдавали брызги соленой пены. Как ни величественна была картина, но скоро мне пришлось уйти домой. Пронизывающий холодный ветер забирался через воротник и рукава, и, несмотря на теплую куртку, я скоро продрог и начал мечтать о теплой комнате и о самоваре.

Сидя за чаем, я рассказывал Всеволоду Феликсовичу о своих впечатлениях во время плавания с Григорием на его шняке. Я удивлялся тому, что такой толковый человек, как Григорий, не понимает всех преимуществ более усовершенствованных судов...

— Он понимает, — говорил Всеволод Феликсович, — но веками ведь закреплялась привычка к шняке. Помор всю свою жизнь приспособил к ней, и бросить теперь

шняку он сразу, конечно, не может. Если бы вы знали, как трудно было найти рыбаков на один из ботов! Хорошее судно, совершенно безопасное для прибрежного плавания, а они боялись, искренно боялись выходить на нем в море! Когда набранные, наконец, для работы на боте колонисты впервые отправлялись на лов, то с ними при выезде из Териберки прощались, как с людьми, идущими чуть не на верную гибель! И это те самые поморы, которые, не задумываясь, уходят на шняке в открытый океан за десятки верст от берегов!

На следующий день шторм утих. Вскоре Всеволод Феликсович ушел на «Поморе» в плавание, а я остался один в Териберке.

Промысел на ботах носил в общем тот же характер, что и на шняке. Так же ловили наживку, так же приготовляли ярус и потом метали его. Иным было плавание.

Каждый бот представлял собою лодку около 4 саженей в длину. В носовой и кормовой части были устроены металлические герметически закупоренные ящики с воздухом, делавшие судно нетонущим. В носовой части была каютка, в которой могли поместиться и укрыться от непогоды 4 человека. Весь бот был покрыт палубой: средняя часть последней могла сниматься, что и делалось, например, при выборке яруса. Наибольшую особенность ботов представляли паруса: на двух невысоких мачтах укреплялись 2 косых паруса, а на носу кроме того был еще трехугольный кливер (рис. 50).

Помню один выход в море... Дул довольно сильный норд-ост. Все шняки оставались в Териберке, так как итти на веслах против ветра 20—30 верст было трудно.

Несколько ёл благодаря косому парусному вооружению шли в море. Погрузив ярус, мы подняли на одном из ботов паруса и вышли из Лодейной губы. Сделав красивый поворот, наше суденышко быстро понеслось вперед почти против ветра. Команда, уже привыкшая к

Рис. 30. Наш промысловый бот.

боту и оценившая все его положительные качества, с интересом следила за тем, как одна за другой отставали от нас ёлы. Получилось нечто вроде гонок.

— А передней нам не догнать!—говорил один из матросов, указывая на шедшую саженях в 50 от нас ёлу (рис. 51).

— Почему?—удивился я.

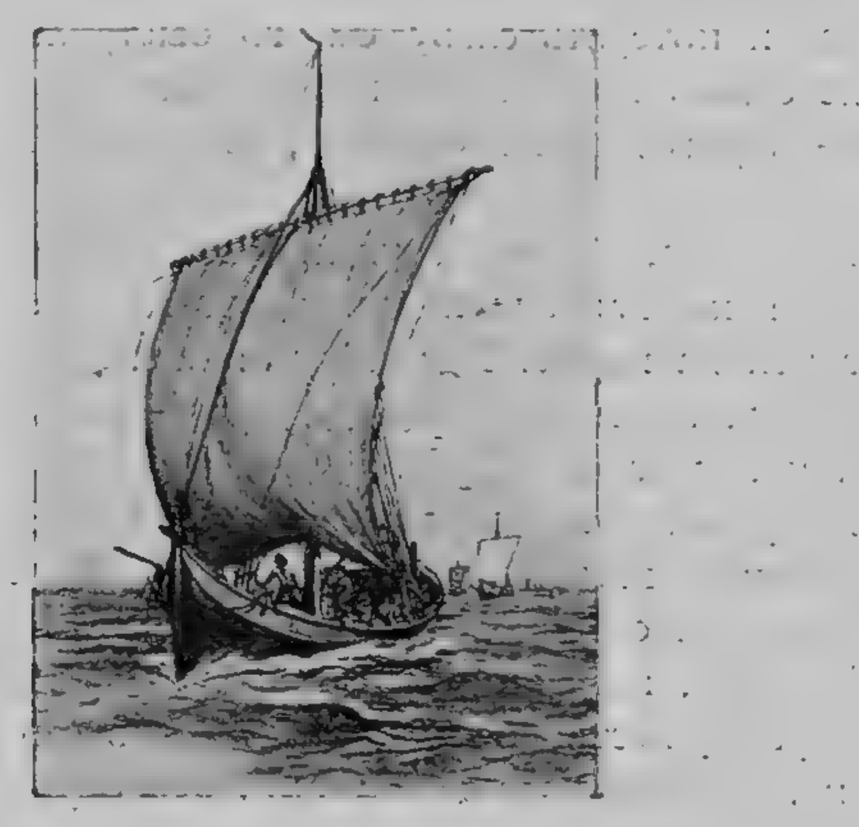

Рис. 51. Ела под парусом.

— Это самая быстроходная ёла во всей Териберке! Все они вышли вместе, а теперь смотрите, как она обогнала их!

Сидевший на руле кормщик Николай только ухмылялся. Он уже изучил свой бот и знал быстроту его хода. Расстояние между нами и ёлой начало сокращаться. Наши поморы глазам своим не верили. В них заговорило свойственное всем морякам желание не осрамиться, щегольнуть своим судном.

— Подтяни-ка шкоты, ребята!—скомандовал Николай.

Наш бот, немного накренившись на левый борт, еще быстрее понесся вперед. Только всплески волн у носа, да непрерывное журчание воды у руля, указывавшее, как быстро идет судно, нарушали напряженное молчание.

На ёле, которую мы несомненно догоняли, поняли наше намерение... То-и-дело с тревогой поглядывая на нас, начали подтягивать паруса. Они боялись оскандалиться и потерять славу самого быстроходного в Териберке судна. Наконец, мы поравнялись...

— Приготовь-ка «конец», Сенька! — шепнул Николай.

И Сенька, быстрый удалой мальчик лет 17, мигом слетал в каюту и, вытащив какую-то веревку, уже стоял с ней на корме. Когда ёла была сзади нас, он, ехидно улыбаясь, протянул к ней веревку,—не желаете ли, мол, итти у нас на буксире...

Напряженное молчание сменилось самым шумным выражением восторга. Сенька даже приплясывать начал, но Николай его скоро успокоил.

Поморы, конечно, видели и понимали, какое громадное преимущество бота заключается в его быстроходности и легком ходе под парусами. Мы гораздо скорее приходили к месту лова и скорее возвращались домой, при чем команда не переутомлялась, так как к веслам приходилось прибегать только при полном штиле. В непогоду мы тоже находились в лучших условиях, так как могли укрыться в каютке и от дождя и от холода; мы устроили в ней даже маленькую чугунную печку.

Часто уже на пути с промысла я измерял и исследовал пойманную рыбу. Если же погода была не совсем благоприятная, то делал это на берегу. В свободное время я лазил по скалам, наблюдая жизнь наземных животных и растений или, плавая в шлюпке по заливу, ловил сачком различных мелких животных. При этом я

часто забирался в небольшие бухточки и заливчики и, высадившись там, подолгу любовался расцветом северной природы.

Очень затрудняли меня разговоры с милейшей фру Ингебор. Сначала мы пытались разговаривать каждый на своем языке: я, улыбаясь, говорил ей по-русски или по-немецки, а она, с такой же улыбкой, говорила мне что-то по-норвежски... Но мы совершенно друг друга не понимали. Тогда я решил превратиться в глухонемого... Дело пошло гораздо лучше. Скоро я умудрялся отдавать таким способом довольно сложные распоряжения. Так, например, мне нужно было, чтобы меня разбудили ночью, когда придет почтовый пароход... Я звал фру Ингебор и, указывая ей пальцем на залив, гудел, подражая гудку парохода; затем указывал пальцем на нее, подходил к двери и стучал в нее кулаком... Фру Ингебор, улыбаясь, кивала мне много раз головой в знак того, что она поняла. И действительно, когда пришел пароход, она меня разбудила. . . . .

Иной раз происходили, правда, и недоразумения; в таких случаях я страшно жалел, что не прошел школы для глухонемых: они, наверное, думал я, объяснялись бы на моем месте великолепно! Был, напр., такой случай... Мне несколько надоела треска, которую каждый день регулярно я получал в том или ином виде на первое и на второе. Я решил полакомиться мясом... Когда я один раз обедал на «Поморе», меня там угостили мясными консервами; обыкновенную консервную банку опустили на несколько минут в кипяток, и, когда потом ее открыли, я получил очень вкусный дымящийся биток в соусе с картофелем, морковкой, луком и другими приправами. Я отыскал у себя банку с таким же битком и позвал фру Ингебор... Давая ей банку, я жестами показывал, что ее нужно опустить в кастрюлю с водой; чтобы она поняла, что вода должна быть очень горячей, я прика-

сался к кастрюле и делал вид, что обжегся. Фру Ингебор с недоумением смотрела на меня, очевидно, не понимая моей блестящей идеи. Я настойчиво повторил все с начала. Она о чем-то довольно долго говорила, но все же взяла банку и ушла. Я без аппетита съел немного тресковой ухи и уже приготовил нож, чтобы вскрыть банку. Вот появляется фру Ингебор с дымящейся кастрюлей... Но представьте мое удивление и разочарование, когда я в кастрюле увидел вместо банки какую-то бурду, в которой плавал мой биток со всеми аксессуарами. Оказывается, она вскрыла банку и все содержимое вывалила в горячую воду! Пришлось мне и в этот день довольствоваться треской с картофелем!

Так прожил я в Териберке около трех недель. Ни газет, ни писем не видел я за это время. Я целиком погрузился в интересы промысла и даже редко вспоминал, что где-то там кипит иная жизнь и существуют иные интересы. Удачный ярусный лов радовал меня, вероятно, не многим меньше, чем радовал он промышленников поморов. Вытягивая невод с командой ботов, я с нетерпением ожидал увидеть, достаточное ли количество наживки принес он. Вращаясь исключительно среди промышленников, я привык к их говору, и речь моя пестрела теперь массой терминов, обычных только на Мурмане. Даже наружность моя изменилась; лицо обветрилось и загорело, волосы отрасли, а руки покрылись мозолями и загрубели не хуже, чем у Сеньки или Андрея. Я научился грести и управлять парусами и уже не боялся промокнуть насквозь; я умел глушить крючки, наживлять ярус и т. д.

Однажды я собирался в море на одном из ботов. Почти все уже было готово... Вдруг совершенно неожиданно из-за скал, отделяющих Лодейную губу от Териберского залива, показался беленький и чистенький «Андрей Первозванный»... Я мигом прыгнул в карбас и, не

успели еще на «Андрее» отдать якорь, как я уже карабкался по спущенному мне шторм-трапу. С какой радостью пожимал я всем руки! Мне казалось, что я вернулся в родную семью после долгой, долгой разлуки. А Марк Николаевич уже протягивал мне целую пачку писем. Но я не стал их читать... Как в детстве лакомство, я прятал их до того момента, когда без помехи всем существом своим я мог проникнуться интересами своих далеких друзей.

— А вы знаете?—сказал Марк Николаевич,—я вам на смену!

Какой полной комфорта показалась мне жизнь на пароходе! Но мне все же немного жалко было расставаться с простотой моей териберской жизни: она дала мне много живых и сильных впечатлений и многому меня научила.

Я сообщил Николаю Михайловичу о своих работах. От него я узнал о работах парохода, о тех наблюдениях, которые удалось им сделать и т. д.

— Завтра в Териберку придет «Помор»,—сказал Николай Михайлович.— Вместо вас здесь останется Марк Николаевич, а вы пойдете на «Поморе» вдоль Мурмана с тем, чтобы производить опыты лова вдали от берегов, куда боты выходить не могут!

Николай Михайлович дал мне еще ряд указаний о работах «Помора», и после этого «Андрей Первозванный» ушел, а я начал посвящать Марка Николаевича в детали Териберской жизни и знакомить его с подробностями здешней работы.

ГЛАВА XIII.

На «Поморе».

Мы с Марком Николаевичем еще спали, когда раздался стук в двери нашей комнаты. Я схватываюсь, открываю крючек и вижу Григория Ивановича, капитана «Помора».

— Ой, как же долго вы спите! А я за вами, Константин Павлович. Николай Михайлович сказал, что вы пойдете теперь с нами на «Поморе».

— А разве сейчас выходить?—спрашиваю я.

— Нет, дай бог к ночи выбраться! Воды нужно взять, а потом ребята на песок поедут! нужно наживки добыть.

Мы живо одеваемся и вместе с Григорием Ивановичем садимся за чай.

Теперь — два слова о самом Григории Ивановиче и о «Поморе», которым он командовал.

Григорий Иванович П.—помор. Он окончил мореходные классы и уже с разведочной экспедиции был капитаном «Помора». Это—поразительно скромный, мягкий и очень симпатичный человек. В нем не было и следа той грубости, которая, к сожалению, так распространена среди моряков, и многими из них считается необходимой при обращении с командой. Григорий Иванович никогда не кричал и очень редко повышал голос при обращении с матросами. Всегда ровный и спокойный, он так же спокойно встречал и опасность. Как сейчас вижу его, с его мягкой застенчивой улыбкой, посасывающего коротенькую норвежскую трубку.

«Помор» — довольно большое судно, длиною около 10 саж. и в ширину около 3'. В носовой части — довольно большое помещение для команды и кухни, а в кормовой — несколько выступающая над палубой наша каюта. Вся средняя часть судна занята трюмом, в котором хранились снасти, соль для засола рыбы, пресная вода и т. д. На «Поморе» — 2 мачты, передняя — грот и задняя — бизань. Парусность — довольно большая: около 3 тысяч кв. футов. На передней мачте кроме большого грота поднимается еще сравнительно небольшой верхний парус — топсель; между гротом и бушпритом было несколько треугольных парусов—кливеров, и, наконец, на задней мачте—тоже большой четырехугольный парус (рис. 52).

Наша каюта представляла собою довольно большую комнатку, около 2 саж. по ширине судна и сажени $1^1/_2$ по длине его. В ней свободно можно было стоять, и, только подняв руку, можно было достать до потолка. Свет падал сверху. По бокам каюты были устроены койки, а средина была занята небольшим столом. В углу стояла чугунная печка. На одной из стен висели часы и барометр-анероид.

В этой каюте нас помещалось трое: Григорий Иванович, его помощник, штурман Виктор Евмениевич Д. и я. В свободных койках хранились наши вещи, некоторые припасы (чай, сахар, печенье и т. п.), а один из ящиков под койкой был занят приборами для исследований и мореходными картами и инструментами.

Дверь из каюты (почти всегда открытая) была обращена к корме, и сейчас же возле нее находился штурвал для руля и компас.

На «Поморе» было несколько больших шлюпок для ярусного лова и одна небольшая ёла для обычного пользования.

Вот мое новое обиталище!

К вечеру я распростился с Марком Николаевичем и переселился на «Помор». Вот поднимают паруса и катают якорь! Григорий Иванович с трубочкой во рту ходит по палубе, отдавая короткие, отрывочные распоряжения, а я стараюсь помочь то здесь, то там. Якорь поднят; легкий ветер надувает наши паруса, и мы плавно, бесшумно выходим из Лодейной губы.

— Куда пойдем? — спрашивает Григорий Иванович.

Я советуюсь с ним, и на карте мы намечаем точку милях [1]) в 25 к северу от о-ва Кильдина, лежащего у

---

[1]) Везде море расстояния измеряются морской или английской милей, равной приблизительно $1^3/_4$ версты.

Рис. 52. «Помор».

берега между Екатерининской гаванью и Териберкой. В этом именно месте, как говорил мне Николай Михайлович, находится сравнительно неглубокое место, — так называемая «Кильдинская банка»; на ней раньше было много промысловой рыбы, и в данный момент нужно было проследить, держится ли там еще рыба, или нет.

Григорий Иванович прокладывает на карте курс, обозначает место остановки и, не спеша, идет из каюты к штурвалу. Глядя на компас, он поворачивает руль и дает судну правильное направление. После этого матросу, стоящему у руля, остается только следить по компасу, чтобы судно не изменило своего направления. Время от времени Григорий Иванович или его помощник, проверяют, верно ли держится курс.

Удивительно приятно итти при умеренном ветре на большом парусном судне! Слегка накренившись, несется оно без всяких усилий; у вас не свистит в ушах ветер, потому что вы идете вместе с ветром; качки нет; запаха дыма, масла и мятого пара из машинного отделения не слышно; вы полной грудью вдыхаете чистый океанический воздух. Насколько на пароходе всегда чувствуется напряженность работы, настолько на паруснике господствует мирное настроение. Только рулевой, поворачивающий слегка штурвал в ту и другую сторону, кажется вам единственным человеком, принимающим активное участие в ходе судна. А под кормой однообразно журчит вода, и этот шум не раздражает, а придает еще больше спокойствия общему настроению. Легкая зыбь бороздит беспредельную поверхность океана, делая ее синей, синей, несмотря на бледно-голубую окраску северного неба.

Когда мы выходили из Териберской губы, с кормы был брошен лаг — приборчик для определения пройденного судном расстояния. Он состоит из небольшого (сантиметров 25) медного стержня с крылышками, расположенными так, как лопасти пароходного винта; от него

идет линь, который привязывается к небольшому счетчику, укрепленному на корме к борту. Вследствие хода судна вода напирает на крылышки лага и приводит его во вращательное движение; последнее по линю передается стрелкам счетчика. Чем быстрее идет судно, тем быстрее вращается лаг, и наоборот! На карте можно измерить, сколько нужно пройти миль до известной точки, а лаг показывает, сколько миль в действительности прошло судно.

— Пришли, Константин Павлович! — сказал Григорий Иванович. — Что будем делать?

— Что ж, давайте глубину измерять.

Для более точного измерения глубины на «Поморе» был особый счетчик, состоящий из колеса, соединенного с двумя циферблатами. Вращение колеса передавалось при помощи зубчатых колес стрелкам циферблатов, одна из которых показывала число метров от 1 до 10, а другая — десятки метров до 100; для определения сотен метров приходилось запоминать, сколько раз описывала полный круг стрелка второго циферблата.

Точное определение глубины для нас было особенно важно, так как с ней тесно связана жизнь большинства донных животных. Не менее важное значение имеет и грунт; познакомившись ближе с населением морского дна, мы по глубине и грунту почти всегда могли довольно точно предсказать, каких типичных животных мы встретим в данном пункте.

Когда я вышел на палубу, счетчик уже был подвешен. Тут же стояла небольшая ручная лебедка с намотанным на нее тоненьким (3 м.м. в диаметре) бронзовым линем, сплетенным из нескольких десятков бронзовых проволочек. Этот линь поместили в желобок колеса счетчика и к концу его привязали лот с храпами. Последний служил тяжестью для определения глубины и он же захватывал со дна моря грунт. Устроен он таким

образом: к концу железного стержня прикреплены на шарнирах две толстые массивные чашки (храпы), которые, плотно смыкаясь, образуют вместилище для грунта; на этом же стержне находится тяжелый металлический шар, который свободно двигается вверх и вниз; от храпов идут веревочки, которые соединяются с шаром и потом при помощи кольца надеваются на крючек, соединенный уже с линем. Если мы потянем за веревочки, то шар будет подниматься вверх по стержню и будет тянуть за собою храпы, которые при этом раскроются; если теперь кольцо надеть на крючек, то, при натянутом (вследствие тяжести лота) положении линя, оно будет держаться на крючке и храпы будут открыты. Когда лот упадет на дно, храпы с размаха врежутся в грунт; линь в это время ослабнет, шар потянет крючек, который вследствие слабого натяжения линя отвернется вниз, и кольцо с него соскочит. При подъеме храпы закроются и принесут внутри себя пробу грунта, вполне достаточную, чтобы судить о характере дна.

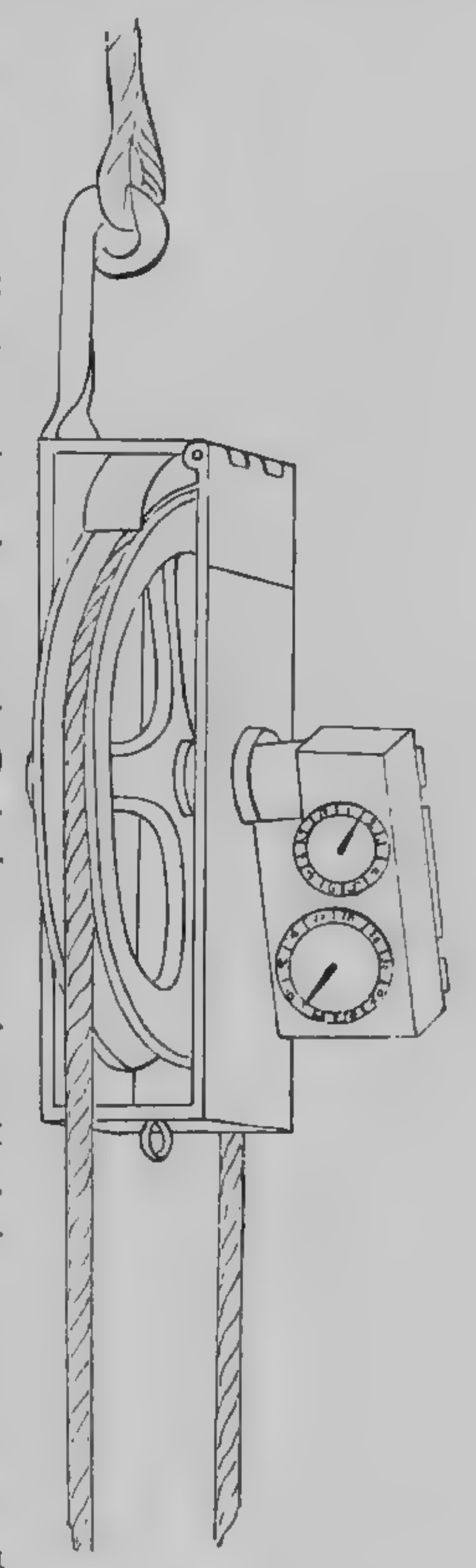

Рис. 53. Счетчик с пропущенным через его колесо линем.

Раскрыв храпы лота, мы спустили его до уровня воды и поставили стрелки счетчика на 0. Когда после этого вынули стопор лебедки, лот быстро начал падать в воду, разматывая своею тяжестью линь; последний, проходя

через счетчик, быстро вращал его колесо, а стрелки точно указывали нам, на какой глубине находится лот в любое время. Вдруг счетчик вздрогнул и линь сразу ослабел:

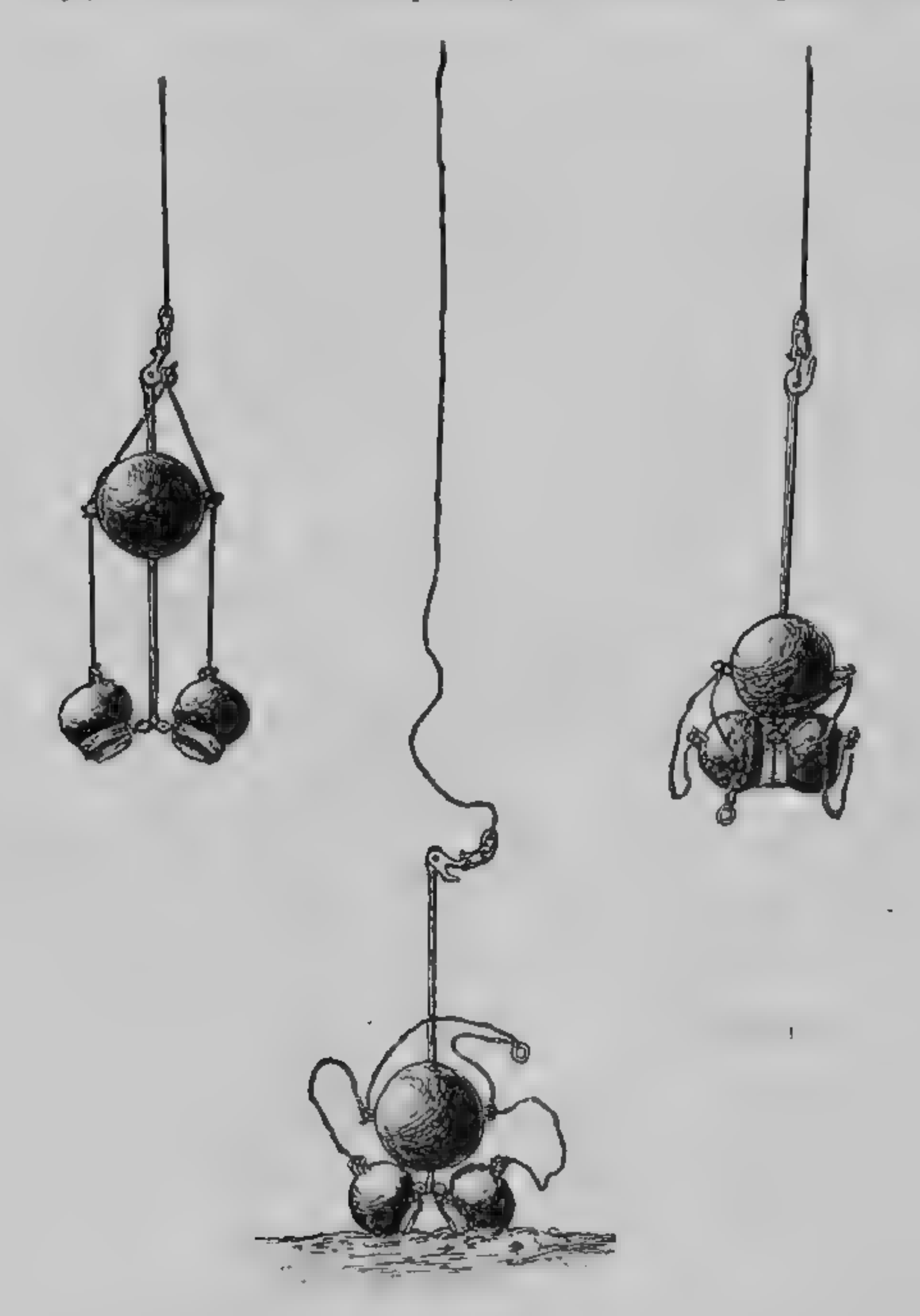

Рис. 54. Лот. Слева—при спуске, в средине—на дне, справа—при подъеме.

это лот достиг дна. В этот момент счетчик показывал 172 метра.

Глубину мы узнали. Начался подъем лота. Как быстро можно было его спустить и как медленно и тяжело было подымать! Сколько оборотов нужно было сделать валу небольшой лебедки, чтобы намотать на него 172

метра линя! Я схватил ручку лебедки и вместе с одним из матросов начал наматывать линь. Уже заболела спина, в висках начало стучать, и мне казалось, что мы намотали не меньше ста метров; но, взглянув на счетчик, я увидел, что мы подняли лот всего на 40 метров! Запыхавшись, я принужден был уступить свое место другому. Наконец, вот и лот. Подняв его из-за борта на палубу, я раскрываю храпы и нахожу в них комок плотного ила.

Теперь нам был известен и грунт.

«Помор», спустив паруса, стал на якорь.

Уже во время хода наживили ярус. Как только отдали якорь, сейчас же спустили большую шлюпку, и часть команды отправилась на лов. А я в это время приступил к определению температур на различных глубинах.

Как же определить температуру не на поверхности, а вот, напр., у дна в том месте, где мы стояли, т.-е. приблизительно на глубине 170 метров? Обыкновенный термометр для этого, конечно, не пригоден. Ведь на этой глубине давление воды достигает 17 атмосфер, так как слой воды в 10 метров давит с силой одной атмосферы! Если бы мы сделали термометр из очень толстого стекла, его при этом не раздавило бы, но все равно мы при его помощи не могли бы узнать температуру воды на такой глубине, так как при подъеме он попадет в слои воды с другой температурой, и его показания изменятся... Нужно было построить такой термометр, который не только выдерживал бы давление в несколько десятков атмосфер, но и не менял бы своих показаний, попадая в слои с более высокой или низкой температурой. И такой термометр был в моем распоряжении!

Конечно, устроен он несколько иначе, чем обыкновенный термометр. На рисунке изображена его трубка, но, как вы видите, в особом положении: резервуар с ртутью находится не внизу, а вверху. При выходе из резервуара в месте А трубка сильно суживается, а затем

образует небольшое расширение—В. Далее идет обыкновенная прямая трубка, но настолько большого диаметра, что ртуть в ней не держится, как в обыкновенном термометре, а при опрокидывании термометра переливается вниз. Если я термометр с такой трубкой в нормальном положении (т.-е. резервуаром вниз) помещу в среду с определенной температурой, то ртуть или расширится, или сожмется, и в трубке будет определенное количество ртути. Если теперь я опрокину термометр резервуаром вверх, то вся ртуть, вышедшая из резервуара и находящаяся в трубке, в суженном месте оторвется и упадет вниз. Вполне понятно, если я то же самое проделаю в среде с более высокой температурой, ртути в трубке окажется больше, а в среде с более низкой температурой—меньше. Это и дало возможность нанести деления для отсчитывания градусов особым образом, как показано на рисунке: 0° будет не у резервуара, а на противоположном конце трубки.

Такой глубоководный термометр опускается в воду в нормальном положении (т.-е. резервуаром вниз) и оставляется минут на 10. Когда ртуть сожмется или расширится соответственно температуре этого слоя воды, термометр опрокидывают резервуаром вверх и в таком виде поднимают из воды. Если при этом он попадет в слой воды с более высокой температурой, то из резервуара, конечно, выйдет еще немного ртути, но последняя не упадет в трубку, а останется в расширении В, так что показание термометра не изменится.

Чтобы сильное давление воды на значительных глубинах не раздавило термометр, описанную трубку помещают в стеклянный футляр с очень толстыми стенками. Последний в свою очередь заключается в металлический футляр, укрепленный подвижно в особой металлической раме, служащей для опрокидывания термометра.

На рис. 56 слева изображен глубоководный термо-

метр в том виде, в каком его спускают в воду на бронзовом лине. Затем по линю пускают гирьку; она нажимает на рычажок, удерживающий футляр с термометром в определенном положении, последний опрокидывается,

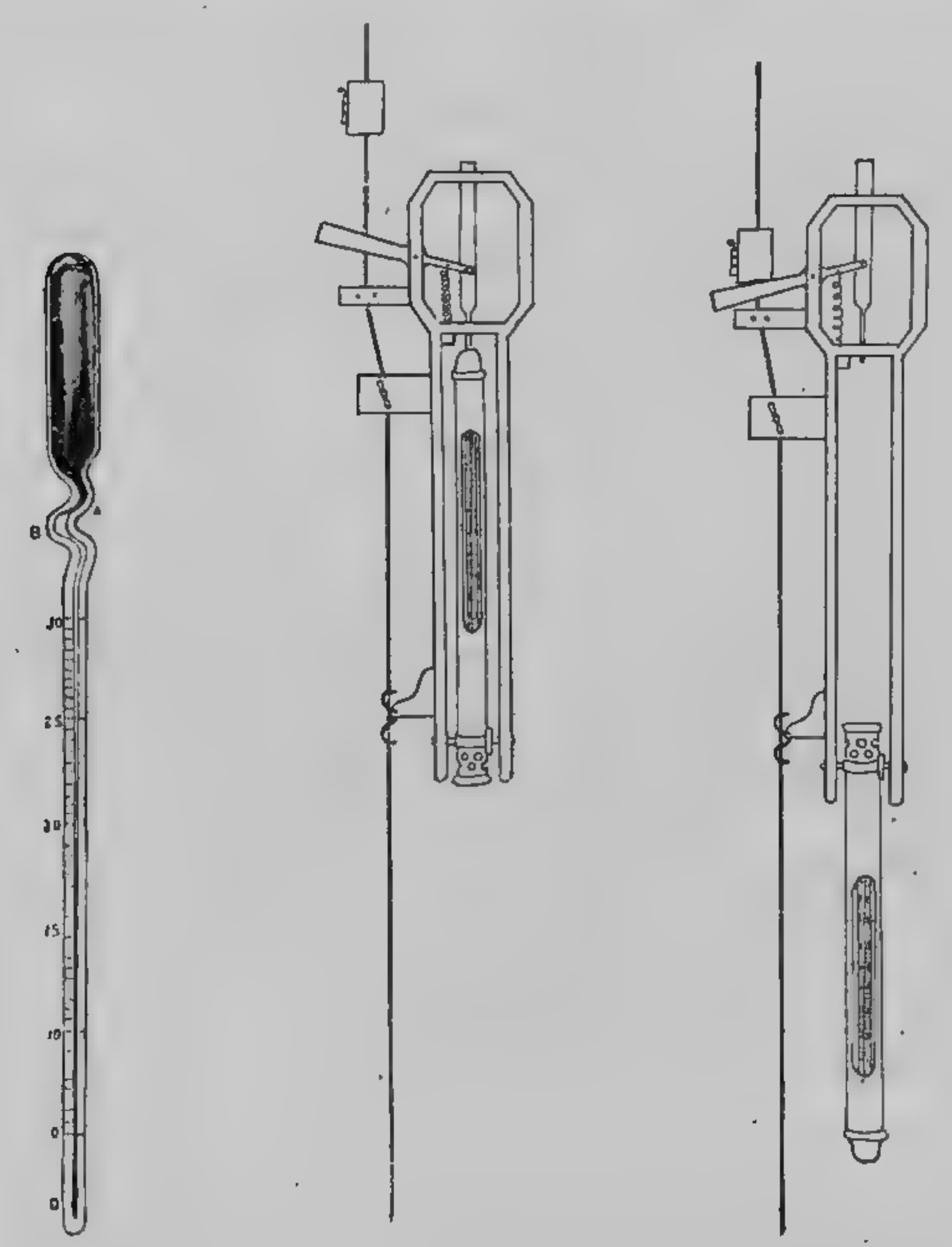

Рис. 55. Трубка глубоководного термометра. Рис. 56. Глубоководный термометр; слева—при спуске, справа—при подъеме.

и из воды термометр выходит в том виде, как изображен он на рис. 56, справа. Этот термометр называется глубоководным термометром Негретти-Замбра.

Прикрепив термометр к бронзовому линю немного выше лота, я спустил его на глубину 170 метров. Через

10 минут начали поднимать. Как и при добывании грунта, подъем шел очень долго. Когда, наконец, он показался из воды, я с интересом начал отсчитывать температуру. Оказалось, что у дна было довольно холодно: всего + 1,1° по Цельсию! Так вот при какой температуре живет все придонное население этой местности! И разве не поразительна человеческая изобретательность, позволившая мне заглянуть в самые недра океана? Стоя на палубе, я теперь твердо знал, что у дна температура всего на 1° выше нуля, что вся рыба, которую нам даст ярус, живет именно в среде с такой температурой.

Я определил температуру других слоев и получил следующую серию цифр:

Глуб. в метр.:	0 (т.-е. поверхн.)	10	25	50	100	150	170
Темпер. в град. Цельс.:	+ 8,2	+ 4,7	+ 2,1	+ 1,6	+ 1,4	+ 1,2	+ 1,1

Таким образом только самые верхние слои воды оказывались нагретыми солнцем. Уже на глубине 25 метров было всего 2 градуса! Несмотря на волнение, на прилив и отлив, поверхностное нагревание воды глубоко не проникало.

Долго продолжалась моя работа. Чтобы получить приведенную выше серию температур, понадобилось около 3 часов. Вскоре после этого 3 человека из команды отправились выбирать ярус. Улов был хороший: на 15 тюков добыли пудов 70 рыбы, преимущественно палтусов.

Я принялся измерять и вскрывать доставленную рыбу, а «Помор», выкатав якорь, отправился дальше миль на 20 к северу, чтобы выяснить, как далеко тянется к северу та стая рыбы, среди которой шел промысел.

За работой незаметно прошло время до остановки. Мы были приблизительно в 45 милях на север от о-ва Кильдина. Как показал ярус, и здесь была рыба, но уже в несколько меньшем количестве. Таким образом миль на 40—50, т.-е. на 80—90 верст в ширину простиралась

КАРТА
МУРМАНСКАГО БЕРЕГА
Отъ Норвежской границы до полуострова Святой носъ
ОКЕАНЪ
Кола
Рында
Харловка

подошедшая к берегам стая промысловых рыб, преимущественно трески, пикши и палтусов!

Наживка кончилась, и волей-неволей пришлось прекратить на время дальнейшие опыты ярусного лова.

— Что же теперь будем делать? — обратился я к Григорию Ивановичу.

— Придется итти за наживкой! — отвечал он. — Идемте, Константин Павлович, в Гаврилово. Ведь нам потом все равно придется на восток пробираться.

— Ну, ладно! Идемте в Гаврилово! — согласился я.

Я не спал уже часов 30; поэтому, как только начали катать якорь, я забрался в свою койку и моментально заснул тем здоровым сном. каким спит в море после хорошей работы.

ГЛАВА XIV.

До Гаврилова.

Бодрым и свежим проснулся я после шестичасового сна.

Григорий Иванович со штурманом пили чай.

— Ну, что? как дела? — спросил я.

— Штилеем, Константин Павлович!

Я вышел на палубу. Паруса бессильно висели. Медленно, медленно, едва заметной и совершенно гладкой на поверхности волной перекатывалась беспредельная поверхность океана, ярко освещенная солнцем. На юге, милях в 15 виднелись бурые подернутые зеленью берега Мурмана. Кое-где в бинокль можно было различить лежавшие на ярусах шняки промышленников. Воздух был так чист и дышалось так легко, что не хотелось итти в каюту, казавшуюся теперь и тесной и мрачной.

Сидя за чаем, мы думали, что нам делать. Чтобы не терять даром времени, решили стать здесь на якорь и

произвести ряд работ в надежде, что к концу их задует ветер, и мы двинемся дальше.

— Жалко, что наживки нет, — сказал я, — а то хорошо было бы ярус выметать!

— Мы попробуем ловить на поддев, — заметил Григорий Иванович.

Я слышал об этом удивительном способе лова, но никогда его не видел. Поэтому я с большим интересом следил за всеми приготовлениями к нему, после того как «Помор» стал на якорь.

Штурман достал несколько поддевных уд и роздал матросам. Простота этой снасти меня поразила. Представьте себе 2 больших крючка такой же формы, как обыкновенные крючки для удочек, но значительно больше их, вершка три в высоту; оба эти крючка спаяны друг с другом своими длинными сторонами так, что их острия торчат в прямо противоположные стороны. Этот двойной крючек привязан к длинной бечевке такой толщины, как форшни; на некотором расстоянии от крючка прикреплено грузило, а между последним и крючком привязано несколько блестящих жестяных пластинок, по форме и величине напоминающих небольших рыбок.

— А чем же будете наживлять эти крючки? — спросил я.

— Да ничем! — отвечали мне. — На поддев ловят без наживки!

— Неужели найдется такая дура рыба, которая полезет на голый, ничем не наживленный крючек? — удивился я.

— А вот увидите!

И я, действительно, увидел.

Григорий Иванович взял у одного матроса поддев и спустил его до дна; потом подобрав немного, начал делать правой рукой большие взмахи: быстро поднимая бечевку вверх, он затем медленно спускал ее до прежней глубины. Не прошло и пяти минут, как с торжествую-

щей улыбкой он начал быстро выбирать из воды бечевку, следя за тем, чтобы она не спутывалась, а ложилась на палубе правильными кольцами. Я с нетерпением гля-

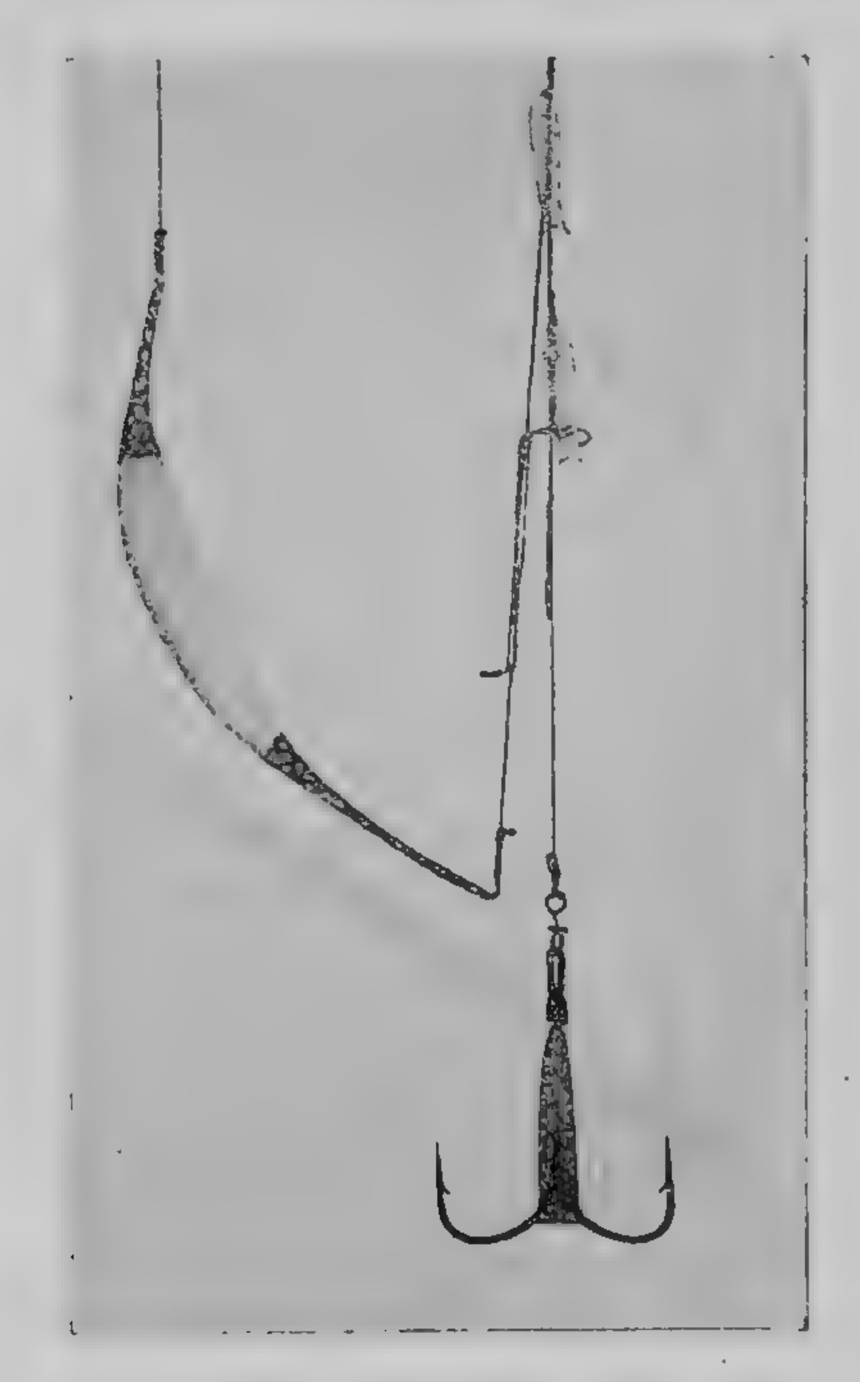

Рис. 57. Снасть для лова на поддев. Внизу — крючки; вверх по лесе — металлические рыбки для приманки; слева—грузило.

дел за борт, все еще сомневаясь в успехе его лова. Но вот заблестела чешуя, и скоро на палубе у моих ног лежала большая треска около метра длиною. Она была поддета (откуда и название снасти) крючком за живот.

Какая же масса рыбы должна быть у дна, чтобы ее можно было ловить таким способом! Очевидно, привлеченная блеском жестяных пластинок, она такой кучей держится около крючка, что при быстром подъеме вверх последний зацепляет ту или иную из них за что попало: за живот, за голову и т. д.

Скоро Григорий Иванович вытащил другую треску. Матросы тоже то-и-дело вытаскивали то треску, то пикшу. Я взял у Григория Ивановича поддев... После нескольких взмахов я почувствовал, как тяжесть снасти сразу увеличилась, и, когда я вытащил крючек, на нем висела пикша.

— Почему же промышленники не употребляют поддева?—спросил я.

— Они пользуются им,—отвечал Григорий Иванович,—но поморы не любят этого лова. Колонисты шведы, норвежцы и финляндцы применяют его очень часто, особенно кто победнее, у кого нет средств обзавестись шнякой или елой и дорого стоющим ярусом. Они выходят на промысел в карбасе с несколькими поддевами и часто возвращаются с полным грузом.

— Отчего же поморы не любят поддева?

— Да потому, что лов этот гораздо труднее ярусного. Ведь тут все время работать нужно, и через 5—6 часов рука от постоянных взмахов страшно устает. А кроме того после поимки каждой рыбы приходится вытягивать сколько саженей лески. Вот теперь у нас глубина 168 метров, следовательно, каждый раз приходится выбирать 160 с лишним метров веревки. Это тоже нелегко.

— А скажите, Григорий Иванович, —спрашивал я, — на каком расстоянии от дна должен быть крючек поддева?

— Как когда! Иной раз рыба держится у самого дна, а иной раз и выше. Приходится пробовать,—то спускать

поглубже, то несколько поднимать. Бывают поэтому случаи, когда на ярус рыба идет очень плохо, а на подлев ловится очень хорошо.

Лов продолжался, и очень удачно.

Я попросил Григория Ивановича спустить шлюпку, чтобы произвести лов драгой. Это самое простое орудие для лова донных животных, без которого не обходится ни один зоолог.

Взяли его зоологи у промышленников, занимающихся ловом устриц, и, несколько изменив, приспособили для своих целей. На каменистом грунте драга незаменима.

Она состоит из довольно тяжелой железной рамы, вытянутой в виде прямоугольника; к длинным сторонам рамы неподвижно прикреплены два ножа, расходящиеся под известным углом от устья драги; к коротким сторонам подвижно прикреплены две ручки. К раме привязывается мешок из очень плотной и прочной сетки. Чтобы он не разорвался о камни, покрывающие дно, его часто покрывают сверху, как футляром, еще другим мешком из крепкой, грубой парусины. Драгу прикрепляют к длинному стальному тросу, бросают в море и волочат по дну. Может случиться, что драга зацепится своими ножами за камень, скалу и т. д.; в таких случаях легко можно было бы погнуть ножи и даже сломать раму... Чтобы избежать этого к тросу прикрепляют только одну ручку

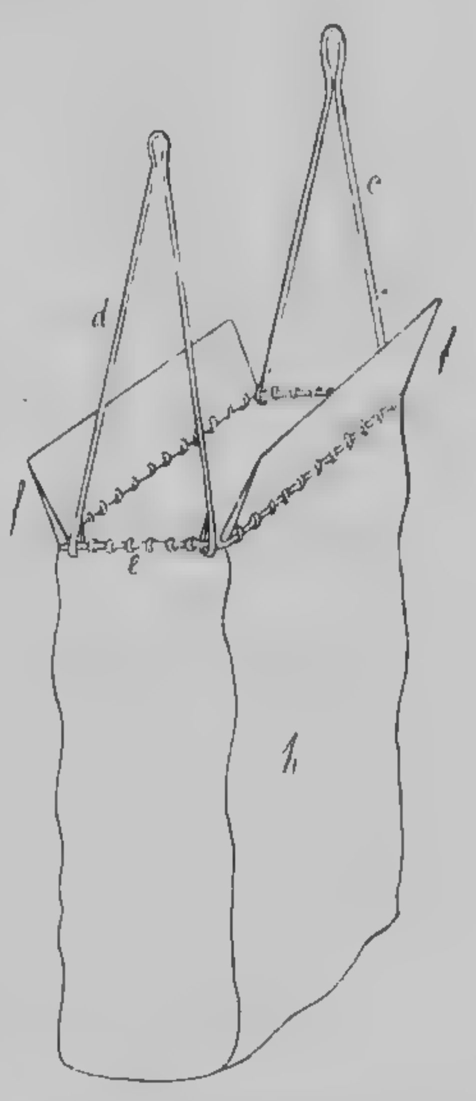

Рис. 58. Драга. *l* — рама; *f* — ножи; *c* и *d* — две ручки; *h* — мешок, скрывающий под собой сетку.

драги, другую же привязывают к ней тоненькой, но прочной бечевкой. Если теперь драга и зацепится, то при вытягивании скорее разорвется бечевка, чем согнется или сломается рама.

Снаряженную драгу взяли на шлюпку и отвезли довольно далеко от «Помора», на столько, сколько у нас было троса, который в это время свободно сматывался с катушки лебедки. Когда брошенная со шлюпки драга затонула, трос начали наворачивать на лебедку... Работа медленная и тяжелая. Через час в моем распоряжении был полный мешок собранного с морского дна ила. Чтобы раздобыть находившихся в нем животных, пришлось их отмывать в воде.

Рис. 59. Пикногон.

Забравшись в спущенную на воду шлюпку, я брал из драги ком ила, клал его в обыкновенное решето с довольно частой металлической сеткой и встряхивал его в воде. Ил и песок размывались водою и уходили сквозь сетку решета, а на ней оставались пойманные животные. Больше всего было мелких моллюсков и червей. Многие из последних жили в трубках, склеенных из песчинок и крупинок ила. Попалось довольно много пикногонов или, как их называют, морских пауков. Это—удивительно нелепого вида животное: туловища почти не заметно, и кажется, что все оно состоит из одних ног!

Среди прочих животных находилось несколько довольно крупных раков-отшельников. Я их посадил в банку с морской водой, и все мы потом долго наблюдали за ними. Рак-отшельник очень похож по виду на нашего обыкновенного речного рака. Отшельником же его называют потому, что он свое брюшко прячет в пустую завитую

Рис. 60. Раки-отшельники. На переднем плане рак перебирается из одной раковины в другую; видно его мягкое брюшко.

раковину моллюска, так как оно у него не покрыто твердым известковым панцырем. В случае опасности он почти весь может уйти в раковину, как в домик, и из отверстия ее торчат только усы, глаза да клешни. В таком положении рак-отшельник чувствует себя в полной безопасности! И действительно, только разве крупная рыба может причинить ему вред, проглотив его вместе с его жилищем! Пойманные в драгу отшельники оказались большими драчунами. Матросы хохотали до упада, глядя, как они, вцепившись друг в друга клешнями, возились в моем небольшом аквариуме.

Всех пойманных животных я рассортировал (моллюсков к моллюскам, червей к червям и т. д.) и разложил в банки со спиртом крепостью в 70°. В каждую банку я опустил этикетку с указанием, когда, где и при каких условиях (глубина, грунт, орудие) были пойманы эти животные.

В драге не оказалось ни рыб, ни других быстро плавающих животных. Это вполне понятно: все они легко уходят от такого небольшого и так медленно двигающегося орудия.

После драги снарядили пелагическую сетку. Так она называется потому, что служит для лова пелагических животных, т. е. таких, которые плавают на различных глубинах, начиная от поверхности вплоть до дна.

Пелагическая сетка, бывшая на «Поморе», состояла из металлического обруча в 1 метр в диаметре; к обручу был прикреплен длинный (около $2^1/_2$ метров) мешок конической формы из особой шерстяной, напоминающей канву материи. Узкий конец мешка оканчивался металлическим цилиндром, дно которого было затянуто шелковой материей, похожей на канву или на сито.

Привязав идущие от обруча сетки веревки к тросу, ее спустили почти до самого дна и затем подняли. Медленно поднимаясь, ткань сетки процеживала воду, задер-

живая всех животных, которые не успевали от нее уйти. Когда сетку подняли, и я отвинтил шелковую ткань, затягивавшую дно стакана, на ней находилась серовато-бурая слизистая масса. Трудно было в ней что-нибудь различить. Всю это массу я бросил в банку с водой, и последняя закипела жизнью. Тысячи особых маленьких рачков быстрыми, короткими прыжками двигались по различным направлениям; совершенно прозрачные пелагические черви—сагитты, плавали, слегка извиваясь своим телом, мальки каких-то рыб, величиною не больше сантиметра, с черными, сразу заметными глазами и с прозрачным, почти как стекло, телом едва шевелили своими крохотными хвостиками; небольшие медузы, в виде колоколов, блюдечек и шариков, часто отливающие удивительно нежными тонами, бессильно висели в воде. Все это было так нежно, что при сортировке приходилось быть очень осторожным. Медуз я отобрал и положил в формалин, так как в спирте они совсем не сохраняются; в формалине же пришлось сохранять и мальков рыб; все остальное, отфильтровав воду, я опустил в спирт. Жалко было смотреть, как в этих жидкостях пропадали и поразительно нежные краски, и удивительная прозрачность этих животных. Только увидев их в живом виде, можно было понять, почему так восторгаются их красотой!

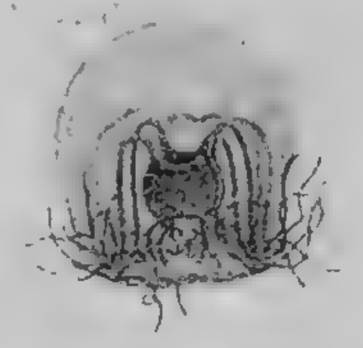

Рис. 61. Небольшая медузка.

Пелагические животные вообще носят название планктона. Конечно, та сетка, которой производился лов в описываемом мною случае, могла дать только сравнительно крупных планктонных животных, так как микроскопические организмы вместе с водою проходили через ткань сетки.

Уже несколько раз подходил ко мне Григорий Иванович с напоминанием, что пора есть. Команда давно уже пообедала. Наконец, планктон разобран, разложен по бан-

кам и снабжен этикетками. Можно было приниматься за обед.

На «Поморе» треска тоже составляла необходимую принадлежность нашего стола, но так как наш поваренок, или—как его здесь называли—кок, был русский, то мы могли разнообразить наше меню консервами. Когда я рассказал Григорию Ивановичу и его помощнику, как угостила меня битками фру Ингебор, хохоту не было конца.

После обеда я принялся за пойманную на поддев рыбу. Ее было много, но работа пошла очень быстро, так как и Григорий Иванович и штурман мне усердно помогали. Когда после измерения и вскрытия рыбы начали ее чистить, около «Помора» собралась стая чаек, с жадностью набрасывавшихся на каждый выбрасываемый за борт кусок. Какие отчаянные драки разыгрывались при этом между ними! Вся команда высыпала на палубу и с детским любопытством следила, как какая-нибудь более бойкая чайка, буквально из-под носа, утаскивала у своей товарки лакомый кусок. Трудно было удержаться от смеха при виде того недоумения, которое выражалось во всей позе такой птицы!

Ветра все не было! Солнце склонялось к горизонту, а мы все еще стояли на том же месте. Так как работы были кончены, и Григорий Иванович надеялся, что к вечеру задует ветерок, то якорь выкатали и подняли паруса. Но они, как тряпки, висели на рангоуте.

Но что это? Вдали на горизонте я ясно видел силуэты судов и какие-то неопределенные очертания низкого берега... Мираж! Никогда не думал я, что буду наблюдать это удивительное явление в Ледовитом океане! Я учил когда-то в географии о мираже, как явлении, свойственном пустыням тропических стран, и вдруг теперь вижу его в Северном Ледовитом океане! Я бросился к Григорию Ивановичу, думая, что и он разделит мое удивление, но жестоко ошибся.

— В тихую погоду, — заметил он, — это часто здесь бывает.

Как хорош, как дивно хорош был этот вечер в океане, далеко за полярным кругом!

— Вы играете в шахматы, Константин Павлович?— обратился ко мне Григорий Иванович со своей несколько застенчивой улыбкой.

— Играю, но плохо!

— Я тоже плохо. Не хотите ли сыграть партию?

— Давайте! — согласился я. — Но только не в каюте.

Мы расположились на крыше нашей каюты. Я играл плохо, но Григорий Иванович, недавно только научившийся, оказался совсем слабым игроком. Я выигрывал партию за партией. Григорий Иванович, посасывая свою трубочку, снова и снова расставлял фигуры, и мы с ним сыграли партий 6. Но зато нельзя передать того восторга, с которым он сделал мне шах и мат!

Уже солнце совсем склонилось к горизонту, когда потянул слабый норд-вест. Паруса начали надуваться, и «Помор» двинулся к берегу.

Хотя меня и интересовал вход в Гаврилово, но усталость оказалась сильнее... Я пошел в каюту и с наслаждением растянулся на своей койке.

ГЛАВА XV.

В Гаврилове.

— Константин Павлович, чай пить! — разбудил меня Григорий Иванович.

— А где мы, Григорий Иванович?—спросил я, сладко потягиваясь после крепкого, здорового сна.

— Уже давно в Гаврилове стоим!

Я раздвинул занавески койки. На столе уже стоял чайник с кипятком, хлеб, масло, печенье. Григорий Ива-

нович сидел на стуле против входа в каюту, а штурман подстригал ему волосы.

— Да у вас тут настоящая парикмахерская.

— Если хотите, и вас постригу!—предложил штурман.

Мне это было необходимо. Скоро я сменил Григория Ивановича, положившись вполне на вкус и искусство нашего парикмахера. Я чувствовал только, что ножницы у него были тупые... Временами мне казалось, что меня не стригут, а просто выдергивают из головы целые пучки волос. Напрягая всю свою волю, я старался сидеть смирно, хотя слезы невольно выступали на глазах. Когда я не удерживался и вскакивал, штурман начинал ругать ножницы, дул на них и щелкал ими, полагая, вероятно, что после этого они сделаются острее. Наконец пытка окончилась. Штурман оглядывал меня со всех сторон торжествующим взглядом, вполне довольный результатами своего искусства. Я посмотрел в зеркало... Голова моя несомненно приобрела крайне неправильную форму: на левой стороне повыше уха была какая-то странная впадина, между тем как соответствующее место на правой стороне вздымалось бугром, возле самого уха волосы как будто вылезли и т. д. «Ничего, сойдет!» подумал я, не решаясь подвергнуть себя вторично воздействию штурманских рук.

— Что это у нас так тихо!—спросил я Григория Ивановича, удивленный тем, что почти никого из команды не видно на палубе.

— На берег уехали. Сегодня ведь воскресенье! Я тоже собираюсь отправиться в становище; не хотите ли и вы посмотреть Гаврилово?

— С большим удовольствием. Я только что хотел просить вас об этом.

Мы сговорились сейчас же после завтрака ехать в становище, а после обеда—на птичьи горы или «базары», как их здесь называют (рис. 62).

Рис. 62. Птичий базар на Мурмане.

Высадившись на берег, мы прошли через становище. Представившаяся моим глазам картина не поразила меня новизной и оригинальностью; в общем все то же, что и в Териберке. Выйдя за пределы поселка, мы начали карабкаться на скалы и скоро очутились на довольно ровном плато. Снегу уже почти не было; только во впадинах и на склонах, обращенных к северу, лежали посеревшие сверху, но все еще довольно мощные пласты его.

Навстречу нам, очевидно в Гаврилово, шли 2 человека — мужчина и женщина. Их лица сразу остановили на себе мое внимание, так отличались они от обычного на Мурмане типа поморов. Я сразу догадался, что это лопари, и тут только вспомнил, что с самого прибытия на север я живу в Лапландии!

— Почему это, Григорий Иванович, так редко встречаются здесь лопари? — спросил я моего спутника.

— А что им здесь делать? Промыслом морским они не занимаются, да и для их оленей здесь корму мало... Вот если пройти в глубь страны, там их можно встретить довольно часто; около устьев рек тоже попадаются лопари; они там промышляют семгу.

— А что это за народ?

— Народ тихий, скромный. Водку только очень любят. Вот и эти, которых мы встретили, тоже, вероятно, за водкой в Гаврилово пошли!

Странный народ! Оттесненные к самому океану, эти люди так и не сделались мореходами. Долго жили они здесь в полудиком состоянии, кочуя в тундре со своими оленями, дававшими им все необходимое для жизни: и платье, и кров, и пищу. Но вот начала и сюда проникать европейская культура и цивилизация... Как большинство полудиких народов, лопари не умеют приспособиться к изменяющимся условиям существования и, усваивая только худшие, отрицательные стороны культуры, остаются прежними полудикарями. Конечно, их

Рис. 63. Часть птичьего базара· видны чайки.

ожидает судьба всех подобных народов — вымирание. Уже теперь можно проехать на пароходе вдоль всего побережья Лапландии, не встретив ни одного коренного ее обитателя. Недалеко, вероятно, время, когда и в глубине Кольского полуострова лопари будут встречаться так же редко, как и на его побережье.

После обеда, захватив ружья, мы поехали в шлюпке к птичьим горам. У входа в Гавриловскую губу находится несколько небольших островков, берега которых отвесной стеной спускаются в море. Уже издали бросался в глаза цвет этих скал: от массы сидящих на них птиц

Рис. 64. Кайры.

и от покрывающего их птичьего помета они были серыми, а не темно-бурыми, как другие скалы Мурмана. По мере приближения все слышнее и слышнее становился ноющий крик множества чаек. Вот мы и у острова (рис. 63). На уступах отвесной скалы рядами и в одиночку сидели кайры, выставив вперед свои белые грудки. Наше приближение потревожило их очень мало, и они, поворачивая свои головки с длинными острыми клювами, как будто с удивлением посматривали на приближающуюся к ним шлюпку. Нам удалось подойти к скале очень близко, но только отдельные птицы, испуганные нашим приближением, снимались с гнезд и улетали (рис. 64).

Объехав скалу, мы начали подходить к другому базару, усеянному чайками. Как только последние заметили приближающуюся шлюпку, сейчас же громадной стаей поднялись и стали кружиться над нами, положительно оглушая нас своим криком. Когда мы подошли ближе, Григорий Иванович выстрелил в воздух, и это еще больше всполошило чаек: они заметались во все стороны, а крик их еще больше усилился. Сколько их здесь! Труд-

Рис. 65. Чайки.

но назвать число, которым можно было бы обозначить их количество! Над нами неслась положительно туча птиц, а масса их еще оставалась на скалах!

Объехав острова, мы с Григорием Ивановичем высадились на берег с тем, чтобы пройти несколько верст в глубь полуострова.

Взобравшись на высокую прибрежную скалу, я улегся на нагретом солнцем камне и начал следить за птицами. Шлюпка ушла, и чайки успокоились. Уже не слышно

было того оглушающего крика, которым встретили они нас при нашем приближении, но не было и тишины. Над водою все время носились чайки и кайры, выглядывая добычу. Вот, красиво планируя своими крыльями, крупная чайка бросается в воду и скоро поднимается вверх с рыбой в клюве. Какое оживление царило кругом! Океан, привлекающий своим богатством человека, тем же самым привлекает и птиц. Как много общего между становищем и птичьим базаром! Там люди, в массе со-

Рис. 66. Поморник.

бравшиеся сюда, на побережье океана, для лова рыбы, здесь птицы тоже в громадных массах и ради той же рыбы! Какую массу богатств таят в себе эти беспредельные водные пространства!

Глядя на отвесные скалы птичьих островов, я понимал и оценивал все преимущества их для птичьего поселка. Кто, кроме человека, нарушит их покой?! Ни один четвероногий хищник не проникнет к их гнездам, а пернатые хищники, по рассказам, боятся приближаться к базарам, так как в массе чайки легко дают отпор даже таким птицам, как орлы (рис. 65).

— Смотрите, Константин Павлович! Поморник ле-

тит!—сказал Григорий Иванович, указывая на довольно крупную птицу.

Я стал следить за плавно летевшей, серой птицей. Вот он быстро помчался к чайке, только что выхватившей из воды довольно крупную рыбу. Заметалась бедная чайка, увидев своего врага, и выпустила добычу, а поморник, подхватив рыбу, спокойно полетел дальше. Такая разбойничья повадка поморника сделала то, что он пользуется всеобщей антипатией на Мурмане Григорию Ивановичу тоже, вероятно, захотелось вступиться за обиженную чайку. Схватив ружье, он начал следить за поморником... Вот он сел на камни, собираясь полакомиться ограбленной добычей; Григорий Иванович пополз со скалы и скоро возвратился с убитым поморником. Вечером на «Поморе» я снял для коллекции кожу с этой птицы (рис. 66).

Мы пошли. Скалы почти сплошь были покрыты лишаями и мхом; очень часто встречался ягель, которым питаются зимою олени. Разгребая снег ногами, они сами добывают его, так что лопарям не приходится запасать корм для своих стад. Это обстоятельство делает оленя незаменимым на севере.

Кругом была масса цветущих растений. У иных из них листьев почти не было видно, так сильно были развиты цветы. И какой чудный тонкий аромат испускали они! Во всем этом нельзя было не подметить приспособления к жизни на крайнем севере: насекомых, опыляющих цветы, было так мало, что для привлечения их необходимо было чрезвычайное развитие приспособлений, делающих цветы более заметными.

Здесь, как и на всем остальном Мурмане, деревьев по берегам не было. Когда мы отошли несколько верст от берега, начала местами попадаться низкорослая корявая береза, не выше роста человека. Эти карлики, совершенно непохожие на нашу красавицу-березу, все же

оживляли мрачный, однообразный ландшафт. Встретили мы также несколько небольших, скорее кустов, чем деревьев, рябины (рис. 67).

По мере удаления от берега все тише и тише становилось кругом. Скоро перестал доноситься к нам шум прибоя, а затем прекратился и крик чаек. Мы все больше и больше углублялить в пустыню, лишенную звуков. Даже ветер в этот день не нарушал господствовавшей тишины. Не только на меня, но даже и на Григория Ивановича, родившегося и выросшего здесь, на севере, окружавшая нас тишина действовала неприятно. Мы пробовали кричать, но крики наши замирали тут же, возле нас. Жутко становилось при одной мысли о постоянной жизни среди такого безмолвия! И мы скорее повернули назад к океану, который сосредоточил в себе и около себя жизнь этой страны. Как обрадовались мы, когда над нами заплакала случайно залетевшая сюда чайка. Вот и берег! И снова пред нами жизнь бьет ключем.

— На «Поморе-е-е»!!—закричал Григорий Иванович и затем свистнул. Нас заметили, и скоро к нам направилась шлюпка.

ГЛАВА XVI.

Акулы.

Я не буду описывать дальнейшего плавания «Помора». Скажу только, что мне это плавание позволило познакомиться не только с морем и его обитателями, но дало возможность осмотреть также и побережье восточного Мурмана, а оно значительно отличается от Мурмана западного.

Западная часть Мурмана, прилегающая к северной Норвегии, во многом напоминает последнюю: все еще до-

Рис. 67. Карликовые березы на Мурмане.

вольно высокие, скалистые берега также круто спускаются к морю, а глубокие заливы с массой губ и небольших островов вполне отвечают фиордам. Мотовский и Кольский заливы, с которыми мне пришлось познакомиться на пути «Андрея Первозванного» в Екатерининскую гавань и при первых его плаваниях, на норвежских картах так и называются—фиордами.

Чем дальше на восток, тем ниже скалы и тем менее изрезан берег. Только изредка попадаются небольшие острова; небольшие открытые на север губы при устьях рек слишком ничтожны, чтобы дать картину, хотя бы несколько напоминающую норвежские фиорды.

Производя опыты ярусного лова вдали от берегов, «Помор» подвигался к востоку, заходя время от времени в становища, чтобы запастись наживкой. С этой именно целью пришли мы в становище Восточную Лицу. Когда шлюпка отправилась за наживкой, мы с Григорием Ивановичем тоже съехали на берег.

— Каково промышляете?—спросил Григорий Иванович пожилого помора.

— Плохо промышляем,—отвечал тот с унылым видом.

— Что так? Рыбы ведь везде много... Или, быть может, наживки нет?

— И рыба есть, и наживки достаточно, а ловить нельзя: акула мешает! Как полежит ярус больше 2—3 часов, так хоть и не выбирай: всю рыбу акула объела! Так и ловим: выскочим в море, выметаем ярус, да через 2 часа и выбираем. Какой это промысел? Только снасть портим! Добро бы только рыбу съедала, а то ведь весь ярус спутает и порвет, подлая!

— Отчего же вы не начнете акулу промышлять?—спросил Григорий Иванович.

— Пожалуй, придется!—отвечал помор. - Вот, рассказывают, в Корабельной пахте колонист один выехал

на промысел и ярус выметал... Вылежали, значит, как следует, на ярусе и стали выбирать... Выбирают, а вместо трески—акула, да акула! Ну, видит он, что снасть все равно попорчена, посвязывал, наживил, да и снова выметал... Так в «две зари», говорят, 70 акул поймал! 150 пудов воюксы (т.-е. печени) скупщику продал.

Наживки (песчанки) наловили порядочно, тюков на 25.

— Что ж, Константин Павлович, попробуем и мы акул ловить?—спросил Григорий Иванович, когда мы возвращались в шлюпке на «Помор».

— Конечно!—отвечал я.—Да и ярус, я думаю, также нужно будет выметать, чтобы посмотреть, какая рыба здесь держится.

Отойдя от берега миль на 15, «Помор» стал на якорь. К этому времени уже наживили 10 тюков яруса и, несмотря на довольно свежий ветер и порядочное волнение, выметали его несколько в стороне от судна. Глубина была 148 метров. Пока я определял температуры на различных глубинах, начали готовиться к лову акул.

В мешок из грубой, но неплотной ткани положили «граксы», которая представляет собою не что иное, как остатки, получающиеся при вытапливании тюленьего жира. Гракса эта провонялась настолько, что я не знал, куда деваться от исходившего от нее запаха. Привязав к мешку камень, его спустили на дно.

— Для чего это?—спросил я.

— Это приманка! Акулы любят этот запах и, вероятно, уже собираются, надеясь полакомиться,—отвечал штурман, проявлявший большую деятельность.

— Ну, и вкусы же у этих чудовищ!—подумал я.—Вот уж, действительно с кем нельзя спорить о вкусах.

После этого к борту прикрепили небольшую ручную лебедку с намотанной на нее веревкой. К концу веревки привязали метра 3 железной цепи с большим (око-

ло фута) железным крючком, напоминающим крючок обыкновенной удочки (рис. 68).

Наживкой послужили куски такого же, как и гракса, вонючего тюленьего мяса. Снарядив «*удочку*», ее спустили так, чтобы крючок висел в некотором расстоянии от дна.

— Как же вы узнаете, попалась акула или нет? — спрашивал я.

— А вот мы сейчас удилище пристроим, — говорил штурман, прикрепляя к борту небольшую гибкую палку.

Когда последняя была укреплена, к концу ее, выступающему за борт, привязали веревку, на которой был спущен крючок.

Таких «удочек» спустили с обоих бортов 4.

Все мы с напряжением стали ожидать, что будет. Прошло минут 15... Вдруг палка одной из удочек, играющая роль удилища, начала сильно изгибаться; очевидно, попавшая на крючок акула с силой дергала за веревку! Все оживились.

— Ага, попалась! — с торжеством закричал штурман, снимая веревку с конца удилища. — Тащи, ребята!

Двое матросов живо начали наматывать веревку на катушку лебедки. Все мы свесились за борт, желая поскорее увидеть добычу. Вот в прозрачной воде показалось что-то серое, длинное... Скоро мы ясно различали слабо извивающееся туловище акулы. Разинутая пасть с белевшими рядами зубов время от времени закрывалась, сжимая торчащую из нее цепь, к которой привязан крючок [illegible]

Когда акулу подтянули к борту, ее зацепили большими крюками и подняли на палубу. Быстрый переход с большой глубины до поверхности и связанное с ним изменение давления сказались и на этом чудовище: оно едва шевелило хвостом. Чтобы быть уверенным в его смерти, его все же несколько раз ударили по голове

Рис. 68. Приспособление для лова акул. Видна палка, служащая удилищем, маленькая ручная лебедка и большие крюки, которыми подцепляют пойманных акул.

тяжелым железным крюком. Вся кожа акулы покрыта мелкими, загнутыми шипами, напоминающими короткие гвоздики. Когда ее протащили от борта по палубе, на последней обозначилась дорожка, как будто кто-нибудь взял и выскоблил ее чем-то острым. Широкооткрытая страшная пасть сверкала несколькими рядами белых острых зубов (рис. 69).

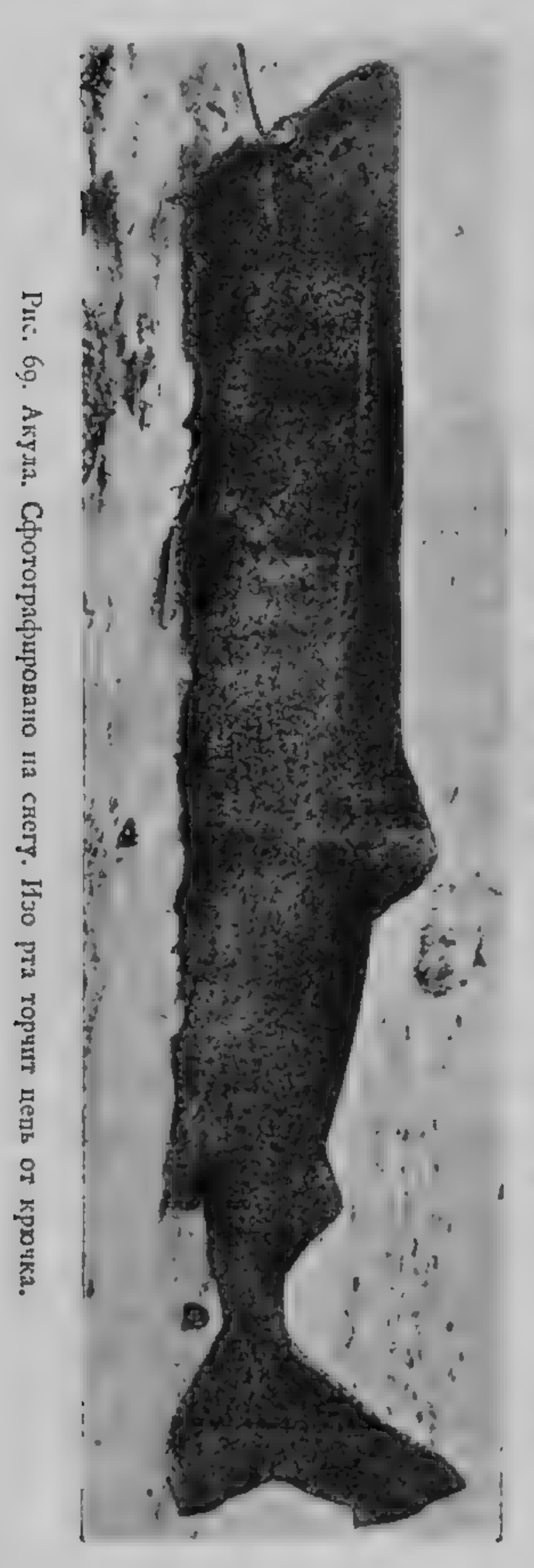

Рис. 69. Акула. Сфотографировано на снегу. Изо рта торчит цепь от крючка.

Длина пойманной акулы была 3,7 метра, т.-е. она была почти в 2 раза длиннее любого из нас! Меня очень интересовало, чем питается такая громадина... С трудом проникал острый нож сквозь шиповатую кожу... Через большой разрез, сделанный на брюхе, вывалилась большая желтая печень (воюкса), а затем показался и желудок. Когда вскрыли его, то в нем оказалась еще свежая, повидимому, недавно только пойманная треска.

— Что же теперь с ней делать? — спросил я Григория Ивановича.

— Вырежем воюксу, а все остальное выбросим.

Когда вырезали печень, я ее взвесил; весила она 1 пуд 33 фунта!

Перед выбрасыванием туши за борт, в пустой желудок акулы при помощи трубки из тростника надули воздух и завязали. Благодаря этому выброшенная за борт акула не потонула и плавала на поверхности моря.

— Для чего это надували желудок воздухом?—интересовался я.

— А чтобы не затонула; а то другие акулы сейчас же на нее набросятся, наедятся и плохо будут итти на крючок.

— Ради чего вообще промышляют акул? Неужели ради печени?—спрашивал я.

— Конечно,—отвечал Григорий Иванович.—Печень очень ценится: из нее вытапливают ценный жир. Посмотрите, какая она жирная!

Пока мы возились с первой акулой, попалась вторая почти такой же величины. Когда ее вскрыли, желудок оказался очень раздутым: в нем было 2 порядочной величины тюленя! Ну, и аппетит же у этой рыбы!

Время от времени возле какой-нибудь из уд раздавались торжествующие возгласы; это значило, что поймали еще акулу. Лов шел все успешнее и успешнее.

А нас между тем болтало все больше и больше. Ветер усиливался. Гребешки волн стали покрываться белой пеной. Григорий Иванович с тревогой посматривал на горизонт, затянутый серыми тяжелыми облаками.

— Что это вы беспокоитесь, Григорий Иванович?—спросил я.

— Яруса нам сегодня не выбрать!—говорил он, посасывая свою трубочку:—шлюпку будет заливать, когда станут тянуть ярус. Придется оставить его, пока погода стихнет.

Так за ярусом и не поехали.

Волнение усилилось настолько, что пойманных акул нельзя уже было поднимать на палубу. Подтянув к борту крюками и измерив, вырезывали у них печень и

вскрывали желудок. Надувать его воздухом при этом тоже было невозможно. Выброшенные в море акульи туши сейчас же тонули.

Когда через некоторое время после этого у пойманной акулы вскрыли желудок, то в нем оказалась половина акулы только что выброшенной в воду!

Вообще меня поражало содержимое желудков акул. Вот несколько примеров, показывающих, чем они питаются: 1) треска, 2) два тюленя, 3) треска, камбала и скат, 4) раковины моллюсков и треска, 5) два камня и больше ничего, 6) остатки трески и зубатки, 7) часть акулы, 8) треска и 5 пикшей, 9) желудок пустой.

Я понимаю такую пищу, как тюлень, треска, пикша, но к чему же камни глотать? И каково бедному акульему желудку, в который попадет такая колючая штука, как скат? Вероятно, для акулы скат—что-нибудь вроде острой закуски!

Только на следующий день волнение стихло настолько, что можно было послать шлюпку за ярусом. Как и следовало ожидать, он оказался в очень печальном состоянии: рыбы почти не было.

Вскоре я распростился с «Помором» навсегда. Правда, мне приходилось потом встречаться с ним и даже бывать на нем, но только лишь в качестве гостя: плавать и работать на «Поморе» мне больше не пришлось.

В 1900 году «Помор» был приспособлен к плаванию во льдах, а в 1901 году его отправили на звериный промысел. Об этом интересном плавании я расскажу ниже в одной из глав со слов Григория Ивановича и моего товарища Нестора Александровича С.

ГЛАВА XVII.

На «Андрее Первозванном».

В продолжение 3 лет много тысяч миль пришлось мне сделать на «Андрее Первозванном»! Я сжился с ним, как со своим родным домом: каждый его уголок, каждый предмет в каюте, на палубе, в лаборатории были мне так же хорошо знакомы, как предметы, окружающие меня в моей квартире.

Много было испытано и пережито в этих плаваниях. Бывали, конечно, моменты мучительно тяжелые, но теперь, когда много лет отделяет меня от этого периода моей жизни, они рисуются для меня в совершенно ином свете. Все время, проведенное мною на «Андрее Первозванном», встает в моей памяти, как время интенсивной и в высшей степени продуктивной работы, сильно расширившей мои знания и повлиявшей на мой ум, волю и характер. Все пережитые невзгоды представляются мне теперь часто, как комические инциденты, о которых я не могу вспомнить без улыбки. От всей души благодарю я судьбу, давшую мне возможность испытать все то, чтó пережил я в течение этих плаваний!

Июль месяц. В Екатерининской гавани для нас даже жарко! Как легко привыкает человек к климату! При такой температуре где-нибудь в Малороссии наверное все жаловались бы на холод, а здесь мы ходим в самых легких костюмах.

Завтра «Андрей Первозванный» отправляется в длинный рейс, недели на 2. Работа кипит во всю! Уголь и воду уже погрузили. Команда занята чисткой парохода: моют палубу, моют борта, моют даже мачты. Мы разделились на 2 партии: одна приводит в порядок судовую

лабораторию, приготовляет реактивы, проверяет исправность приборов, а другая грузит посуду. То-и-дело от берега к пароходу идет шлюпка, нагруженная сотнями банок, баночек и пробирок.

На следующий день внимательно осматриваем мы, все ли взято, не забыли ли чего. Но вот все на судне. Поднимают шлюпки и трап... Мы все собрались на капитанском мостике. Александр Петрович, как всегда при съемке с якоря, в несколько торжественном настроении: Василий Николаевич с боцманом—у якорной лебедки; рулевой уже стоит у штурвала.

— Катать якорь!—раздается команда.

— Есть!—отвечает Василий Николаевич.

Гремит якорная лебедка и звонит телеграф в машинное отделение.

— Право на борт!—командует Александр Петрович рулевому.

— Есть, право на борт!—как эхо отвечает рулевой.

Зашумел винт, и, слегка вздрагивая, «Андрей Первозванный» делает красивый поворот. Быстро уплывают здания Александровска, и постепенно скрываются за скалой постройки экспедиции на Екатерининском острове. Мы приближаемся к выходу в океан, катящий нам навстречу свои широкие, отлогие волны.

Я уже обтерпелся и привык к постоянной качке: умеренное болтание на меня не действует.

Все разбрелись по каютам, чтобы привести в порядок вещи. Я на дежурстве у лаборатории, или, как говорим мы теперь,—«на вахте». Через каждые полчаса я забрасываю в море парусиновое ведро на длинной веревке и, зачерпнув воды, измеряю ее температуру. Записав полученный результат в записную книжку, я этой же водой наполняю банку и наклеиваю на нее этикетку с указанием судна, дня и часа... Эти пробы воды поступят потом в береговую химическую лабораторию, где опреде-

лят количество содержащейся в воде соли. В результате получится картина распределения температур и соленостей воды на поверхности всего района, пройденного в течение этого рейса.

Скоро приходит в лабораторию Николай Михайлович, а за ним и Александр Петрович (рис. 70).

— Где будет первая станция, Николай Михайлович?— спрашивает он.

— Как и всегда, перед входом в Мотовский залив,— отвечает Николай Михайлович.

— А потом дальше—прямо на норд, с остановками через пол-градуса?

— Да, мы проделаем, если, конечно, позволит погода, треугольник, намеченный Стокгольмской конференцией. Пойдем по меридиану Кольского залива до 75° с. ш., потом повернем на SW, к Новой Земле, а оттуда обратно в гавань. Остановки теперь точно нельзя определить: быть может, полученные при работе результаты потребуют в некоторых местах и более частых остановок.

— А какая это Стокгольмская конференция?—спросил я Николая Михайловича.

— Дело в том,—отвечал он мне,—что в настоящее время все страны заинтересованы научно-промысловыми исследованиями. Конечно, результаты этих исследований окажутся гораздо более ценными, если явится возможность сравнивать непосредственно изучаемые воды с другими, соседними. Взять хотя бы жизнь трески... Треска несомненно передвигается и подходит к нашим берегам из других, соседних морей. Мы тогда только проследим эти передвижения, когда будем наши наблюдения сопоставлять с наблюдениями у берегов Норвегии, Англии, Дании, где тоже ловят треску. В Стокгольме в 1899 году состоялась международная конференция, на которой были представители России с Финляндией, Англии, Германии, Швеции, Норвегии, Дании и Бельгии. По плану, наме-

ченному этой конференцией, наша экспедиция должна несколько раз в год совершать тот рейс, который мы сегодня начали. Представьте себе, как хорошо мы будем знать (конечно, через много лет упорной работы) жизнь наших северных морей, если будем иметь возможность сравнивать наши результаты с тем, что делается в морях всех перечисленных выше стран!

Звонок в машину и замедляемый ход парохода указывали на то, что мы пришли в намеченный пункт.

— Какие работы будут на этой станции?—спросил я Николая Михайловича.

— Возьмем серию температур, произведем лов оттертроллем и соберем планктон.

Как и всегда, прежде всего определили глубину и грунт. Эта работа на «Андрее Первозванном» производилась при помощи такого же лота с храпами, как и на «Поморе», но как быстро и легко протекала она, благодаря паровой лебедке! Подъем лота отнимал всего минуту, две! И при этом никто не уставал! Мне приходилось только следить за быстро двигавшимися стрелками счетчика, чтобы предупредить товарища, стоявшего у лебедки, о том, что лот близко, что пора замедлить или остановить подъем (рис. 71).

Работа с лебедкой особенно нравилась нашему доктору, и он управлял ею как артист.

Глубина определена—259 метров, грунт—ил.

При работах на «Андрее Первозванном», определяя температуры на различных глубинах, брали также в бутылки пробы воды для анализа на содержание соли. И вот пред нами снова вопрос, как добыть воду с глубины, скажем, 250 метров? Много уже существует приборов, позволяющих добыть воду с любой глубины. У нас для этого применялся «батометр Петерсона».

Когда мне приходилось раньше читать или слышать о том, что в настоящее время люди производят измере-

Рис. 70. Николай Михайлович Книпович на палубе «Андрея Первозванного».

ния температур и солености на различных глубинах океана, я всегда задумывался над тем, как это узнали, как проник человек на глубину сотен и тысяч метров? Какие

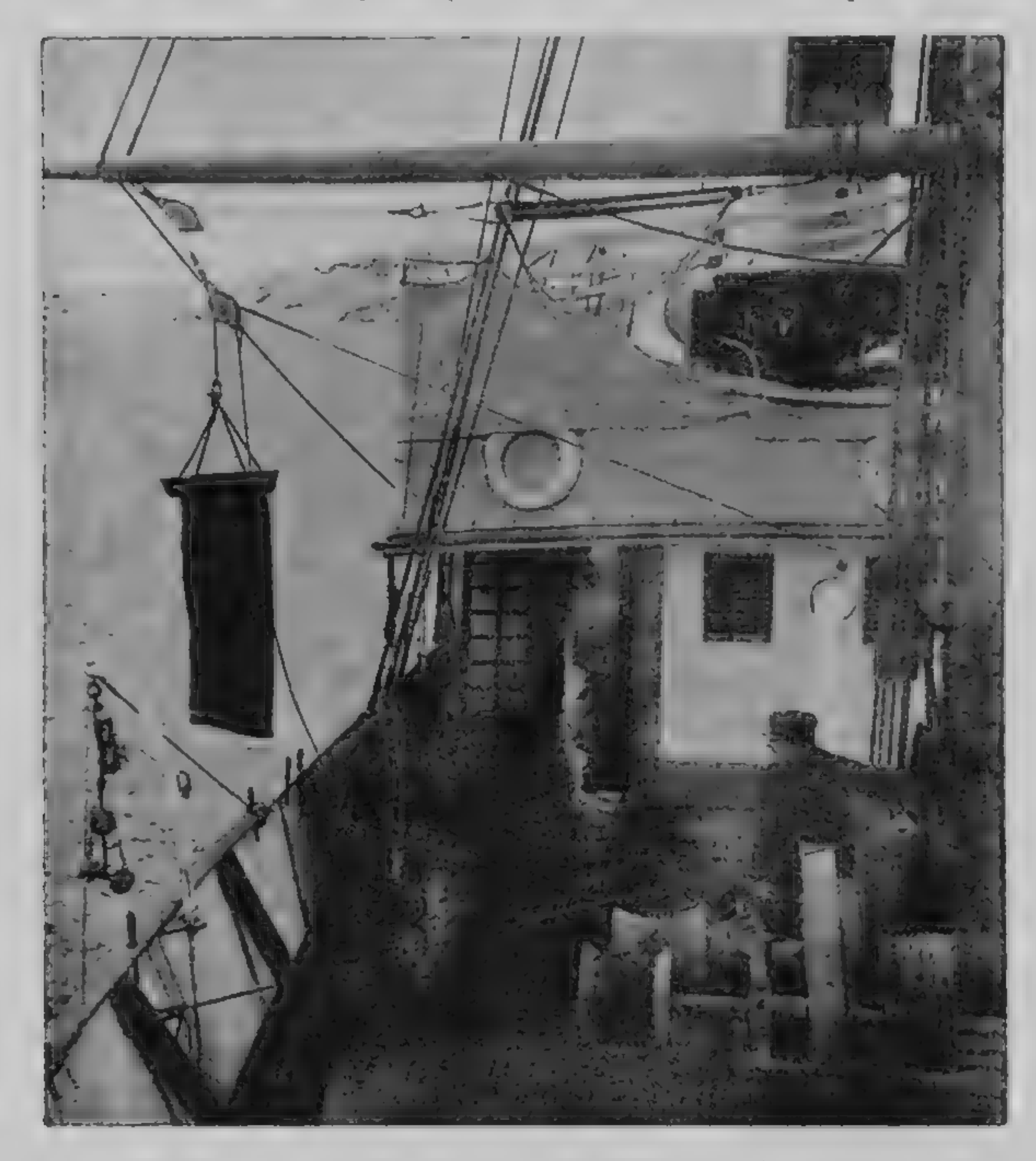

Рис. 71. Передняя часть палубы «Андрея Первозванного». Слева видны готовые к спуску: 1) лот с храпами и счетчик и 2) драга, сеть которой покрыта защищающим ее парусиновым мешком. Справа, внизу видна лебедка, при помощи которой производится спуск и подъем снастей.

приборы позволяют ему говорить о том, что там происходит, с такой же уверенностью, с какой он говорит о явлениях, происходящих непосредственно возле нас? Описанный выше глубоководный термометр и батометр Пе-

терсона, с которым нам предстоит теперь познакомиться, очень хорошо показывают, сколько усилий, сколько ума и таланта понадобились для того, чтобы проникнуть в тайны океанических глубин.

Батометр Петерсона состоит из прямоугольной металлической рамы, на вертикальных стержнях которой свободно двигается вверх и вниз металлический цилиндр; внутри его находится еще 3, вставленных друг в друга, тоже металлических цилиндра меньшего диаметра. Все они сверху и снизу плотно закрываются крышками, снабженными резиновыми прокладками. Нижняя крышка прикреплена неподвижно к нижней перекладине рамы батометра, а верхняя поднимается вверх и особыми крючками зацепляется за верхнюю перекладину рамы. В обеих крышках имеются отверстия, соединенные с полостью самого внутреннего цилиндра; отверстие нижней крышки закрывается краном, а верхней—плотно пригнанной резиновой пробкой. От верхней крышки по бокам рамы идут две проволоки с тяжелой свинцовой гирей внизу.

Перед спуском батометр раскрывают: для этого верхнюю крышку поднимают и зацепляют крючками за верхнюю перекладину рамы; затем поднимают вверх всю систему цилиндров, которые небольшими пружинками, заскакивающими в углубления рамы, придерживаются на некотором расстоянии от нижней крышки. В таком виде спускают батометр на требуемую глубину. Для закрывания батометра по бронзовому линю, на котором он подвешен, пускают металлическую гирьку; долетев до батометра, она своим ударом сбрасывает крючки, удерживающие верхнюю крышку; последняя, увлекаемая тяжелой свинцовой гирей, летит по раме вниз, срывает с пружинок систему цилиндров и плотно прижимает их к нижней крышке (рис. 72).

Батометр поднимают. Во внутреннем цилиндре находится проба воды как раз с той глубины, на которую

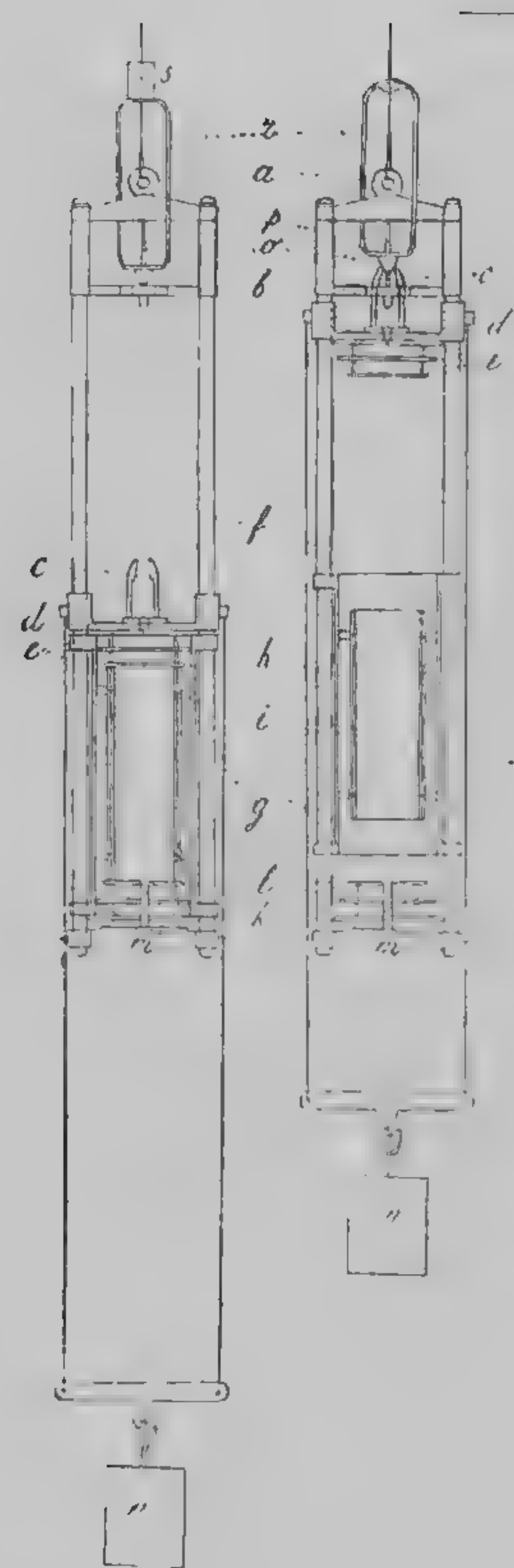

Рис. 72. Батометр Петерсона; справа—в открытом виде перед спуском; слева—в закрытом, при подъеме; *f*—рама; *h* и *i* —цилиндры, внутри которых получается проба воды; *e* и *l*—крышки с резиновыми прокладками; *c*—крючки, которыми верхняя крышка зацепляется за верхнюю перекладину рамы; *m*—кран, закрывающий отверстие нижней крышки; *g*—проволоки и *n*—прикрепленная к ним свинцовая гиря; *s*—гирька, сбрасывающая крючки (*c*) при закрывании батометра.

мы спустили прибор; эта проба отделена от окружающей среды не только несколькими стенками, но и несколькими находящимися между ними прослойками воды, которая, как известно, является плохим проводником тепла. Поэтому вода во внутреннем цилиндре батометра долго еще сохраняет свою температуру.

Подняв батометр с глубины 250 метров, я открыл пробку в верхней крышке и через образовавшееся отверстие вставил очень чувствительный и точный термометр. Через 2 минуты я узнал температуру воды на глубине 250 метров. После этого я подставил к нижнему отверстию бутылку и, открыв кран, наполнил ее водой (рис. 73).

Таким образом, имея батометр Петерсона, можно не прибегать к медленно действующим, глубоководным термометрам. Их трубка отделена от окружающей воды толстым стеклянным футляром, и приходится ожидать минут 10, пока ртуть примет температуру воды.

С описанным батометром дело идет гораздо скорее: его можно поднимать сейчас же после закрывания; определение температуры воды в батометре требует всего 2—3 минуты, так как при этом можно пользоваться очень чувствительными термометрами из самого тонкого стекла.

Казалось бы, это слишком ничтожное преимущество, чтобы стоило на нем останавливаться. Но если благодаря указанному способу выгадывается при получении каждой температуры хотя бы только 5 минут, в общем получается большая экономия времени, так как в течение

Рис. 73. Батометр подняли и вставляют в него термометр.

рейса приходится производить несколько сот температурных наблюдений.

Быстро была получена серия температур.

На тех станциях, которые посещались часто, а эта была именно таковою, количество работ всегда сокращалось. В этом пункте донное население было исследовано довольно хорошо. Изменений можно было ожидать в планктоне и в количестве промысловых рыб; поэтому на большинстве таких станций нами производился лов планктона и спускались орудия для лова рыбы.

После планктонной сетки, о которой мне приходилось

говорить в главе, посвященной работам «Помора», начали спускать оттертролль.

Это — последнее слово рыболовной техники. Представьте себе громадный невод, идущий по дну океана со скоростью около 7 верст в час и загребающий все, что попадается на его пути! Вот вам — оттертролль! Рыбаки давно уже мечтали о применении невода для лова донных рыб, но только в самое последнее время удалось удовлетворительно разрешить эту задачу. Насколько оттертролль отвечает своему назначению, видно из того, что, напр., в Германии и Англии существует масса пароходов—троулеров, которые заняты ловом рыбы исключительно при помощи этого орудия. У вас, конечно, сейчас же возникает вопрос, почему же и в других странах, хотя бы в той же Норвегии, не бросят ярус и не перейдут к оттертроллю, раз он является такой продуктивной рыболовной снастью? Беда в том, что при каменистом, скалистом дне это великолепно действующее орудие неприменимо: при таком грунте сеть трала рвется в куски, и там едва ли можно ожидать полной замены крючковой снасти какой-либо другою.

Для нашей экспедиции оттертролль был необходим. Николай Михайлович вполне правильно оценил его значение для будущих работ и позаботился снабдить им наш пароход. В самом деле, преимущество оттертролля перед ярусом при исследованиях рыбы неоспоримо: оттертролль требует сравнительно немного времени для лова, им можно пользоваться в такую погоду, когда о спуске шлюпки для метания или выборки яруса и думать нельзя, и, наконец, что самое важное, он ловит всякую рыбу, а ярус дает только ту, которая идет на наживку.

Как же он устроен? Как может невод, спущенный с одного судна, итти на большой глубине, где его никто не видит, в раскрытом состоянии?

Посмотрите на рисунок!—Невод, как невод! Сеть его

сплетена из толстой, прочной бечевки; так как он приспособлен для лова крупных рыб, то ячея — крупная: в передних частях — 2 дюйма, а в конце—немного больше 1 дюйма. Чтобы пойманная рыба при остановке или при подъеме не могла выйти, внутри трала находится кониче-

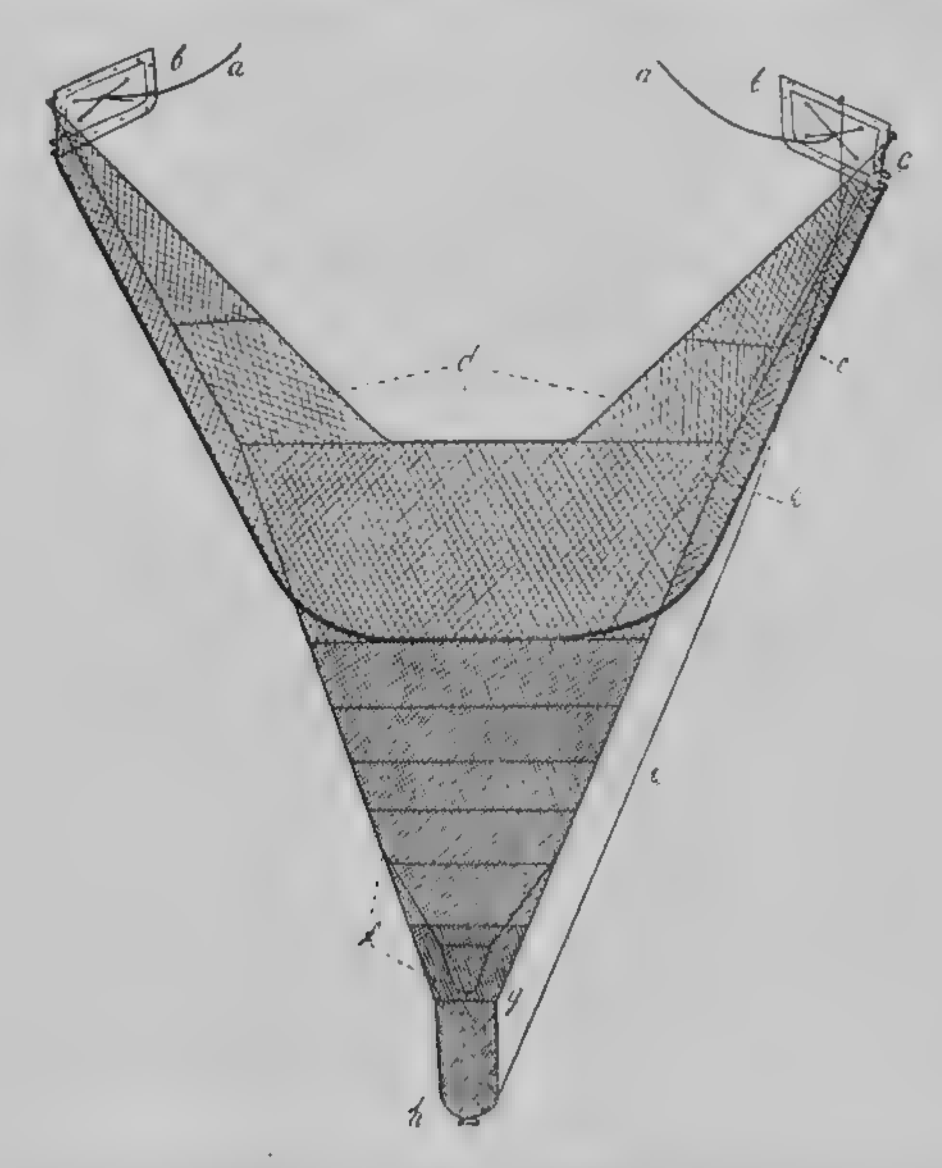

Рис. 74. Чертеж сттертролля. *a*—тросы, на которых его спускают; *b*—доски; *d*—верхняя подбора; *e*—нижняя подбора; *f*—внутренний конический мешок; *g* и *h*—мотня, завязанная внизу.

ский мешок с отверстием на конце; попавшая в трал рыба проходит через это отверстие и скопляется в мотне трала; найти обратный выход ей уже не удается. В мотне трала тоже есть отверстие; во время лова оно завязано; когда трал поднят после лова на палубу, это отверстие

развязывают, а вся пойманная добыча высыпается на палубу (рис. 74).

Пасть всякого невода ограничена двумя веревками или «подборами»,—верхней и нижней... У оттертролля—те же две подборы, при чем нижняя гораздо длиннее верхней; поэтому, когда трал идет по дну, верхняя подбора оказывается значительно впереди нижней, которая тянется по самому грунту и вспугивает рыбу. Если последняя бросится вверх, ей нет спасения, так как верхняя подбора уже накрыла это место прикрепленной к ней сетью; если рыба бросится в стороны, она тоже не может уйти, так как крылья трала выступают далеко вперед; она могла бы еще спастись, плывя вперед, прямо по направлению хода трала, но не нужно забывать, что последний идет со скоростью около 7 верст!

Остается сказать еще несколько слов о том приспособлении, благодаря которому оттертролль автоматически раскрывается в воде... Крылья трала оканчиваются двумя тяжелыми досками, которые при помощи 4 коротких цепей прикреплены к стальным тросам кормовой лебедки, служащим для спуска трала. Так как тросы прикрепляются к внутренним сторонам досок, т.-е. к сторонам, обращенным к устью трала, то при движении парохода вода будет давить на эти стороны досок, и последние будут расходиться в разные стороны, растягивая крылья трала и открывая вход в него. Вследствие того же напора воды будет подниматься и верхняя стенка трала (рис. 75).

Каковы же его размеры?

В нашей экспедиции был оттертролль, верхняя подбора которого была длиною в 26 метров, нижняя—42 метра: расстояние от конца крыла до конца мотни равнялось тоже 42 метрам.

С громадным интересом следил я первое время за спуском и подъемом этого грандиозного донного невода!

Вот выбросили сеть за борт и, давши ход пароходу, начали «травить» тросы! В прозрачной океанической воде видно, как напором воды расправило трал (рис. 76)! В таком виде он медленно садится на дно в то время, как тросы травят все больше и больше. Наконец, трал

Рис. 75. Большая лебедка оттертролля после его спуска; все тросы вытравлены, т.-е. размотаны.

на дне. По содраганию тросов слышно, что он не плывет над грунтом, а идет по нему, задевая за неровности дна.

На этот раз трал тянули ровно $^1/_2$ часа и затем начали его поднимать! Свесившись за борт, с нетерпением жду я, когда появятся доски. Вот они видны! Вот уже сеть у борта, но содержимого мотни еще не видно.

Рис. 76. Из-за борта поднимают сеть оттертролля. Все с интересом ожидают результатов улова.

Наконец, и она появляется над бортом. Ее развязывают, и на палубу высыпается целая куча рыбы (рис. 77). Тут и треска, и палтус, и зубатка, и пикша.... все старые знакомые по ярусу. Но что это за яркая красная рыба с чем-то торчащим изо рта?

Рис. 77. Мотню трала с пойманными животными поднимают на палубу.

— Это морской окунь, как его здесь называют,—говорит Николай Михайлович. — Посмотрите, как его раздуло вследствие уменьшения давления при подъеме. Глаза выпучены, желудок вывернуло через рот, вся форма тела изменена (рис. 78)!

И действительно, нам очень редко удавалось получить

эту рыбу в ее нормальном виде. На ней больше, чем на какой-либо другой сказывалось изменение давления, совершенно ее уродовавшее.

— До применения оттертролля, — продолжает Николай Михайлович, — только редко удавалось ловить эту

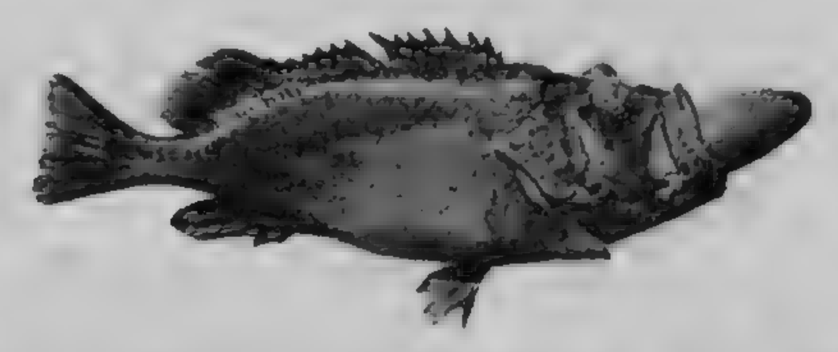

Рис. 78. Морской окунь. Изо рта торчит вывороченный наружу желудок; глаза — выпучены; все тело раздуто.

рыбу: на ярус она не идет! А теперь иногда один лов тралом дает нам десятки морских окуней (рис. 79).

Между рыбами находится целый ряд других животных. Весь улов мы переносим в лабораторию и приступаем к разборке, исследованию и консервированию полученного материала.

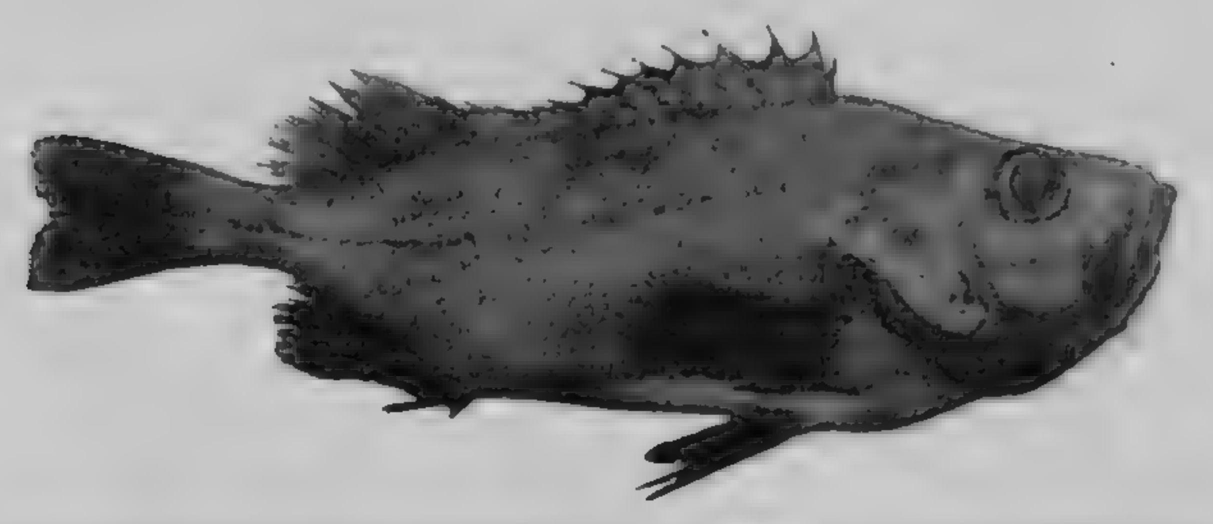

Рис. 79. Морской окунь. Редкий экземпляр, полученный в неизуродованном виде.

А «Андрей Первозванный» уже идет дальше на N. Погода изменилась. Довольно свежий ветер развел волнение. Все небо покрылось серыми, низко нависшими

облаками. Временами сеет, как сквозь сито, мелкий холодный дождь. Берега скрываются из глаз. Неприятно в такую погоду в море, но мы ее не замечаем. Весело и оживленно идет дружная работа в лаборатории. Каждое животное, раньше невиданное, вызывает всеобщий интерес, и Николай Михайлович, хорошо знающий фауну северных морей, дает нам целый ряд очень ценных и в высшей степени интересных пояснений.

Работа кончена! Весь добытый материал законсервирован и рассажен по банкам, а измеренная и вскрытая рыба отдана для посола! Лаборатория приведена в порядок! Мы не заметили, как прошло 3 часа! В дверях лаборатории показывается Александр Петрович.

— Николай Михайлович, — говорит он. — Пришли! 70°00′ с. ш. и 33°30′ в. д.!

Новая станция! Снова те же работы и при этом обязательно—температурная серия и пробы воды для анализа. Едва покончишь с материалом, добытым здесь, как мы уже в новом пункте. Ночи нет и работа идет непрерывно. Как-то незаметно проходит обед, послеобеденный чай и кофе, ужин... Наконец, и ночь, но только—на часах, так как свет почти не уменьшается! только серое небо и серые волны сделались еще серее!

Часов 40 не спали мы все, непрерывно работая в лаборатории.

— А ведь так у нас дело не пойдет! — сказал Николай Михайлович, когда мы на какой-то уже довольно отдаленной станции разбирали материал. — Спать все-таки нужно! Давайте и мы работать в две вахты!

Мы разделились на две смены с тем, чтобы меняться через каждые 4 часа.

Вот, утомленный после смены вахты, прихожу я в свою каюту и заваливаюсь в койку. Совсем раздеваться не приходится, так как через 4 часа — снова на работу. Засыпаю моментально, убаюкиваемый мерным покачива-

нием парохода. Такая качка для меня теперь уже не страшна; напротив, когда я ложусь в койку, она пожалуй, даже приятна.

— Константин Павлович, обедать подано! — будит меня Эрнст.

Четыре часа прошли незаметно, но я схватываюсь бодрым, здоровым, вполне готовым к работе.

В кают-компании весело и оживленно.

— Господа, — говорит кто-то, — а ведь наша газета сегодня не прочитана!

Газетой нам служит отрывной календарь. Их у нас было два, и каждый день мы под общий хохот читали удивительные календарные сведения. Я взглянул на календарь и удивился: мы уже 5-й день в море!

— Прежде всего, господа, — читает Александр Петрович,—«погода по Брюсу: ветренно, дождь»!

— А ведь, верно!

— Нет, совсем не верно, — заявляет кто-то из товарищей, читавший листок с другого календаря. — У меня черным по белому написано: «погода по Брюсу: гроза»!

Мы от души хохочем, удивляясь, как до сих пор эта нелепая «погода по Брюсу» все еще изо дня в день повторяется каждым отрывным календарем.

— Читайте дальше, Александр Петрович, что еще нового сообщают в вашей газете?

— Господа, слушайте! Сенсационное известие!—повышая голос, читает Александр Петрович. — «Как высушить мокрую обувь». Это, господа, специально для нас: у нас обувь всегда мокрая! Ну, слушайте!

«Кто не испытал, как неприятно надевать башмаки, которые были промочены и затем высохли.

«Следующий способ просушки дает возможность избежать сморщиванья кожи.

«Сейчас же, как только мокрые башмаки будут сняты, их следует наполнить овсом.

«Овес обладает большою способностью поглощать влагу и потому быстро впитывает в себя всю влагу из кожи.

«В то же время овес разбухает и таким образом не дает коже сморщиться».

— А ведь это остроумно! Беда только, у нас овса нет! Нельзя ли, Александр Петрович, распорядиться, чтобы на пароходе всегда держали мешок овса, — предлагает кто-то из товарищей.

— Мешком мы не обойдемся! Придется тогда весь трюм овсом загрузить. Ну, слушайте дальше! Меню на сегодня такое: «1) Суп-пюре. 2) Цыплята под соусом. 3) Манная кашица». Суп-пюре это мы можем заказать, а вот с цыплятами — дело плохо! Но чем треска под соусом хуже цыплят под тем же соусом? Разница только в одном слове! Манной кашицей нас тоже не удивишь!

— А как оно кричало? — вдруг задает кто-то вопрос.

— Что кричало?

— Да вот то, что я ем, — продолжает он, указывая на кусок колбасы.

— Это вопрос праздный, — говорит Николай Михайлович. — *Как* оно кричало, это довольно безразлично... А вот *когда* оно кричало, это — важно!

— Как так?

— Да так: если даже мяукало и лаяло накануне изготовления того, что вы едите, вреда от этого не будет; а вот если оно хрюкало или мычало недели за 3 перед этим?!

Шутки не прекращаются.

— Господа, — заявляет капитан, — я предлагаю сменить провиантмейстера! Уже 5-й день мы в море и 5-й день нам на сладкое дают желе!

— Я вполне присоединяюсь к мнению Александра Петровича! — неожиданно подхватывает сам провиантмейстер,

один из товарищей, заведывавший в течение этой недели кухней, заказыванием обеда и т. д.

— Ну, нет! Быть может, это вы нарочно каждый день устраиваете желе, чтобы вас скорее сместили? Нет! Господа, предлагаю в наказание продлить еще на неделю полномочия провиантмейстера, обязав его ни разу не давать нам желе. Если же таковое будет подано, то провиантмейстер должен съесть все один!

Не знаю, до чего дошел бы суд над провиантмейстером, если бы вошедший вахтенный матрос не доложил, что мы пришли на станцию.

— А где мы теперь?—спросил я.

— 75°25′ с. ш. и 33°30′ вост. д.,—отчеканил капитан.

— Николай Михайлович, вы ведь хотели итти только до 75° с. ш.?—спросил я.

— Да,—отвечал Николай Михайлович, — но мы наткнулись на одно в высшей степени интересное явление, которое заставило меня несколько удлинить эту линию нашего рейса. Вот идемте в лабораторию, я вам покажу полученные нами температуры на линии, которую мы прошли, начиная от Екатерининской гавани.

— Вы знаете,—начал Николай Михайлович, когда мы пришли в лабораторию, - что Гольфстрем, подходя к берегам Европы, поворачивает на север и идет вдоль Норвегии; дойдя но Нордкапа, он дает ветвь на запад, которая под именем Нордкапского течения вливает свои воды в исследуемую нами область. Прежние русские исследователи, производившие почти исключительно наблюдения на поверхности океана, принимали за воду ветвей Гольфстрема всякую воду не слишком малой солености... Но ведь вода эта могла представлять собою и смесь воды Гольфстрема с прибрежной, и смесь ее с арктической, и даже чисто арктическую воду!

— А разве, —перебил я,—нельзя было руководиться

при этом еще температурными данными? Ведь вода Гольфстрема должна быть теплее?

— Конечно,—продолжал Николай Михайлович,—но на поверхности происходит нагревание воды, и, с какой водой здесь имели дело, на основании поверхностных наблюдений судить нельзя. Тем более, что как показывают скандинавские исследования, под высокими широтами вода Гольфстрема покрывается в громадном большинстве случаев водою иного происхождения. Посмотрите теперь, — продолжал Николай Михайлович, отыскивая в записной книжке некоторые температурные серии,—результаты нашего рейса! Вот прибрежные станции: здесь, как вы видите, довольно высокие температуры идут вплоть до дна. Это явление, наблюдаемое летом всегда, есть результат более сильного нагревания у берегов. Но вот станция приблизительно под 71° с. ш.: здесь у дна, на глубине 205 метров, температура равняется +1,5°! Под 71°30′ с. ш. на той же глубине наблюдается +2,8, а у дна, на глубине 265,—+2,4°! Немного севернее, под 72° с. ш.—на глубине 200 метров — +1,5°, а у дна на глубине 250 метров—всего лишь +0,8°. Несомненно, под 71°30′ с. ш. мы пересекли струю более теплой воды! И заметьте, именно около этой широты в разведочной экспедиции удалось констатировать массовое присутствие промысловой рыбы, в то время как у берегов ее не было! Смотрите дальше! Подобную же струю более теплой воды мы пересекли около 74° с. ш. Но вот станция под 75° с. ш.: здесь только на самой поверхности мы имеем воду с температурой выше нуля; уже с глубины 25 метров начинается вода с температурами —0,5, —1,4, —0,2 и —0,4 у дна, на глубине 140 метров. Думая, что мы вышли из полосы ветвей Гольфстрема и попали в область арктической воды, я решил придвинуться немного севернее. И что же? оказалось, что под 75°15 с. ш. мы снова встречаем более те-

плую воду: здесь только у дна на глубине 197 метров мы встретили температуры —0,2! Все остальные температуры были выше нуля! Ну, как было не пройти немного дальше на N и не убедиться в том, что здесь мы тоже нашли струю более теплой воды. Идемте, узнаем! Вероятно, уже определили придонную температуру.

— Какая глубина?—спросил Николай Михайлович товарища, производившего наблюдения.

— Глубина—267 метров. Температура на 260 м. +0,3, на 200 м. +1,5!

— Вот видите,—сказал Николай Михайлович,—несомненно, здесь проходит 3-я ветвь Гольфстремной воды! Я уверен, что анализы обнаружат во всех этих трех случаях и большую соленость.

Николай Михайлович не ошибся! Во всех этих трех пунктах вода обладала наибольшей соленостью, около 35 частей соли на 1000 частей воды.

Только теперь я понял, как в настоящее время устанавливаются расположения вод различных происхождений!

Когда мы разговаривали, обсуждая результаты добытой серии, к нам подошел Александр Петрович.

— Николай Михайлович,—сказал он,—на горизонте видно парусное судно!

Мы были поражены. Здесь, в открытом океане, вдали от всяких торговых рейсов—какое-то судно! Мы бросились на мостик, схватили бинокли и начали рассматривать. Действительно, небольшой парусник вроде «Помора» шел по направлению к нам.

— Вероятно, это какое-нибудь норвежское тюленебойное судно!—заметил Николай Михайлович.—Когда работы будут окончены, нужно будет подойти к нему: наверное, оно было во льдах и может дать нам кое-какие сведения об их расположении. Льды несомненно близко!

—А почему вы так уверены в этом?—спросил кто-то из нас.

— А вы посмотрите, как упала поверхностная температура!—отвечал Николай Михайлович.—На предыдущей станции, всего в 10 милях южнее было +1,4, а здесь лишь +0,4.

По окончании работ мы пошли к паруснику. Вскоре ясно можно было различить его очертания и отдельные паруса. На мачте была укреплена бочка, в которой на на тюленебойных судах сидит матрос и в подзорную трубу оглядывает льды, отыскивая на них тюленей.

Рис. 80. „Isbjörn".

— Isbjörn! Я ясно теперь вижу в бинокль название!—сказал Александр Петрович (рис. 80).

Мы видели, как начали спускать шлюпку. Скоро к нам на палубу вскарабкался типичный норвежец-моряк. Он явился к нам, чтобы узнать широту и долготу места. О льдах он сообщил, что они недалеко, что Новая Земля окружена льдами, среди которых стоит какой-то

большой пароход. Судя по описанию, это был «Ермак», что впоследствии и подтвердилось.

Конечно, было бы интересно пойти дальше на север, чтобы проследить вновь открытую ветвь Гольфстрема, но риск застрять во льдах заставил повернуть и пойти по второй линии нашего рейса.

Среди работы незаметно идет день за днем. Погода почти не меняется: однообразное серое небо и такое же серое море. Волнение не прекращается, но и не усиливается настолько, чтобы нельзя было работать. Мы почти не замечали однообразия окружавшей нас картины, так как работы вносили в нашу жизнь много нового и интересного. Здесь, в местах почти не исследованных, каждая новая температура, каждое пойманное животное представляло большой интерес. Теперь часто, кроме оттертролля и описанной выше пелагической сетки, применялись другие орудия лова. Так, например, для сбора мельчайших планктонных организмов применялась планктонная сетка, сделанная из очень густого шелкового газа. Вполне понятно, что через такую густую ткань вода процеживается слабо, и при подъеме внутри сетки может образоваться обратный ток воды, вымывающий собранный планктон. Чтобы избежать этого, необходимо, оставив ту же фильтрующую поверхность, уменьшить количество воды, которое должна профильтровать сетка. Достигается это тем, что к обручу сетки (диаметром в 1 метр) прикрепляется кроме мешка еще другой конус из плотной, не пропускающей воды материи с отверстием, диаметр которого равен всего лишь 35 см. Таким образом, фильтрующая поверхность сетки (мешок из шелкового газа) осталась прежней, а диаметр фильтруемого столба воды уменьшился почти в три раза.

Благодаря такому приспособлению удается добиться полной фильтрации воды и собрать все количество планктонных организмов, находящихся, напр., в столбе воды

диаметром в 35 см. от дна до поверхности. Таким образом, лов, произведенный этой сеткой, дает возможность определять не только, какие планктонные организмы встре-

Рис. 81. Большая пелагическая сетка перед спуском.

чаются в той или иной области, но и судить об их количестве. Поэтому описываемая сетка называется *количественная планктонная сетка.*

Иногда она приносила какую-то слизистую желтоватую массу. Последняя, как видно было под микроскопом, состояла из неимоверного количества диатомовых водорослей, снабженных кремневым скелетом.

Рис. 82. Подъем большой пелагической сетки, она поднимается в закрытом виде.

Особенно поражали меня своей величиной две пелагические сетки, приспособленные для лова более крупных пелагических организмов. Проф. Иорт, изобретатель этих сеток, рассчитывал ловить ими мальков рыб. Обруч одной из них равнялся 15 футам, а другой—21 футу!

Последняя сетка была интересна еще и тем, что при помощи гирьки, брошенной по тросу, могла закрываться в любой момент. Это давало возможность, протянув сетку, скажем, от дна до глубины 100 метров, закрыть ее и получить пелагических животных, живущих только в этих слоях воды, и т. п. (рис. 81).

Обе эти сетки часто тянули горизонтально на известной глубине. Делали это так: обруч сетки привязывался к буйку веревкой, длина которой была, предположим, 20 метров; если выбросить в море буек и сетку, то первый

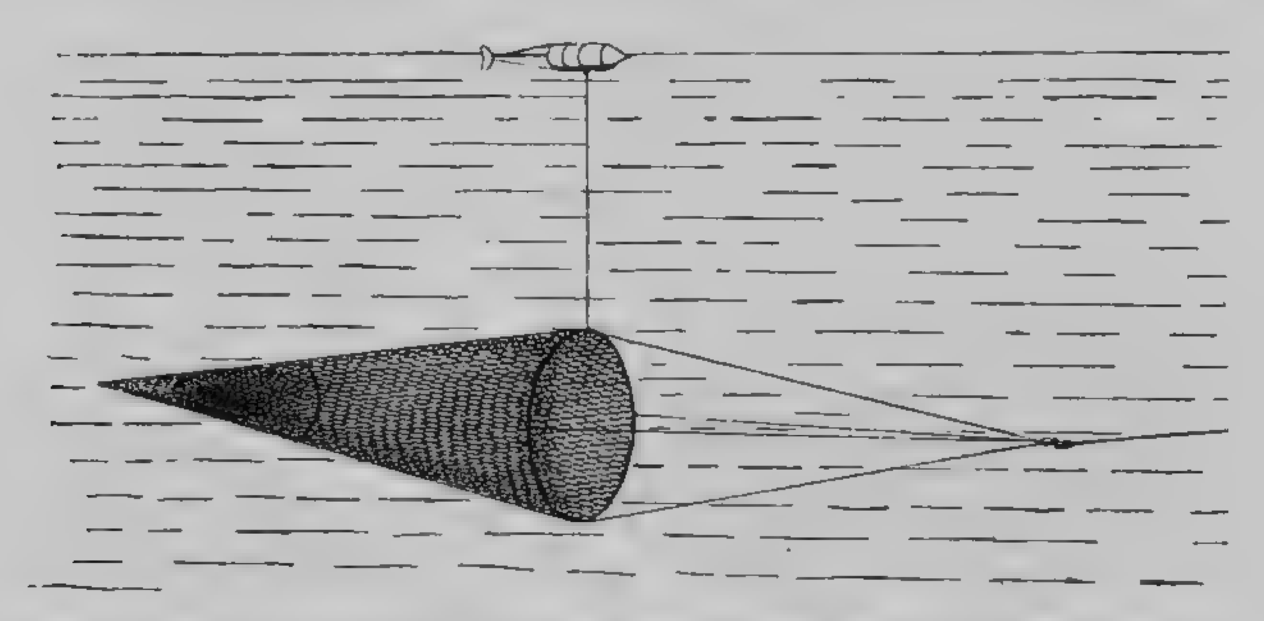

Рис. 83. Горизонтальный лов большой пелагической сеткой; на поверхности вод виден поплавок, непозволяющий сетке опускаться вглубь.

будет плавать на поверхности, а последняя будет итти и собирать все более крупные пелагические организмы на глубине 20 метров (рис. 82).

Бывали случаи, когда эти сетки приносили массы особых пелагических моллюсков—лимацин (рис. 84) и клионов (рис. 85), составляющих главную пищу китов. Только видя, какая масса попадалась их в наши сетки, я мог понять, как такой гигант может насытиться такими небольшими животными (рис. 83).

Из донных орудий, кроме драг и оттертролля, применялись еще трал Петерсона и тралы Сигсби. О первом

из них я расскажу в одной из следующих глав, а здесь упомяну лишь о тралах Сигсби.

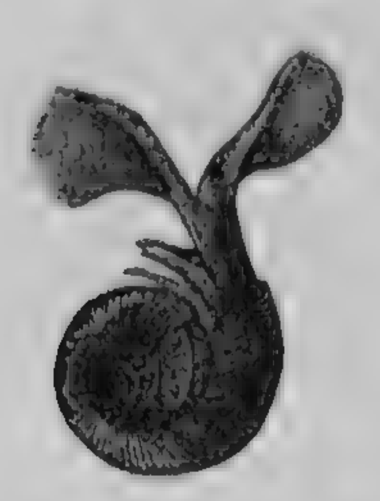

Рис. 84. Лимацина (увеличена в несколько раз).

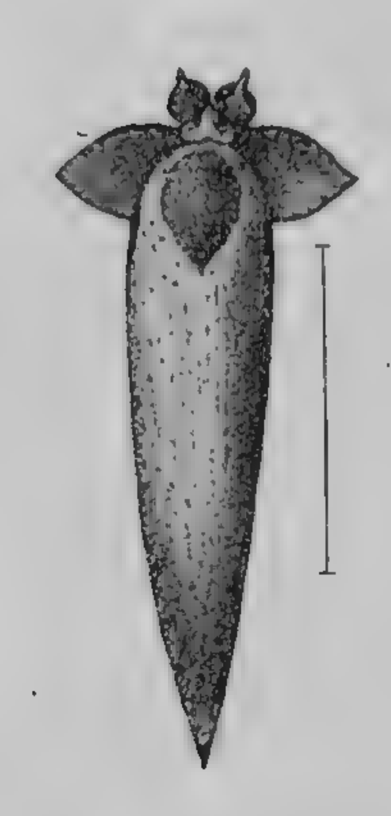

Рис. 85. Клио (увеличен раза в 2).

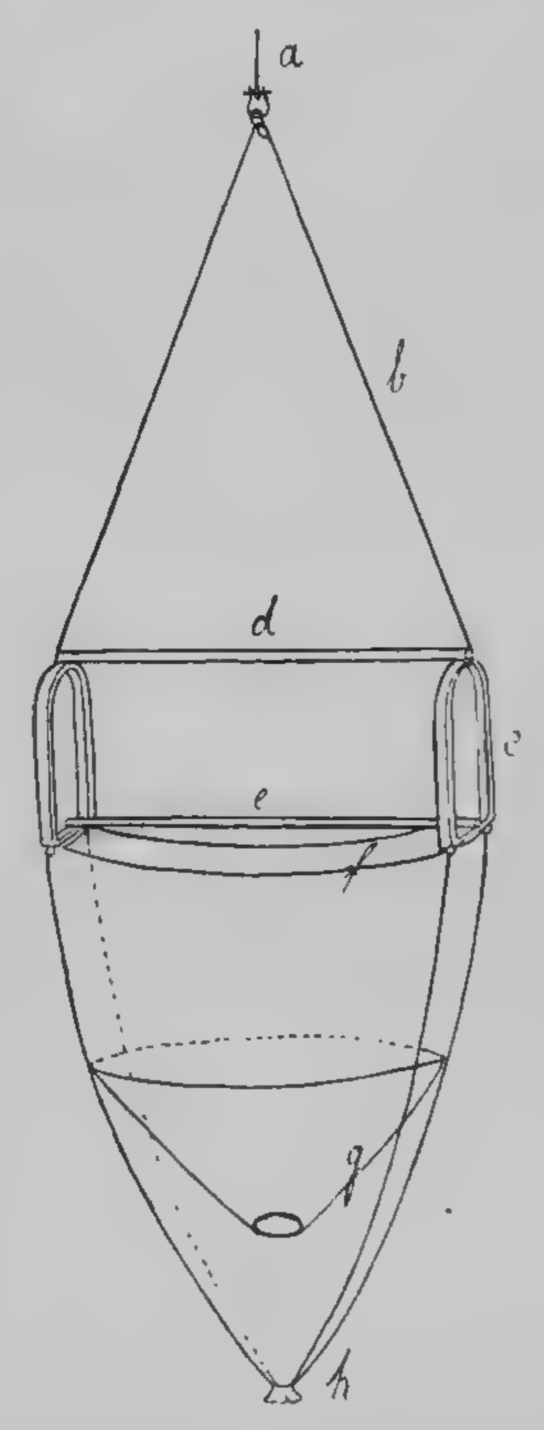

Рис. 86. Трал Сигсби. *c*, *d*, *e*—рама; *g*—внутренний конический мешок; *a* и *b*—тросы, к которым привязывается трал.

Драга на иловом или песчаном грунте обыкновенно сильно врезывается в дно и дает только тех животных, которые живут в самом грунте; все же мелкие организмы,

держащиеся у дна, в таких случаях почти не попадают в нее. Трал Сигсби дополняет в подобных местах результаты, даваемые драгой, так как он не зарывается в грунт, а идет по нему. Он состоит, как и драга, из прямоугольной железной рамы, но без ножей; боковые края рамы, заплетенные сеткой, выступают вперед, не позволяя уходить в стороны животным, потревоженным приближением трала. К раме прикреплена сетка с внутренним, как и у оттертролля, мешком. У нас эти орудия были двух размеров: длина рамы одного была около 6 футов, а другого — 4 фута. Добычу трала Сигсби составляют мелкие рыбы, ракообразные, иглокожие и другие некрупные животныя (рис. 86).

Уж 16-й день мы были в море! 16 дней болтали нас океанические волны! Работа шла непрерывно, как в хорошо заведенной машине. Все мы с нетерпением ждали возвращения. Нас утомила не работа, а море: для сухопутного человека тяжело не видеть 16 дней земли! Кроме того быть 16 дней отрезанным от всего мира тоже тяжело. Только испытавший это поймет, какие мысли и ожидания охватывали нас в этот момент!

Мы сидели в кают-компании за обедом. Наши пищевые запасы истощились: уже давно не было мяса и свежего хлеба, морские галеты (сухари) составляли теперь наше меню. Новый провиантмейстер напрягал все свои способности, чтобы сделать стол более разнообразным: но неблагодарная кают-компания редко выражала похвалу его изобретательности.

— Господа, открылся берег!—заявил только что спустившийся к нам Александр Петрович.

Почти все мы бросились на капитанский мостик. Так мил и дорог был нам берег! Но как ни напрягали мы наши глаза, ничего, кроме однообразно вздымающихся, серовато-мутных волн различить не могли.

— Где же берег?— с разочарованием спрашивали мы.

— А вот посмотрите сюда, — сказал Василий Николаевич, протягивая призматический бинокль.

Я посмотрел в указанное место и увидел на горизонте едва заметную темную полоску. Никогда бы я не подумал, что это берег.

Когда я после обеда поднялся на мостик и посмотрел в бинокль в ту сторону, где должен показаться берег, я уже ясно увидел береговые скалы; они как будто выдвинулись из морской пучины. Что-то ждет меня там на берегу? Какие вести, какие новости? Ведь 16 дней — срок вполне достаточный для того, чтобы произошли самые крупные и важные события!

Рис. 87. Береговой знак.

Вот и последняя станция! Лаборатория убрана. Мы все разбрелись по каютам и приводим себя в береговой вид; сбрасываем высокие сапоги и теплые фуфайки, переодеваемся в обыкновенный костюм и моемся, моемся без конца.

На капитанском мостике оживление. Там тоже с нетерпением ожидают берега.

Вот уже ясно видны береговые знаки, показывающие вход в залив. Ласково встречает нас земля! Тонкий аромат цветов доносится к нам легким береговым ветерком. Солнце, которого мы не видели больше двух недель, ярко освещает и засиневшее море и зеленеющие берега (рис. 87).

— А механик здорово пару пустил! — говорит Александр Петрович, глядя на часы и считая по звуку обороты винта.

— Убрать лаг! — раздается команда.

— Есть, убрать лаг! — откуда-то снизу доносится ответ вахтенного матроса.

— Боцман!

— Есть!

— Свистать всех на верх, на якорь становиться!

— Есть!

Мы входим в Кольский залив. Василий Николаевич с боцманом уже продувают якорную лебедку.

С шумом разрезая водную гладь, входит «Андрей Первозванный» в Екатерининскую гавань. Снова с сосредоточенным видом окидывает Александр Петрович расстояние до берега, выбирая место, где должен лечь якорь.

— Отдать якорь!

Гремит якорная цепь! Вздымая целые снопы брызг, падает якорь в воду!

А на берегу уже стоят наши товарищи, улыбаясь нам и помахивая целой пачкой газет и писем!

ГЛАВА XVIII.

Кит.

— Кит, кит! Смотрите, вон там он только что выбросил свой фонтан! — неистово кричал Марк Николаевич, указывая рукой в море.

Встреча с китами вообще не представляла редкости. Но когда я первый раз услышал этот крик, мое сердце забилось и, бросив работу, я начал смотреть в указанном направлении. Увидеть кита, этого колосса Ледовитого океана, казалось мне чуть ли не счастьем.

В это время мы стояли на станции. Только что был поднят оттертролль и начался спуск пелагической сетки.

Минут 10 смотрел я в слабо волнующуюся поверх-

ность океана и начал уже думать, что Марк Николаевич ошибся. Но вот среди волн показалось что-то черное, выпуклое и блестевшее, как хорошо вычищенный сапог; тонкая струйка воды блеснула в воздухе и рассыпалась белым облачком, а вслед за ним послышался какой-то странный звук, напоминающий глубокий, отрывистый вздох. После этого все снова скрылось.

— Обождите, он скоро подойдет к пароходу! — сказал капитан, заметив наше волнение.

Действительно, следующий фонтан был выброшен гораздо ближе, а затем мы увидели кита уже возле самого парохода. Это был не гренландский кит и не синий кит, — самые громадные из китов, а полосатик, названный так потому, что вдоль его тела с брюшной стороны тянутся складки кожи в виде продольных полос. Трудно было на глаз определить его величину, но, вероятно, в длину он был не меньше 12 метров. В прозрачной воде было ясно видно, как он плавал, как, нырнув, уходил под пароход и появлялся у другого борта, как раскрывал свою огромную пасть с висевшими в ней пластинками уса. Что привлекало его к пароходу? Быть может, он видел в нем нечто сродное себе?!

Я смотрел на кита, и в моей памяти вставала картинка, которую я так хорошо помнил по хрестоматии, служившей мне когда-то для чтения: на горизонте, освещенном северным сиянием, стоял парусный корабль, а на первом плане — чудовищно-громадный кит, окруженный несколькими лодками; одну из них он подбросил высоко вверх, но в это время к нему подходила другая лодка, и стоящий на носу бородатый матрос уже поднимал гарпун, собираясь бросить его в кита. И лодки, и люди, и особенно гарпун были так ничтожны по сравнению с колоссальной громадой кита, что я всегда недоумевал, как могли они справиться с ним.

— Василий Николаевич, — обратился я к старшему

штурману, тоже следившему за китом,—вы плавали на китобойном судне?

— Нет! А что?

— Мне хотелось бы узнать, как на них теперь охотятся? Я знаю, что теперь существуют особые китобойные пароходы, но я не могу себе представить, как они убивают такое большое животное!

— У нас есть матрос, Николай, который раньше плавал на китобоях. Обратитесь к нему!

Рис. 88. Китобойный пароход.

В ближайшее воскресенье я дежурил у лаборатории, измеряя температуру воды на поверхности, а Николай был вахтенным. По воскресеньям для команды судовых работ не было, и вахтенные в промежутке между станциями были свободны. Я начал расспрашивать Николая о его плавании. Он очень охотно поделился со мной своими впечатлениями.

— Я давно уже плаваю на пароходах,—начал Николай.—Был я матросом на одном из мурманских пароходов и не поладили мы сначала с боцманом, а потом и со штур-

маном. Вижу я, что здесь мне не ужиться, и начинаю везде спрашивать, не нужен ли куда матрос. Пришли мы раз в Варде. Один знакомый и говорит мне, что спрашивали матроса на китобойный пароход. Что ж думаю, почему не посмотреть, как китов бьют! Пошел я к капитану... Кое-как, то по-русски, то по-норвежски, а сговорились мы с ним, и я тогда же перешел с мурманского парохода на норвежский. Пароход небольшой, меньше нашего «Андрея», но крепкий (см. рис. 88). На полубаке [1]), где у нас якорный брашпиль [2]) стоит, поставлена небольшая пушка вроде тех, может видели, какие на миноносках бывают: от дула назад выступ идет, как у пистолета; когда стреляют, берут ее в руки и целятся, поворачивая дуло вправо и влево, или опуская и поднимая его (рис. 89). Один человек, как угодно, может поворачивать эту пушку. Нагрузивши уголь, вышли мы из Варде. Несколько дней ходили по морю, все кита в подзорную трубу гарпунер выглядывал. Наконец, увидели и начали гоняться за ним. Большой был кит и все увертывался от нас. А пушку уже зарядили! Положили в нее порох, а вместо гранаты или там шрапнели вставили спереди гарпун.

— Как же он устроен?—перебил я рассказчика.

— А вот обождите, все расскажу. Гарпун—довольно толстая и тяжелая железная палка, немного длиннее дула пушки. На переднем конце ее укреплены две скобы на шарнирах. Когда гарпун летит, они прижаты к нему, когда же кит дернет и потянет гарпун, они отгибаются, и гарпун застревает в его теле. На палке гарпуна находится кольцо, к которому привязывается линь. При заряжении пушки, кольцо оказывается впереди, у конца дула; когда же гарпун вылетит из пушки, кольцо отодвигается назад и остается на конце палки гарпуна. Но самая важная

---

1) Возвышение у самого носа.

2) Лебедка.

часть гарпуна — это разрывной снаряд; он навинчивается впереди загибающихся боковых скоб и устроен так, что разрывается уже тогда, когда гарпун вонзится в тело кита.

«Завидев кита, зарядили пушку, вставили в нее гарпун и к кольцу привязали тонкий, но очень крепкий линь, который тут же лежал смотанным в бухту[1]). Гарпунер стал возле пушки и приготовился стрелять. Но

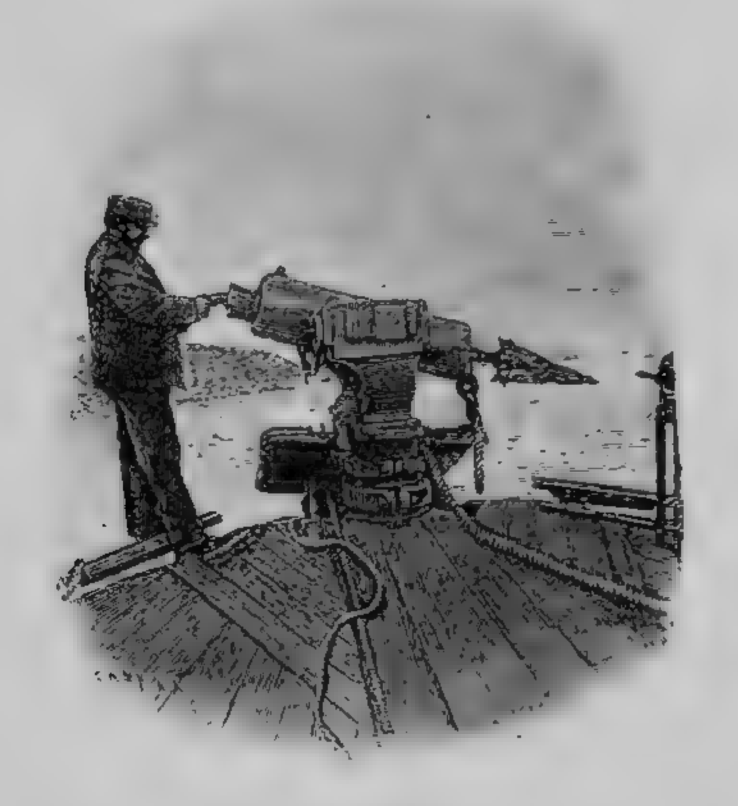

Рис. 89. Пушка.

не так просто убить кита! Иной раз он показывался и близко, да неудобно было стрелять в него, а иной раз всплывая над водой прямо боком к пароходу, но далеко, гарпун не долетит. Долго гонялись мы за ним и таки добились своего. Вынырнул кит перед пароходом как раз так, что почти вся спина его показалось над водой... Гарпунер нацелился и выстрелил; как стрела полетел гарпун, разматывая линь (рис. 90). Кит нырнул, но недолго оставался под водой: скоро он всплыл; хорошо,

---

[1]) Кольцо.

видно, нацелился гарпунер, и разрывной снаряд попал в такое место, что сразу убил кита. А то, говорят, бывают случаи, когда и три, и четыре раза приходится стрелять, прежде чем убьют его.

«Пароход подошел к киту. Спустили шлюпки и, обхватив его цепями, привязали к борту парохода; так и поволокли в Варде. Медленно шли мы. Хорошо еще, что погода тихая была, а то в бурю плохо бы пришлось нам!

Рис. 90. Выброшенный пушкой гарпун попал в тело кита.

— А что же потом с ним сделали?—спросил я.

— Когда пришли в Варде, сняли цепи и стали ждать прилива. В большую воду зацепили кита крюком и начали подтягивать к берегу. Когда вода спала, кит оказался на суше перед заводом (рис. 91). Тут только я его хорошо рассмотрел. Вот как пароходы или корабли обрастают под водой, так и на нем были разные ракушки.

«Тут и мы, матросы, и рабочие с завода начали его разделывать.

Рис. 91. Кит, вытащенный на берег.

— Что же, кожу снимали?

— Нет, кожа у него тонкая, и ни на что не годится. А жиру под кожей много было! В иных местах, пожалуй, больше фута в толщину. Сняли жир и сейчас в котлах начали перетапливать. Усы изо рта тоже вырезали.

— А что же с мясом и с костями сделали? Выбросили их?

— Зачем? Их тоже сначала в котлы бросают, чтобы и из них жир вытопить, а потом их в особых мельницах перемалывают. Получается гуано, как песок; его на поля вместо навоза употребляют.

— Ну, а выгоден этот промысел?

— Очень выгоден, если, конечно, кита скоро встретишь. На заводе говорили, что с убитого нами кита получили продуктов разных тысяч на 6 или 8 рублей.

— И долго вы плавали на китобойном пароходе?

— Нет, не понравилось мне. В море еще ничего, но на берегу уж очень работа грязная, когда кита разделывают. Как услышал я в Варде, что к вам, на «Андрея» матрос требуется, сейчас же ушел с китобоя.

ГЛАВА XIX.

На берегу.

Как приятно после длинного рейса итти по земле и ощущать под ногами не постоянно колеблющуюся палубу, а твердую землю.

Я забираюсь на самую вершину Екатерининского острова и, улегшись на пестром ковре из мха и цветов, одно за другим читаю полученные письма. Хотя авторы их находятся от меня за тысячи верст, и некоторые письма написаны чуть не месяц тому назад, я живо переношусь на юг, совершенно забывая об окружающей действительности.

К вечеру все собираются в береговую лабораторию, часть которой превращена в столовую. Несмотря на окружающие нас приборы для анализов и банки с коллекциями, так уютно сидеть за столом, на котором блестит самовар, мурлыкающий свою тихую песню!

Мы еще не читали газет и поэтому с напряженным вниманием слушаем рассказы о том, что произошло в мире за этот промежуток времени. Шумно и оживленно обсуждаются все совершившиеся события.

Скоро полночь. Я сижу у себя в каюте и не боюсь за стоящие на столике стакан чаю и чернильницу — обстановка, необычная для каюты. Нужно написать письма, так как завтра придет почтовый пароход.

Какое наслаждение - раздеться совсем, как дома, и заснуть до утра с мыслью, что никто не разбудит на вахту.

С утра снова кипит работа! Одни приводят в порядок черновые дневники, занося все сделанные во время рейса наблюдения в журналы, другие перевозят с парохода собранные коллекции и пробы воды в береговую лабораторию, а третьи помогают Николаю Михайловичу более детально рассортировать некоторые сборы (рис. 92).

Я с одним из товарищей, захватив батометр Петерсона, отправился «на бочку» брать серию температур.

По средине Екатерининской гавани в самом глубоком ее месте (около 50 метров) был брошен «мертвый» якорь, к цепи которого была прикреплена железная бочка. В течение круглого года через известны промежутки времени у этой бочки определялись температуры на различных глубинах.

Привязав шлюпку к бочке и снарядив приборы, мы начали работу.

Я страшно удивился, когда мы получили придонную температуру: она равнялась всего лишь $+0{,}3°$!

В открытом море, хотя бы перед входом в Мотов-

Рис. 92. В береговой лаборатории.

ский залив, в это время года на глубине 50 метров было по меньшей мере +4° или +5°, а здесь почему-то +0,3°?

Все остальные температуры были не менее удивительны... Вот они:

0 метр.	5 м.	15 м.	25 м.	35 м.	49 м.
+12,0	+7,8	+6,1	+1,4	+0,4	+0,3

Меня так заинтересовала эта серия, что я сейчас же по возвращении с работы пошел в лабораторию к Николаю Михайловичу и просил объяснить мне, в чем тут дело.

— Видите ли, — начал Николай Михайлович, — такая, повидимому, несообразность происходит оттого, что Екатерининская гавань представляет собою котловину, отделенную от Кольского залива, а, следовательно, и от океана барьером, находящимся при входе в гавань. Глубина в этом месте не превышает 20—25 метров. Вследствие этого приливная и отливная волны вносят и выносят из гавани только ту воду, которая находится выше этого уровня. В поверхностных слоях вы поэтому и нашли воду с довольно высокими температурами. На глубинах же, больших 20 метров, вода гавани не обменивается с водою океана, и здесь температуры, как видите, значительно ниже. Нечто подобное встречаем мы в Белом море. Оно тоже представляет собою котловину, отделенную от океана барьером... И вот, поверхностный относительно тонкий слой метров в 20 является сильно нагретым — от +5,0° до +13° с лишним, но уже на 40 метр. глубины наблюдается 0°, а ниже идут отрицательные температуры, на 100 метрах, напр., — 1,5°. Такую картину мы наблюдали в августе. Едва ли можно допустить, чтобы поверхностное нагревание в течение осени и зимы в значительной степени передавалось нижележащим слоям. Таким образом в глубинах Белого моря мы действительно находим холодную область с температурами, неизменно

остающимися ниже 0°. До работ нашей экспедиции существовало мнение, что и моря, омывающие север Европы, относятся к настоящей холодной области, но теперь мы можем утверждать, что бо́льшая часть Мурманского моря (а, может быть, и все или почти все оно), а также значительная часть Баренцова моря имеют в известное время года придонные температуры выше 0°.

— Я не понимаю, Николай Михайлович,—сказал кто-то из товарищей,—какое может иметь значение изучение температур и соленостей для промысла?

— Очень большое!—отвечал Николай Михайлович.—Уже теперь мы знаем, что промысловая рыба, и особенно треска, встречается преимущественно или в области теплого течения и его ветвей и непосредственном соседстве с ними, или же в прибрежном районе—области значительных летних повышений температуры. В холодных областях промысловая рыба и особенно треска встречается и редко, и в малом количестве. Теперь для нас после открытия ветви Гольфстрема севернее 75° с. ш. вполне ясно, почему, напр., в одном из рейсов под 75° с. ш. встретили треску в значительном количестве.

— А наш знаменитый лов в разведочной экспедиции тоже ведь происходил в области теплого течения!—добавил зашедший в лабораторию Александр Петрович.

— Да, это прекрасный пример!—продолжал Николай Михайлович.—У берегов рыбы еще совсем не было, а в области теплого течения (мы теперь знаем, что это была самая южная ветвь Гольфстрема) можно было производить прекрасный лов. Мы теперь уже твердо знаем, где нужно искать рыбу ранней весной. И если бы наши промышленники обладали другими судами, то промысел можно было бы начинать вдали от берегов гораздо раньше, чем он начинается теперь. Благодаря именно гидрологическим работам удалось разрешить, пока только в общем виде, самый основной вопрос жизни здешних промысло-

Рис. 93. Прилегающая к океану часть Кольского залива.

вых рыб: они направляются в область Мурмана именно по теплому течению; передвигаясь на восток, громадные стаи рыбы начинают в то же время приближаться и к берегам.

Мы слушали, и ничего не говорящие температурные данные оживали перед нами! Мы начинали понимать, что как климат суши с его воздушными течениями—ветрами имеет громадное значение в жизни наземных животных и растений, так и климат моря с его течениями обусловливает жизнь морских животных. Только благодаря подобным ярким примерам убедились мы, как чисто научное исследование океана может иметь громадное практическое значение. Мне вспомнились теперь слова Николая Михайловича, сказанные мне когда-то давным-давно, что в основе научно-промысловых исследований должно лежать строго научное исследование промыслового района, и что только глубокое всестороннее знание природы промысловых вод может дать прочную основу для вполне целесообразного использования их естественных богатств.

Подобные беседы, конечно, не проходили для нас бесплодно. Никакие лекции, никакие книги не могли нам дать того, что давало общение с жизнью океана под руководством такого исследователя, как Николай Михайлович.

Особенно памятны мне воскресения. Этот день проходил у нас очень разнообразно: мы делали большие сухопутные прогулки, прогулки на шлюпках по губам Кольского залива, иногда собирались и устраивали импровизированные концерты на балалайках и т. д.

Как сильно влияет ветер на растительность! Берега Кольского залива, прилегающие к океану—голые скалы, слегка только покрытые растительностью: лишаи, мхи и травы—вот все, что оживляет в этих местах мрачную поверхность гранита (рис. 93). Но стоит уйти на несколько верст в глубь страны, стоит попасть в область, хоть не-

много защищенную от ветра, как картина сразу меняется: начинают появляться низенькие, корявые деревья. Уже недалеко от Александровска во время одной из прогулок мы нашли сосну, самую северную сосну в России (рис. 94).

Рис. 94. Самая северная сосна в России.

Я любил в хорошую погоду выезжать в шлюпке в окрестности гавани. Подъедешь, бывало, к почти отвесно спускающейся в море скале, бросишь весла и смотришь в воду. Вода прозрачная, прозрачная! Целое волшебное подводное царство открывается перед глазами. Вот медленно, медленно, едва заметно, ползут по камням морские звезды; балянусы, раскрыв створки своего панцыря, непре-

рывно двигают своими усиками, производя хватательные движения; красивыми подводными цветами выглядят актинии, распустившие свои щупальцы; вот целый лес буровато-зеленых фукусов тянется вверх, к свету, а между ними шныряют различные ракообразные и мелкие рыбки. Точно громадный морской аквариум пред вами. Ласково греет солнце! Смотришь и мечтаешь, мечтаешь без конца.

— Константин Павлович!—раздается откуда-то сверху.

Поднимаю глаза и вижу высоко на скале—Марк Николаевич.

— Идемте купаться!

Я сначала не понял, о чем идет речь. Вдруг на Мурмане—купаться?!

— Куда?—с удивленьем спрашиваю я его.

— Здесь за Екатерининским островом я нашел бухточку. Дно чистое, чистое, песчаное и вода очень теплая! Идемте, выкупаемся!

А ведь и вправду заманчиво! Я гребу к пристани. Скоро мы с полотенцами и на всякий случай с термометром идем купаться.

Действительно, чудное место нашел Марк Николаевич. Лучшего для купанья и придумать трудно. Нигде ни раньше, ни позже я не видел в местах для купанья такой кристально-чистой воды. А дно—один восторг!

Мы измерили температуру... 14°! Быстро раздевшись, мы бросились в воду...

Я не помню, как я вылетел обратно. Вероятно, на это потребовалось очень немного времени! Дело в том, что поверхностный слой воды в бухточке действительно нагрелся, но глубже температура была, вероятно, совсем неподходящая для купанья. Ощущение было такое сильное, что мы, сами не зная почему, долго, долго хохотали и, как ни старались, не могли удержаться от хохота. Дрожим, одеваемся и хохочем, хохочем без конца!

Так неудачно окончилась наша опытка искупаться в водах Северного Ледовитого океана.

Вероятно, в другом месте мы поплатились бы за нее. Здесь же все прошло без всяких последствий: настолько здесь в воздухе мало бактерий.

По этому поводу мне вспоминается, сколько раз приходилось быть здесь на холоде мокрым с головы до ног, и никогда ни кашля, ни насморка! Когда мы уходили в длинный рейс, на пароход привозили целую тушу быка, вешали ее на ванты и только прикрывали парусом. Неделю и больше оставалось мясо на воздухе и никогда не портилось. Едва ли можно приписать это влиянию низкой температуры, так как обыкновенно в воздухе всегда бывало не менее $+5° - +6°$. Приходится и это явление объяснять отсутствием в воздухе гнилостных бактерий.

— Господа, поедемте завтра на шлюпке в Среднюю губу!—предложил Николай Михайлович в один из промежутков между рейсами.

Мы все с восторгом откликнулись на эту мысль.

— К «Тун-фиске» в гости! — заявил Александр Петрович.

— Что это за «Тун-фиска»?—спросил я.

— А вот увидите интереснейшего человека!

— Но почему же вы его какой-то «Тун-фиской» называете? Неужели это его фамилия?

— Это один колонист, швед. Его фамилия Ш. В прошлом году в его сети, выставленные для лова семги, попался тунец. Какими судьбами занесло эту рыбу среднеевропейских вод сюда, на север,—трудно сказать. И Ш. был так поражен своей находкой, что приволок ее сейчас же к Николаю Михайловичу... Представьте себе здоровеннейшего мужчину (как он говорит по-русски, завтра услышите!), который бежит, запыхавшись, с пристани, размахивает руками и не переставая повторяет: «Тун-фиска! Тун-фиска!». А как он надоел нам потом этой своей

тун-фиской! Когда бы его ни встретил, прежде всего разговор идет о тун-фиске. Так мы его «Тун-фиской» и прозвали!

На следующий день большой компанией разместились мы в парусной шлюпке. На руле сидел Александр Петрович, а мы в качестве матросов под его командой управляли парусами. Пользуясь приливом, мы перешли через покрытую водой перейму и вышли в Кольский залив.

Какой чудный день! Тепло, как в хороший майский день где-нибудь у нас в центральной России! Яркое, солнце освещало зеленеющие скалы и синюю, синюю гладь залива. Тихий ветерок, надувая паруса, незаметно нес нашу шлюпку к противоположному берегу, ясно выделявшемуся на горизонте. А какой удивительно чистый воздух! Как легко, полной грудью дышалось здесь на воде.

Шум; остроты, смех раздавались без конца.

Мы не заметили, как переплыли залив и вошли в Среднюю губу (рис. 95).

Нас очень приветливо встретил «мистер Ш.», как его здесь все величали. Его «русский» язык, действительно, был поразителен; приходилось употреблять все усилия, чтобы не расхохотаться, а тут еще Александр Петрович смешил нас.

Мы долго лазили по скалам, покрытым массой цветов. Здесь, вдали от открытого океана, чаще попадались и корявые березки, и рябина. Недалеко от жилища мистера Ш. протекает река и на ней невысокий, но удивительно красивый водопад (рис. 96). Поднимаясь вверх по реке, мы дошли до озера, из которого она вытекала.

Трудно не только описать, но и представить себе, как все это было поразительно и величественно, и вместе с тем красиво. Величествен и красив Нордкап, но там—дикая, суровая, грозная красота. Здесь же в этот яркий солнечный день исчезла вся суровость северного ландшафта... На небольшом пространстве мы могли наблю-

Рис. 95: Вид в Средней губе.

дать и широкий залив, и устье реки, и водопад, и величественно поднимающиеся отвесные скалы берега! (рис. 97). А вдали с возвышенных точек видна была беспредельная, широкая, мощная поверхность океана! Обыкновенно, говоря о севере, всегда указывают на бедность его красками... Как несправедливо такое суждение! Какая масса оттенков, какое разнообразие освещения, какая яркость тонов! По крайней мере в этот день и в этом месте.

Рис. 96. Водопад в Средней губе.

Здесь же, в Средней губе я впервые увидел жилище лопарей—низкую, темную землянку (рис. 98); приходится только удивляться, как могут они проводить в ней суровую полярную зиму.

К вечеру мы сидели в гостиной мистера Ш., ели вкусную сочную семгу и слушали рассказы о его жизни. Сумел же человек и здесь устроиться хорошо! Вся обстановка его указывала на значительный достаток. А

сколько заманчивых сторон в такой жизни, какую вел он в непосредственной близости к природе!

Рис. 97. Скалы в Средней губе.

Уже к ночи мы выбралися из Средней губы. Ветер стих, и совершенно спокойные воды залива, освещенные розовато-оранжевым отблеском спустившегося к гори-

зонту полуночного солнца, расстилались пред нами, как огромное зеркало, отражая в себе скалы берега. Полная тишина! Хотя и светит солнце, но в эти часы даже и птицы где-то притаились. Природа спит среди полуночного дня!

Мы подняли паруса, но они бессильно висели, и это еще более усиливало впечатление полного покоя. Пришлось взяться за весла... Поднятая ими рябь всколыхнула зеркало залива: заколебалась неподвижная гладь моря, а отражавшийся в ней берег, как-то странно извиваясь, начал медленно удаляться.

Сначала дело шло хорошо, так как мы сильно навалились на весла, но очень скоро все устали. Первым запротестовал Владимир Константинович С., большой юморист; он заявил, что грести больше не может, так как у него «заблуждающая почка».

— Это еще что такое?—спрашивал Николай Михайлович среди всеобщего хохота.

— А вы не слышали? Это мистер Ш. рассказывал нам, что у одной его родственницы — «заблуждающая почка». Тогда вы не слышали и рассказа о его работнике?

— Нет. А что?

Александр Петрович скорчил уморительную физиономию и, подражая Ш. голосом и жестикуляцией, начал:

О, это ошень петная парень! Ему маменька умерил сейшас, а папенька ему умерил тва кóта опратнó!

Взрыв хохота, какой, вероятно, никогда не раздавался в этих местах, огласил воздух. Хохотали все, хохотали до боли в животе!

А шлюпка наша спокойно стояла среди залива. Не было и намека на ветер. Мы уговорились грести по-очереди по 15 минут; но и при этом мы медленно подвигались вперед. Пока одна смена гребла, другая хохотала, рассказывая анекдоты и смешные случаи из жизни.

— Что вы, господа, смеетесь над языком мистера Ш.?

Рис. 98. Землянка лопарей.

Он изучал его за полярным кругом, — говорил один из нас. — А вот каким языком наш учитель немецкого языка диктовал нам текст работы. Входит в класс, усаживается и начинает: «Один матрозе, прогулеваясь на берегу, нечто отдаленно увидел львицу. Но которое же ему было удивление, когда львица кладилась ему у ног и, льстя ему, о помощи умоляла... Умолять — anflehen, an — у, flehen — молять! Пишите!»

И снова хохот. Гребцы бросили весла и тоже хохочут без конца.

Кое-как часам к 3—4 утра добрались мы до Екатерининского острова. Тут—новая беда: ушли мы во время прилива, теперь же был отлив, и через перейму перейти нельзя. Пробовали пристать к берегу, но наша шлюпка садилась на мель саженях в трех от суши. Что было делать? Неужели итти на веслах кругом Екатерининского острова?

Пример храбрости показал наш капитан. Он прыгнул со шлюпки и сразу очутился по пояс в воде.

— Садитесь ко мне на плечи, я перенесу вас на сухое место!—предлагал он нам.

Кто-то согласился и взгромоздился на широкую спину Александра Петровича, который храбро зашагал к берегу, тяжело переступая в воде по усеянному камнями дну. Но он не сделал и 5 шагов, как произошла катастрофа: Александр Петрович поскользнулся и вместе со своей ношей полетел в воду... Мокрые, дрожа от холода, фыркая и отплевываясь, они под общий крик и хохот, уже не выбирая теперь дороги и без всякой осторожности, направились к берегу и скоро были на суше.

Очередь была за нами. Как ни неприятно было лезть в холодную воду, но теперь уже никто не думал переезжать на чьей-либо спине. Поднимая миллионы брызг и подбадривая друг друга, мы начали прыгать в воду!

Скорее домой, на пароход!

Вода была очень холодная, но эта вынужденная ванна для всех прошла бесследно: ни насморка, ни кашля!

Благодатный север!

ГЛАВА XX.

Маленький рейс.

В промежутках между большими рейсами часто предпринимались кратковременные выходы в море на 1, 2 и 3 дня. Особенной популярностью у нас пользовалась губа Ура, глубоко вдающаяся в материк около входа в Мотовский залив.

— Завтра пойдем в Мотовский залив и в губу Уру,— сообщил как-то нам Николай Михайлович.—Как у нас в лаборатории, посуды и реактивов достаточно?

— Посуды хватит и на два таких рейса, а спирта и формалина нужно будет приготовить!

У нас всегда в небольших аквариумах жили более интересные из животных, и матросы в свободное время любили заходить полюбоваться невиданным зрелищем.

Было как раз свободное время после обеда, и в лаборатории человек 5 молодых матросов с удивлением глядели на привезенных с прошлого рейса головоногих моллюсков, двух небольших полярных каракатиц (рис. 99) и одного осьминога (рис. 100). Особенно интересовали всех каракатицы. Присосавшись ко дну своими щупальцами, они действительно напоминали каких-то морских чудовищ. Засучив рукав, я хотел поймать одну из них... Моя рука была совсем уж близка к цели, но вдруг каракатица выпустила свои чернила, вода помутилась, и я схватил пустое место. Когда муть осела, каракатица уже сидела в другом углу, блестя своими большими, зелеными глазами. Осьминог был не менее увертлив, но у

него не было чернильной железы, и он не мог скрываться так, как каракатицы.

— Вишь, как мути-то напустила, так и не видать ее!—слышались замечания.

— Да вот и поймай ее!

— А что она ест?—спросил кто-то.

— Других животных, иногда даже рыбок маленьких ловит,—отвечали мы.

— Ишь, какая! других, значит, ест, а сама муть пускает, чтобы ее никто не съел!

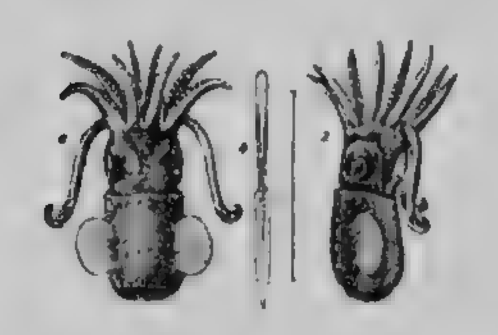

Рис. 99. Россиа—полярная каракатица. 1—вид со спины, 2—вид сбоку, 3—раковина ее.

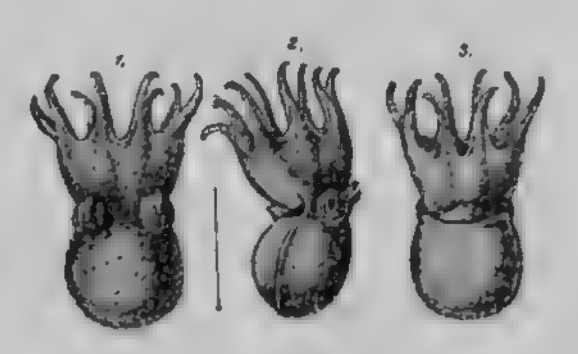

Рис. 100. Осьминог. Вид со спины сбоку и снизу.

— А вот я читал, и нарисовано было, как такая каракатица, или похожая на нее, целый корабль в море утянула!—сказал один из матросов.

— Ну, это — сказки! Попадаются изредка большие осьминоги—спруты, но таких, чтобы корабль или лодку могли утащить, не бывает.

Мы приготовляли растворы спирта и формалина, а матросы долго еще толковали о наших пленниках.

Утром на следующий день мы были в море. В подобные рейсы все шли, как на прогулку: качать не будет, напряженная работа, если и предстояла, то на очень непродолжительное время.

Перед входом в Мотовский залив взяли серию температур.

— Для чего, Николай Михайлович,—спросил один

из товарищей,—в этом месте так часто производят температурные наблюдения?

— А для того,—отвечал Николай Михайлович, раскрывая один из рабочих журналов,—чтобы проследить

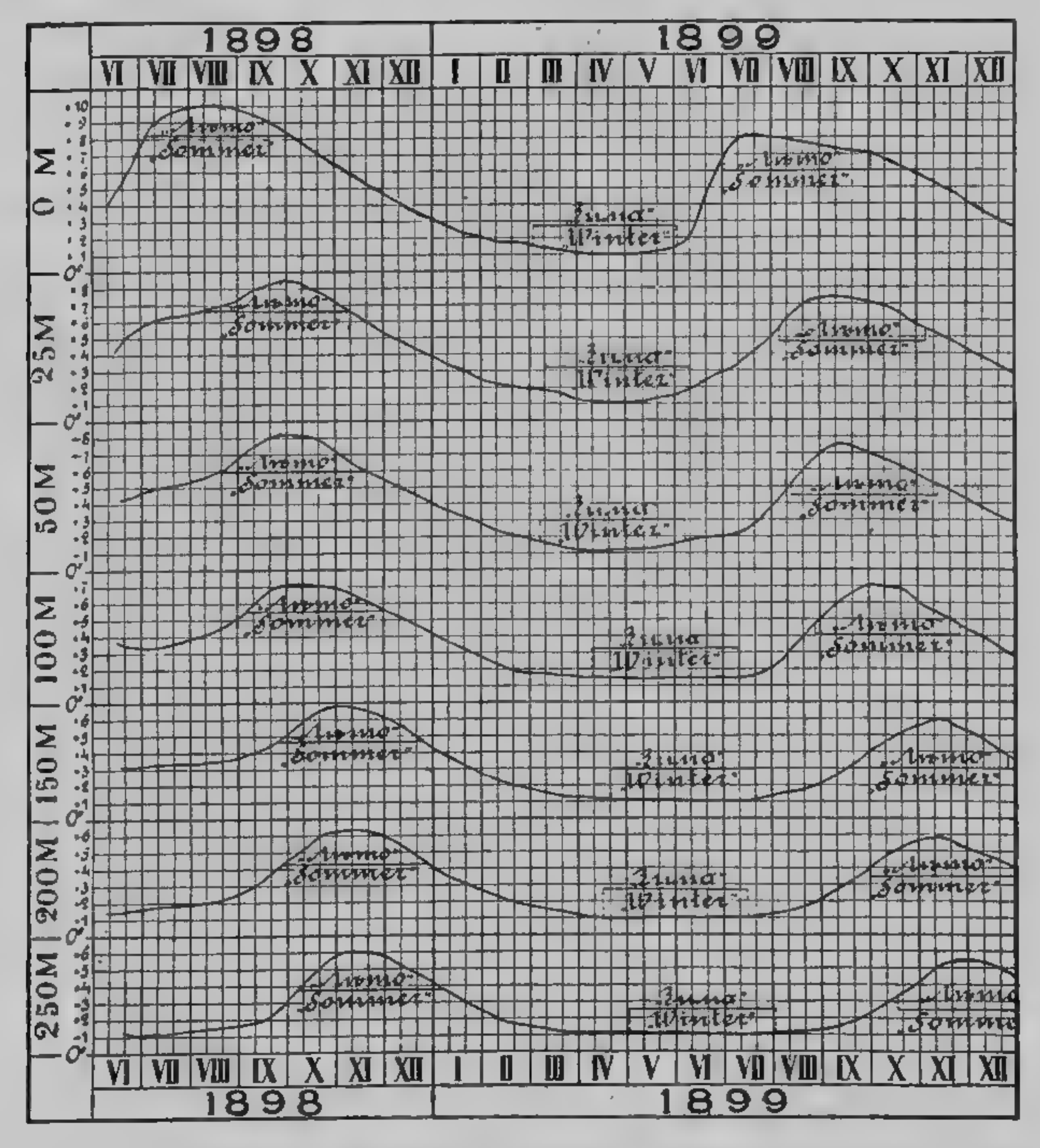

Рис. 101. Годовой ход температур на различных глубинах пред входом в Мотовский залив.

изменения температур на различных глубинах в течение круглого года. Вот смотрите, у меня здесь вычерчены кривые температур как раз этого места за 2 года (рис. 101).

Для того, чтобы более наглядно представить на чертеже, на какое время года падает на различных глубинах наи-

Рис. 102. Промывка ила.

большее нагревание и наибольшее охлаждение, на нем отмечены под названием «лето» и «зима» три самых теплых и самых холодных месяца. Вы видите, как запаздывает «лето» и «зима» на глубине! Как, следовательно, медленно передается

в глубоко лежащие слои поверхностное нагревание. Вот, напр., в 1898-м году на поверхности самыми теплыми месяцами были VII, VIII и IX месяцы, т.-е. июль, август и сентябрь (по новому стилю), а на глубине 250 м.—X, XI и XII, т.-е. октябрь, ноябрь и декабрь!

— Следовательно, наш мурманский промысел происходит как раз в то время, когда у дна—«зима»?

— Совершенно верно!—отвечал Николай Михайлович.—И все же, как мы видели, приближение рыбы к Мурманскому побережью стоит в самой тесной зависимости от теплого течения!

После температурной серии спустили оттертролль; он пришел перегруженный илом, среди которого было до-

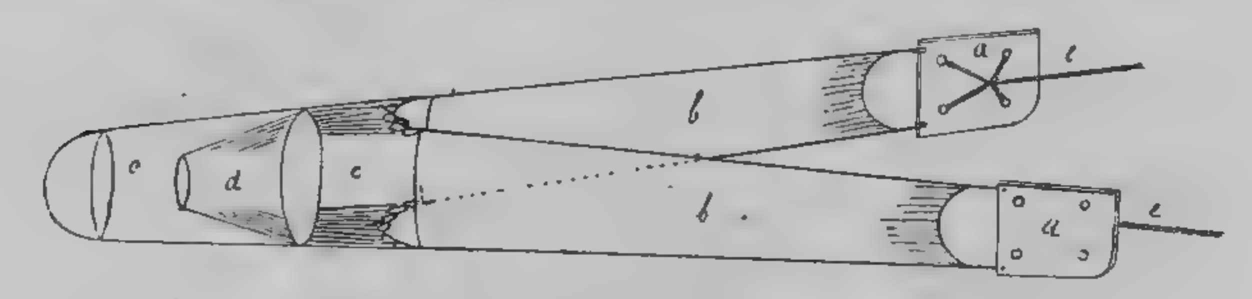

Рис. 103. Трал Петерсена.

вольно много рыб и других крупных животных. В данном случае трал шел, как исполинская драга. Чтобы получить мелких животных, пришлось принесенный ил класть в решета и промывать под струей воды, накачиваемой машиной (рис. 102). Я вспомнил, как медленно и тяжело шло промывание ила на «Поморе»... Как легко и быстро делалось все это на «Андрее Первозванном»!

Пока мы возились над материалом, принесенным тралом, пароход пришел в Ура-губу. Длинный и довольно узкий фиорд с гранитными, куполообразно сглаженными берегами, покрытыми ярко зеленевшей на солнце растительностью напоминал красивое озеро. Только отсутствие деревьев заставляло вспоминать, что мы на крайнем севере, а не в более южных широтах.

Начали готовить трал Петерсена. Это тот же оттертроль, но гораздо меньших размеров, с мелкой ячеистой сеткой и с одинаковой длины верхней и нижней подборами (рис. 103).

Когда после получасового лова его подняли на палубу и развязали мотню, из нее высыпалась целая груда чего-то красного... Тысячи, десятки тысяч красных жи-

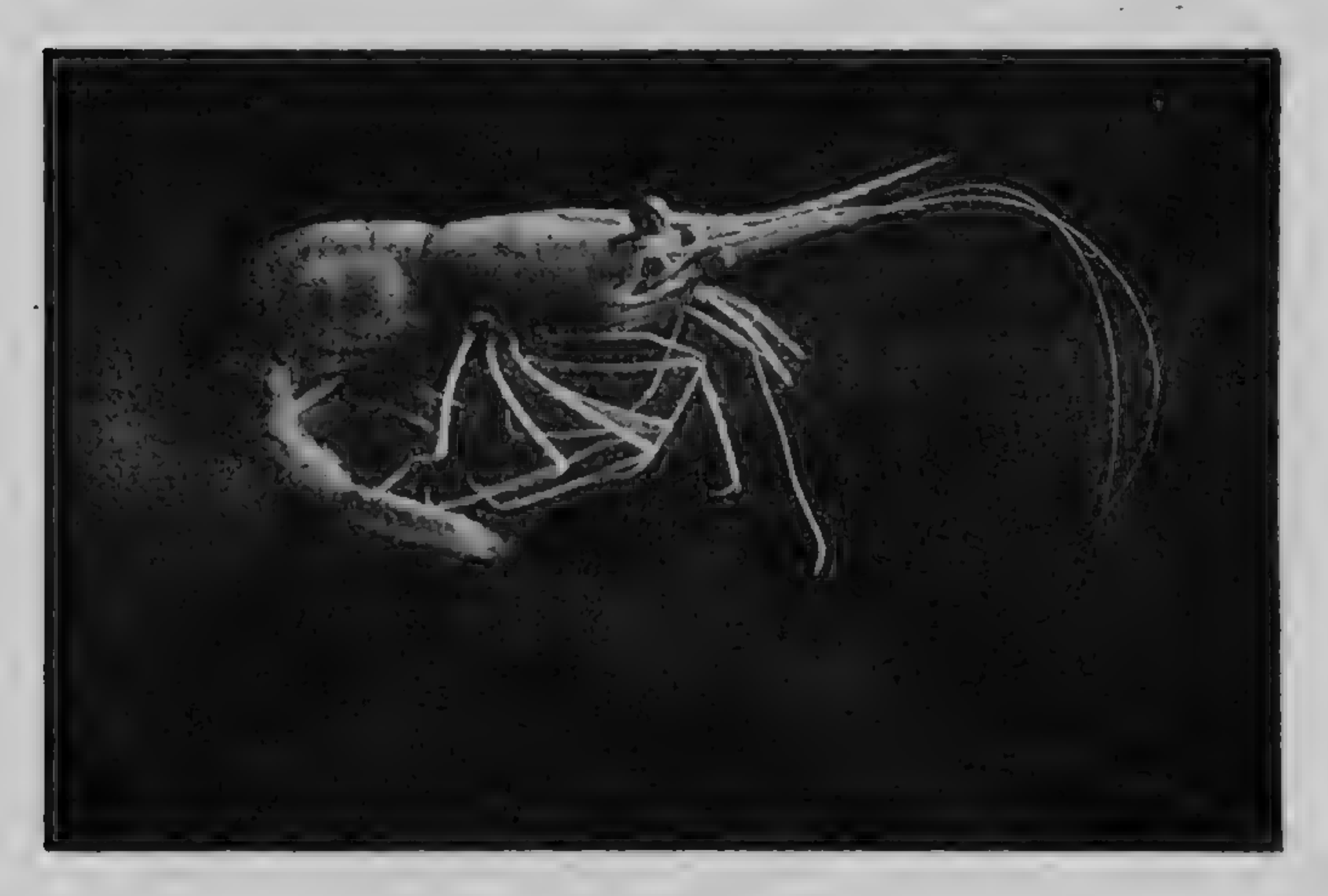

Рис. 104. Северная креветка.

вотных, напоминающих наших речных раков, шевелились и прыгали, подгибая свое брюшко. Их было так много, что остальные пойманные животные совсем не бросались в глаза, а их тоже было очень и очень много.

— Это те же северные глубоководные креветки (рис. 104), которых мы уже не раз ловили,—пояснял Николай Михайлович тем из нас, которые не были раньше в этих местах.—Посмотрите, какая их масса! А между

тем до работ нашей экспедиции никто и не подозревал об их присутствии!

— Ну, господа, сегодня на обед лишнее блюдо!—заявил Александр Петрович, с удовольствием потирая руки.

— А разве их можно есть?—спросил один из товарищей.

— А вот за обедом увидите!

Мы начали переносить в лабораторию полученный материал. Груда его все расла и расла. Интересно было определить количество пойманных креветок... Поэтому их отбирали в отдельную кучу. Конечно, можно было бы их пересчитать, но на это понадобилось бы очень

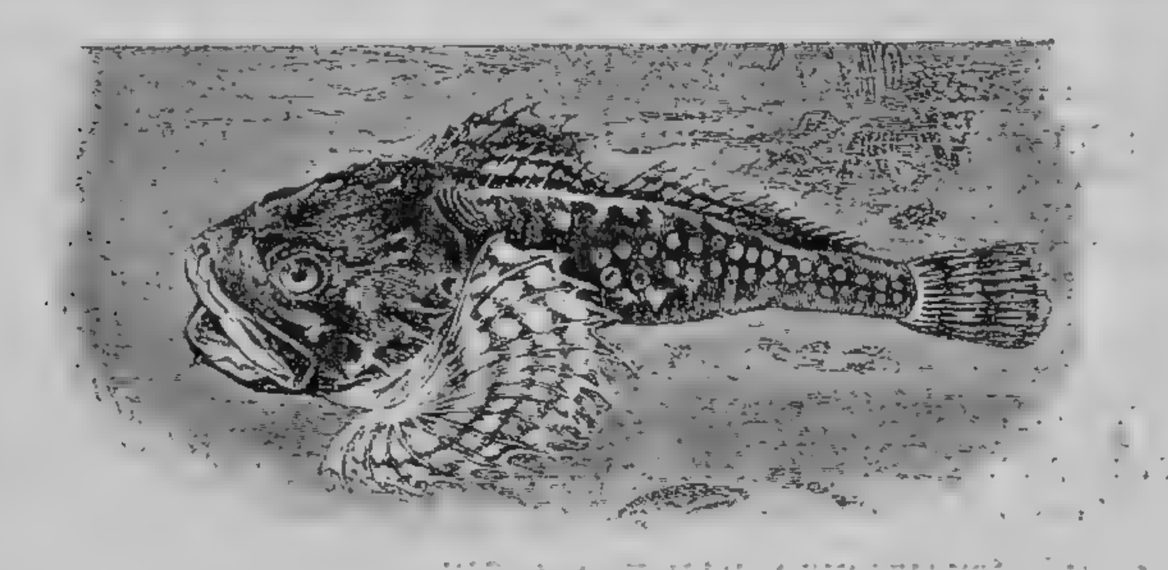

Рис. 105. Керчак.

много времени. Мы поступили так: вымерили вместимость одного из аквариумов и при помощи последнего измерили потом объем пойманных креветок. Их оказалось больше 30 литров.

Нечто невероятное и по количеству и по разнообразию животных представлял собою улов трала! Здесь были и обыкновенные мурманские рыбы: треска, пикша и морские окуни; были 2 породы камбал; были также скаты; кроме того попалось несколько «керчаков» (рис. 105) и других мелких непромысловых рыб, представлявших, однако, большой интерес для зоолога. Из них меня особенно поразила одна рыбка—Cyclogaster gelatinosus;

полупрозрачная, окрашенная в нежный бледнорозовый цвет, она напоминала желе, настолько нежно было все ее тело.

Кишмя-кишели различные ракообразные. Были рачки, похожие на наших речных раков и на креветок—Sabinea, было несколько раков-отшельников, но особенно поражали разнообразием формы и окраски небольшие рачки, несколько похожие на бокоплавов: они также, лежа на боку, двигались, сгибая и разгибая свое тело.

Морские звезды различной формы и величины, с различным числом лучей, большею частью окрашенные в красный цвет разнообразных оттенков, почти не шевелились. Некоторые из них напоминали собою причудливой формы пирожные. Между ними попадались экземпляры с неодинаково развитыми лучами; у 5-тилучевой звезды, например, 3 луча длинных, а 2—маленьких уродливых. Вероятно, кто-нибудь полакомился частью этой звезды и откусил ей 2 луча! Но звезда не погибла, а, напротив, начала отращивать утерянные части (рис. 106)!

Это явление—способность восстанавливать утерянные части,—называемое в науке регенерацией, еще в большей степени свойственно животным, очень похожим на морских звезд,—офиурам (рис. 107). Их тоже была масса. Своими длинными змеевидно извивающимися лучами, резко отделяющимися от туловища, они сразу отличаются от морских звезд. Один из видов офиур попался в количестве нескольких сот экземпляров, но, несмотря на это, трудно было выбрать из них хоть несколько штук неиспорченных: у одной чуть не все лучи были отломаны, у другой—вместо 5 было только 2 луча и т. д. Сколько-нибудь неосторожное прикосновение приводило к тому, что лучи ломались. Это то же самое явление, которое мы наблюдаем у ящериц; если ее схватить за хвост, то последний останется у вас в руках, а

ящерица убежит; оторванный хвост вырастет у нее вновь; точно также, если кто-нибудь схватит офиуру за луч, он отламывается и потом вырастает вновь.

Николай Михайлович отобрал в чашечку несколько экземпляров одного вида офиур (Ophiopholis aculeata) и, отойдя в темный угол лаборатории, брызнул на них спиртом... Весь комок вспыхнул голубоватым фосфорическим светом. Потом, когда наступили темные вечера и ночи, мы иногда проделывали этот опыт в темноте. Я

Рис. 106. Морская звезда с одним регенерирующим лучем.

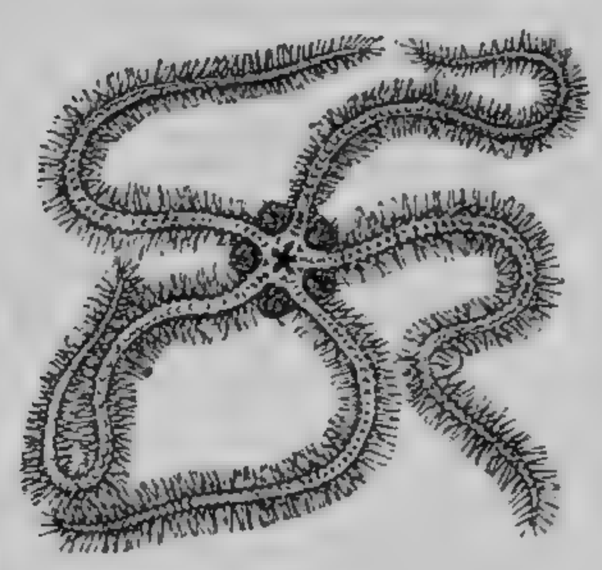

Рис. 107. Офиура.

не могу передать, как красив был этот нежно-голубой «живой свет»!

Среди офиур были удивительные формы с разветвленными спиралью завитыми лучами (рис. 108). Было много колючих твердых морских ежей, вид которых великолепно оправдывал данное им название (рис. 109).

Довольно многочисленные моллюски здесь не бросались в глаза ни своей величиной, ни своей красотой. На раковинах некоторых из них сидели актинии желтого и оранжевого цвета. Вынутые из воды они сжались и

свернули свои щупальцы, но воображаю, как красивы были они на дне моря! Недаром называют их то «морскими розами», «морскими анемонами»! Как цветы наших садов, они украшают пучины подводного царства.

Раковины, в которых жили раки-отшельники, иногда кругом были облеплены актиниями. Это наблюдается во всех морях, где встречаются эти животные. Здесь два различных животных поселяются вместе и ведут совместный образ жизни, доставляя друг другу известную выгоду: актинии — неподвижному, сидячему животному, выгодно то, что ее переносит с места на место рак-отшельник, а последнему выгодно то, что щупальцы актинии, усаженные миллионами обжигающих, как крапива, органов, защищают его от целого ряда врагов.

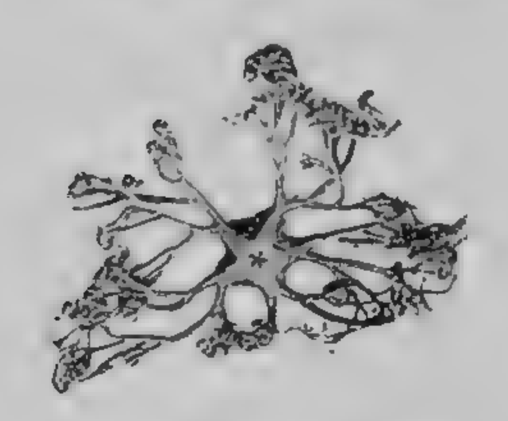
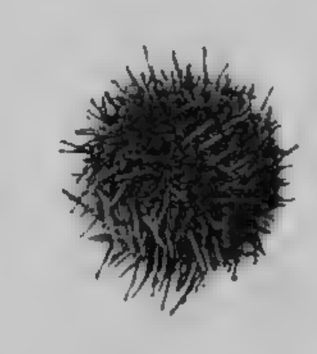

Рис. 108. Офиура с разветвленными лучами.

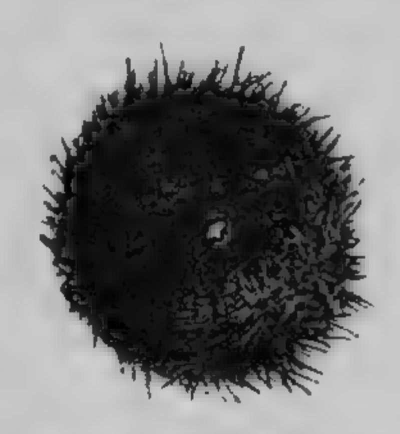

Рис. 109. Морской еж; налево — вид со спинной стороны, направо — с брюшной, виден рот с пятью зубами.

Как ни старался я, разбирая всю эту массу животных, представить себе вид морского дна со всем его населением, мое воображение было бессильно нарисовать эту картину в сколько-нибудь цельном виде. Поражало одно: масса и разнообразие придонного населения северных вод. Всегда кажется, что южные моря должны быть богаче, что население этих морей должно быть более разнообразным и более ярко окрашенным... Мне приходилось бывать на Черном море и видеть его фауну; как бедна она и количеством, и разнообразием, и красками

по сравнению с тем, что я видел здесь! Ключем бьет жизнь на крайнем севере, но только в море и возле моря!

— А ведь многих из этих животных мы уже встречали и раньше!—заметил один из товарищей.

— Конечно! — ответил Николай Михайлович. — Эта фауна, характеризуемая особенным обилием глубоководных креветок, распространена очень широко. Нам удалось проследить ее на север до 75° с. ш. и на запад до Медвежьего острова!

— Но почему же в других местах нам не попадалось такого множества животных?

— Ура-губа,—продолжал Николай Михайлович,—Мотовский и Кольский заливы, а также и некоторые другие места отличаются исключительным богатством своего населения! Ведь эту кучу животных с такой массой креветок дал нам лов, продолжавшийся всего полчаса. Представьте себе, какую массу животных можно было бы здесь захватить, тралируя 10—15 часов! Вот вам новый промысел!

— А куда же их девать?

— Конечно, пока не будет сбыта, до тех пор этот промысел и не разовьется. Но если только когда-нибудь Мурман будет связан железной дорогой, хотя бы с Петербургом, сбыт креветок обеспечен. Какую массу подобных же креветок получает Петербург из Франции!

— А почему, Николай Михайлович, вы уж теперь обращаете такое внимание на эту фауну?

— Да прежде всего с чисто научной точки зрения — это в высшей степени важное и интересное открытие! На громадном пространстве Ледовитого океана распространена такая богатая и своеобразная фауна, о которой раньше, до работ нашей экспедиции и не подозревали! Подумайте, какое громадное значение имеет она для питания промысловых рыб! Ведь вот вы вскрывали сотни тресок; чем чаще всего наполнены их желудки?

— Животными, характерными для этой фауны! Я раньше и не подумал об этом,—заметил товарищ, задавший раньше вопрос.

— А теперь припомните,—продолжал Николай Михайлович,—сколько креветок мы находили иногда в желудках тресок? В некоторых случаях все вскрываемые экземпляры были набиты креветками! Попадалась часто треска, в желудке которой было 80—100 крупных креветок! Громадная масса ракообразных, населяющих обширные пространства изучаемой нами области, представляет гигантский запас пищи для промысловых рыб и, вероятно, имеет большое значение в их жизни.

— Да, это, конечно, так!Но, вероятно, и креветки, и другие, сопровождающие их животные, не являются для рыб особенно лакомым блюдом.

— Почему вы так думаете?—спросил Николай Михайлович.

— Да потому, что в тех местах, где встречается креветочная фауна, желудки рыб часто были наполнены мойвой или сельдью. Следовательно, стоит появиться этим мелким рыбкам, как треска сейчас же набрасывается на них, не обращая внимания на креветок.

— Это не совсем так,— заметил Николай Михайлович.— Вы не приняли во внимание того, что и мойва и сельдь отличаются блестящей серебристой чешуей, делающей их несравненно более заметными, чем полупрозрачные красные креветки. Ведь красные лучи сильно поглощаются морской водой, и потому на глубине, где живут креветки, и где вообще царит вечный полумрак, красные полупрозрачные предметы, очевидно, должны быть мало заметны. А кроме того важную роль играет и запах, напр., мойвы: при отыскивании добычи рыба, несомненно, руководится и обонянием.

Во время обеда мы все по достоинству оценили вкус креветок. Ели их много; блюдо за блюдом появлялось

на столе и как-то незаметно очень скоро оказывалось пустым. Теперь уже никто не сомневался в съедобности креветок.

Нам предстояло еще долго возиться с разборкой добытого раньше материла... До вечера было еще далеко, и потому Николай Михайлович решил произвести некоторые работы в другом месте.

Выйдя из Мотовского залива и обогнув восточный берег Рыбачьего полуострова, «Андрей Первозванный» остановился недалеко от мыса Пип Наволок. Здесь спустили оттертролль. К его подъему наши работы в лаборатории были закончены, и все мы высыпали на палубу в ожидании нового улова.

Вот пришли доски. Мотня трала оказалась очень тяжелой и сквозь воду просвечивала беловатой массой. Все с нетерпением ожидали ее подъема, думая, что трал захватил много рыбы. Ближе и ближе подтягивают мотню. Чем же она так загружена? Это—не рыба... Какие-то сероватые и желтые предметы, напоминающие по величине и форме большие хлебы, до того переполнили трал, что в некоторых местах сеть прорвалась.

— Это — губки! — сказал Николай Михайлович.

Их было так много, что поднять мотню на палубу оказалось невозможным. Пришлось разрезать сеть трала; в полученное отверстие забрался один из матросов и выбросил в воду добрую половину губок. Только после этого, да и то с трудом, удалось поднять на палубу наш улов.

Когда всю эту груду вывалили на палубу, со всех сторон посыпались остроты. Кто-то очень удачно сравнил груду губок с кочанной капустой.

— Смотри, да здесь и огурцы есть! — сострил один из матросов, поднимая голотурию, по форме и величине действительно напоминавшую огурец.

— А вот и картофель!— сейчас же подхватил другой, показывая небольшую губку.— Хорошая закуска!

Мы начали разбирать улов. Среди губок попалось несколько рыб. Но самыми интересными были все же губки. Это не были те грецкие губки, роговой скелет которых употребляют для мытья, для стирания с классных досок и т. д. Скелет наших губок состоял из мельчайших кремневых иголочек, едва видимых невооруженным глазом. После того, как мы их перетащили в лабораторию, наши руки горели от массы их уколов. Ладони были покрыты, как щеткой, массой тончайших, как будто стеклянных иголочек. На поверхности губок была целая фауна: в углублениях сидели офиуры и черви; небольшими кустиками, напоминающими кустики мхов, поднимались колонии гидроидов; в некоторых местах попадались своеобразные моллюски — довольно крупные хитоны (рис. 110), представлявшие, по словам Николая Михайловича, для Мурмана новость. Чтобы отыскать всех этих животных, приходилось, поворачивая губку с одной стороны на другую, внимательно осматривать все ее неровности: часто некоторые животные так плотно сидели на ее поверхности и так были похожи на нее по окраске, что отыскать их было очень трудно.

Рис. 110. Хитон.

Были в трале и другие животные, характерные для креветочной фауны: офиуры, звезды, пикногоны, ракообразные; было также несколько креветок. Но все они составляли ничтожное количество по сравнению с массой губок.

Дальнейшие работы экспедиции показали, что в некоторых местах, преимущественно в мелководных пространствах, окружающих Рыбачий полуостров, и на банках к северу от острова Кильдина, все дно покрыто громадными скоплениями этих крупных кремневых губок.

Пока мы разбирали принесенный материал, а двое из товарищей снимали для коллекции кожу из пойманного

Рис. 111. С крупного палтуса снимают кожу для коллекции.

крупного палтуса (рис. 111), «Андрей Первозванный» быстро шел в Екатерининскую гавань.

Среди тихой, почти неподвижной глади океана часто поднимались круглые головы тюленей. Фыркая и как будто с удивлением поглядывая на пароход, они несколько секунд оставались на поверхности воды, а потом снова ныряли.

Александр Петрович долго смотрел на эту картину и, наконец, не выдержал: схватив винтовку, он начал стрелять по тюленям. Но из его стрельбы ничего не вышло: тюлени, как будто поддразнивая его, выставляли из воды свои головы, а при выстреле ныряли, чтобы вынырнуть снова через несколько минут.

Но вот и берега Кольского залива... Снова слышится знакомая команда:

— Боцман!

— Есть!

— Свистать всех на верх, на якорь становиться!

— Есть!

Вместе со свистком боцмана мы окончили свою работу и начали приводить себя в береговой вид.

ГЛАВА XXI.

На острове Кильдине.

Погода становилась все хуже и хуже... Сильный нордвест быстро гнал тяжелые низко нависшие тучи и высоко вздымал такие же серые волны. Мы разбирали в лаборатории материал, полученный на предыдущей станции. Качало так сильно, что при работе приходилось придумывать различные способы, чтобы удержаться на ногах. Уже несколько раз я стремительно перелетал через всю лабораторию, натыкаясь на столы и шкапы и

вызывая всеобщий хохот. Но при следующем сильном и внезапном крене кто-нибудь, только что хохотавший над другим, сам срывался с места и с пинцетом в одной руке и каким-нибудь раком или моллюском в другой проделывал такое же невольное путешествие. И поза и мимика при этом были настолько комичны, что нельзя было удержаться от хохота.

Время от времени почти все мы клали пинцет на стол и, выбежав на палубу, склонялись за борт, как будто внимательно рассматривали воду возле парохода...

— Что? планктон кормили?—встречали возвращавшегося в лабораторию.

Несмотря на то, что все мы уже попривыкли к морю, на этот раз мы отдавали ему свою дань, и, нужно сознаться,—дань обильную. Даже Николай Михайлович при общем хохоте тоже раз «покормил планктон». Мы привыкли теперь смотреть на морскую болезнь, как на неизбежное зло. Как только, бывало, начнет тошнить и перед глазами пойдут зеленые круги, сейчас же бросаешь работу и идешь к борту... Через минуту неприятное ощущение пропадает, и минут на 10—15 опять становишься свежим, бодрым и вполне пригодным к работе.

— Николай Михайлович, пришли на станцию!—пробасил Василий Николаевич, заглядывая в лабораторию, в своем штормовом костюме: непромокаемое пальто и шапка с опущенными наушниками.

— А как вы думаете, Василий Николаевич, работать можно?

— По-моему, попробовать нужно, тогда и увидим!

Кое-как взяли серию температур. Во время работы пароход сильно дрейфовало; гребни волн часто взлетали на палубу, обдавая работавших солеными брызгами с головы до ног. Когда приступили к спуску трала и для этого повернулись бортом к ветру, волны начали заливать палубу так сильно, что работа оказалась невозможной.

— Что теперь будем делать, Николай Михайлович?— спрашивал капитан, тоже нарядившийся в непромокаемое пальто.

— Жалко бросать работу, но, кажется, придется... Трудно ведь ожидать, чтобы погода изменилась к лучшему?

— Барометр падает! Ветер усиливается. Будет хороший шторм!

— Ну, что же? Будем удирать! Зайдем в Кильдинский пролив и произведем работы на Могильном озере.

Рис. 112. Остров Кильдин.

Приведя в порядок лабораторию, мы разбрелись по каютам. Проходя мимо кают-компании, я увидел стол, накрытый для обеда. Весь он покрыт был перегородками, образовавшими для каждого прибора гнездо; тарелки, ложки, вилки при всяком крене с шумом и звоном ударялись о стенки гнезд и друг о друга. Кое-как, цепляясь за перила, дотащился я до своей койки, снял сапоги и лег. Почти моментально прекратились все неприятные ощущения, но когда пришел Эрнст и сказал, что обед по-

дан, то уже одна мысль о еде вызвала тошноту. Прислушиваясь к говору в кают-компании, я понял, что к обеду вышли только трое: Николай Михайлович, капитан и Марк Николаевич. Несмотря на качку, они шумели, смеялись и ели, кажется, с аппетитом. Я страшно завидовал им; и не тому; что они едят, а тому, что могут чувствовать себя так бодро и хорошо в такую погоду.

Убаюканный качкой, я скоро заснул.

Меня разбудил шум якорной цепи. Качки не было! Значит, мы стояли у Кильдина! Я быстро оделся и вы-

Рис. 113. Дом колониста-норвежца на Кильдине.

шел на палубу. Ветер, повидимому, еще усилился; он гудел в вантах и с силой рвал и трепал развевающийся за кормой флаг; но волны не было: узкий пролив между островом (рис. 112) и материком оказался хорошо защищенной гаванью.

Скоро спустили шлюпку, и мы, захватив батометр, драгу и пелагическую сетку отправились на берег. Было начало лета, и везде еще лежали сугробы снега.

Почти у самого берега стоял довольно большой дом единственного жителя Кильдина, норвежского колониста Эриксона. Уже по своему внешнему виду он резко отличался от тех домов, которые мне приходилось видеть и

в других местах Мурмана (рис. 113): под крышей виднелись окна мезонина, а выступавший вперед небольшой балкончик совсем уж не гармонировал с создавшимся у меня представлением о севере. Когда мы вошли внутрь, глазам нашим представилась очень чистая комната с простой, но удобной мебелью. На стенах висели в рамках картинки и портреты, среди которых я сразу узнал Нансена. Поднявшийся нам навстречу высокий, широкоплечий старик и был сам Эриксон. Пока Николай Михайлович разговаривал с ним (по-норвежски), я занялся осмотром комнаты. Все указывало на то, что хозяева живут иной жизнью, чем наши промышленники. На столе, покрытом скатертью, стояли письменные принадлежности и лежало несколько книг; у низкого самодельного кресла, в котором сидел старик Эриксон, были разбросаны норвежские газеты.

— Вот как могут жить здесь промышленники!—говорил Николай Михайлович, когда мы уходили от Эриксона.—Прошло всего несколько лет, как он здесь поселился, а благосостояние его растет очень заметно. Он промышляет круглый год: летом—рыбу, зимою—тюленей. У него теперь целое стадо оленей, есть и рогатый скот (рис. 114)...

— В чем же заключается секрет его успеха?—спросил я.—Почему и наши колонисты не могут достигнуть того, чего добился Эриксон?

— Он значительно развитее наших промышленников! Он не боится новизны, внимательно присматривается ко всему и охотно применяет все, что кажется ему полезным. Прибавьте сюда энергию, предприимчивость и большое трудолюбие всей его семьи, и вам станет понятным, почему он устроился так хорошо там, где русские колонисты влачат жалкое существование. Не малую роль во всем этом играет, конечно, и трезвость, которой наши поморы похвалиться не могут.

На пути к Могильному озеру мы наткнулись на целые десятки тюленьих туш—результат зимнего промысла Эриксонов.

Посредине озера уже сделали прорубь и приступили к работе.

На Мурмане много озер, но Могильное озеро издавна привлекало особенное внимание исследователей тем, что вода в нем была соленая, и в нем жили различные представители морской фауны, между прочим и треска. Все это заставляло считать это озеро реликтовым, т.-е. оста-

Рис. 114. Стадо оленей на Кильдине.

вшимся от того времени, когда уровень воды у Мурмана стоял значительно выше. Во многих местах Мурмана среди гранитных скал мы находили остатки морских отложений, заключавших в себе раковины моллюсков и с несомненностью свидетельствовавших о том, что в прежние геологические периоды эти места были покрыты морем. Позднее суша поднялась, море отступило, и котловина Могильного озера оказалась отделенной от моря барьером (рис. 115).

Когда мы пришли к проруби, глубина была уже измерена; она равнялась $15^1/_2$ метрам. Добытый лотом со

Рис. 115. Барьер, отделяющий Могильное озеро от Кильдинского пролива; налево видны воды пролива, направо—поверхность озера.

Первые льдины. В тумане видна ледяная радуга.

дна ил издавал заметный запах сероводорода. Это показывало, что у дна озера живут особые бактерии, которые, разрушая органические вещества, выделяют ядовитый газ—сероводород. Последний делает невозможным существование животных в более глубоких частях озера.

Чтобы исследовать, где же в озере живет треска, мы ставили вертикальный ярус, и всегда рыба попадалась на крючки, прикрепленные не глубже 8—9 метров. Как показали анализы, уже на глубине 13 метров вода озера содержит заметное количество сероводорода.

Нечто подобное наблюдается и в Черном море: там тоже большие глубины заражены сероводородом, и животные населяют только слой воды толщиною в 200 слишним метров.

А шторм разыгрался во-всю. Стоять без дела у Кильдина не имело смысла, и Николай Михайлович решил перейти в Екатерининскую гавань.

На переход требовалось всего 2—3 часа, но меня пугала перспектива качки и связанная с нею морская болезнь. Поэтому, как только начали катать якорь, я забрался в койку и решил отлеживаться до самой гавани.

Уже при выходе из пролива началась сильная качка, а в море наш пароход бросало как щепку. Я чувствовал это очень хорошо: лежа в койке, я оказывался иногда почти стоящим на голове, а в следующий момент меня бросало в другую сторону, и я почти становился на ноги. Иллюминатор моей каюты то-и-дело оказывался под водой. Кругом все шумело и стучало. А что творилось на палубе?! Вот что-то большое и тяжелое упало на нее как раз над моей головой и затем зашумело, разбегаясь во все стороны...

Мне захотелось посмотреть на разбушевавшуюся стихию, и я решил лучше немного «покормить планктон», чем проделывать гимнастические упражнения, лежа в койке. Стараясь возможно скорее натянуть сапоги, я уселся

на диванчик, но через несколько секунд уже был в другом конце каюты, между тем как мой сапог, который я не успел схватить, отправился путешествовать в коридор. Но вот как будто минута затишья... Сидя на полу, я натягиваю сапоги, быстро хватаю куртку и шапку и лечу на палубу.

С трудом добрался я до капитанского мостика. Уцепившись за окружающие его железные перила и широко расставив ноги, я укрепился на месте и теперь мог наблюдать. Вот навстречу нам медленно надвигается громадная волна с клокочущим и пенящимся белым гребнем... «Андрей Первозванный», покачиваясь с борта на борт, несется к ней, взлетает на нее и врезывается носом в ее гребень; на мгновение он скрывается в пене, а громадная масса воды с шумом обрушивается на палубу и, растекаясь по ней, большими струями выливается в море через отверстия в бортах. Мы на вершине волны! Впереди нас открывается пропасть, и мы летим в нее навстречу новой такой же волне.

Целые снопы брызг обдают нас на мостике. Вскоре я слышу во рту вкус соли и чувствую, как по спине у меня бежит холодная струйка воды; но и мысли нет о возвращении в каюту.

Так шли мы до самого Кольского залива. Здесь качка сразу сделалась тише. Уже не нужно было держаться, и я мог, наконец, спрятать в карман и согреть закоченевшие руки.

Теперь я знал, что такое шторм!

Планктонные животные, вероятно, были мне очень благодарны: на этом переходе я кормил их хорошо.

ГЛАВА XXII.

Во льдах.

Во время наших скитаний мы несколько раз встречали полярный лед. Особенно памятна мне первая встреча. Мы совершали рейс по плану стокгольмской конференции, но шли в направлении, обратном тому, которое описано в одной из предыдущих глав: мы вышли из Екатерининской гавани и пошли к Новой Земле (ниже я расскажу о посещении этого интереснейшего уголка русского севера); оттуда мы взяли курс на северо-запад к точке пересечения 75° с. ш. с кольским меридианом (33°30′ в. д.).

Почти все время погода была ясная и довольно тихая. Работа, как и всегда, шла непрерывно. В начале рейса несколько раз делали опыт ярусного лова. На ярус иногда попадались акулы. Эти моменты для тех из товарищей, которые не жили в Териберке и не плавали на «Поморе», представляли особенный интерес (рис. 116). Акула привлекала всеобщее внимание, и ее вскрывали и изучали внимательнее других рыб (рис. 117).

Мы были уже недалеко от северного угла нашего треугольника. Станция под 74°17′45″ с. ш. и 40°20′ в. д. дала нам много зоологического материала, и мы, занятые его разборкой, мало обращали внимания на море.

Но протяжный гудок парохода заставил нас выглянуть на палубу... Мы шли в густом тумане. Хотя трудно было допустить возможность столкновения в этих местах с каким-либо судном, но наши моряки строго соблюдали морской устав, и гудок за гудком уныло раздавался в беспредельном пространстве океана.

— Как быстро падает температура воды!—заметил товарищ, стоявший на вахте.

— А какая в этом месте температура?—спросил Николай Михайлович.

— На последней станции было на поверхности +1,8, а последнее измерение дало—1,3!

— Ого! Несомненно, мы приближаемся ко льдам: и этот густой туман, и особенно такое понижение температуры воды могли быть вызваны только близостью льдов!

Я бросился к борту в полной уверенности, что сейчас же увижу громадные льдины и ледяные горы; но туман окутывал нас такой густой пеленой, что уже в нескольких шагах ничего нельзя было различить. Так как работа в лаборатории была окончена, я отправился на капитанский мостик и с лихорадочным нетерпением ожидал появления первой льдины.

Прошло и полчаса, и час, а мы по-прежнему шли в густом тумане, и на небольшом доступном наблюдению пространстве океана не появлялось ничего нового. Я побежал на корму, чтобы узнать о температуре воды; она понизилась еще больше: последнее определение дало—1,5.

«Ну, значит льды скоро!» — подумал я и снова побежал на мостик.

— А вот и льдинка!—указывал Александр Петрович куда-то вперед. Но как ни напрягал я свое зрение, ничего, кроме свинцовых волн, терявшихся в пелене тумана я не видел. Вероятно, только зоркие глаза моряка могли различить что-нибудь в этой мгле.

Прошло минуты две—три, и с правого борта как будто вынырнула довольно большая льдина причудливой формы. Медленно покачиваясь на волне, она скоро исчезла, так же быстро, как и появилась.

— Вахтенный!

— Есть.

— Поди вниз и доложи Николаю Михайловичу, что появились льды!

Рис. 116. Шлюпка «Андрея Первозванного» на ярусном лове.

Скоро все были на мостике. Теперь все чаще и чаще попадались на пути «Андрея Первозванного» громадные плоские льдины. Некоторые из них он расталкивал, если же льдина оказывалась прямо перед носом парохода, он с разбега взлетал на нее и на мгновение как будто останавливался... Льдина, не выдержав его тяжести, с шумом ломалась, и мы шли дальше.

Волнение улеглось почти совершенно. Кругом слышался очень характерный для льдов шум: какой-то своеобразный шелест, прерываемый отдельными глухими ударами.

— Смотрите, вон ледяная радуга!—указал нам Александр Петрович.

Действительно, на севере в тумане виднелся более светлый полукруг, похожий по форме на низкостоящую над горизонтом радугу.

— А что это такое, ледяная радуга?—поинтересовался я.

— Над большими ледяными полями часто бывает такой более светлый полукруг. Нужно думать, что и теперь в этом направлении тянутся льды на большом пространстве.

Уже несколько раз останавливался «Андрей Первозванный» между льдами, выбирая более удобное место для работ; но подходившие к бортам льдины заставляли нас поднимать приборы и прекращать работу. Наконец мы попали в большую полынью и здесь начали брать серию температур.

В это же время спустили шлюпку, на которой отправилось несколько человек, чтобы произвести лов сачком и посмотреть, какие животные встречаются в верхних опресненных и охлажденных слоях воды. Лов наш был неудачен: в прозрачной воде не видно было никаких признаков жизни. Но картина льдов, среди которых красиво выделялся силуэт парохода, со шлюпки казалась еще более величественной (рис. 118). На белоснежной

Рис. 117 Подъем пойманной акулы на борт парохода.

поверхности льдин во многих местах виднелся помет животных, вероятно, тюленей... А, быть может, и белый медведь, этот господин полярных льдов, оставил на них следы своего пребывания!

Работать с оттертроллем на этой станции не пришлось: несколько раз пытались спустить его, но всякий раз подплывавшие льдины заставляли поспешно поднимать сеть. Пришлось поэтому ограничиться драгой, тралом Сигсби и планктонными сетками.

По окончании работ пред нами встал вопрос, в каком направлении итти дальше. Мы были под 74°34′ с. ш. 36°45′ в. д. Итти к 75° с. ш. нельзя было и думать, так как дорога была преграждена льдами. Курс прямо на юг казался нам наиболее удобным, так как на этом пути мы не ожидали встретить серьезных препятствий. Но ожидания наши не оправдались: скоро мы попали в довольно густой лед, среди которого только изредка встречались небольшие полыньи. С трудом пробирался «Андрей Первозванный» между громадными льдинами, то раздвигая их, то давя и ломая своей тяжестью, как ледокол.

В это время мне для чего-то понадобилось спуститься вниз. Там стоял такой шум, что разговаривать было невозможно; приходилось со всей силы кричать друг другу в ухо... С такой силой ударялись и терлись о стальные борта парохода раздвигаемые им льдины!

Стоя возле лаборатории, мы весело болтали, наблюдая, как медленно проплывали мимо нас льдины: с шумом ломаясь и наскакивая друг на друга, они то громоздились одна на другую, то передавали полученный толчек следующим льдинам, образуя около них целые водовороты. Вдруг весь пароход вздрогнул! Вслед за тем быстро с озабоченным видом пробежал мимо нас Александр Петрович и, наклонившись над кормой, начал что-то за ней осматривать.

— Боцман!—крикнул он с тем же озабоченным ви-

Рис. 118. «Андрей Первозванный» во льдах.

дом.—Сейчас же поставить здесь двух человек с баграми! Пусть хорошо смотрят и отталкивают льдины от винта!

— Николай Михайлович, — взволнованным голосом обратился он в нашу сторону,—льдом отломало лопасть винта!

— Чего же вы волнуетесь? Одну отломало, осталось еще целых три!—заметил кто-то из нас.

— В том-то и дело, что не три, а одна!

— Как так? Ведь у нас же винт с 4 лопастями?

— Был когда-то! Еще весной мы потеряли одну лопасть, когда пробивались во льду к реке в Териберке, чтобы запастись пресной водой; противоположную лопасть пришлось отрубить, так как вращение винта при трех несимметрично расположенных лопастях было очень неправильно. Теперь отломана еще одна лопасть.

Мы поняли серьезность положения: еще одно такое столкновение с льдиной, и мы застрянем во льду.

Все притихли и с напряжением следили за борьбой «Андрея Первозванного» с льдинами, которые, казалось, становились все больше и гуще.

— Ну, а что, господа, будет с нами, если мы потеряем и эту последнюю лопасть?—задал кто-то вопрос.

И я почувствовал всю возможность очутиться в безвыходном положении! Застрять среди льдов здесь, куда обыкновенно только очень редко попадают какие-нибудь норвежские тюленебойные суда, означало почти верную гибель!—Ну, предположим,—рассуждал я,—льды угонит ветром, нас тоже угонит тогда вместе с ними! Предположим даже, что мы как-нибудь освободимся ото льдов... Что мы можем сделать без винта за несколько сот верст от берега! Нас, конечно, не бросят и через 2—3 недели пошлют какой-нибудь пароход в поиски за нами... Но где он нас станет искать? И сколько времени пройдет, прежде чем он увидит нас или услышит наши сигналы?

Не меня одного занимали эти вопросы...

— А на сколько времени может хватить имеющейся на пароходе провизии?—спросил один из товарищей.

— Кажется, по морскому уставу полагается иметь сухарей и воды на месяц!

— Неужели мы не можем воспользоваться нашими парусами?

— Ну, наша парусность слишком ничтожна для такого судна; она имеет только вспомогательное значение, и рассчитывать на наши паруса, как на двигатель, не приходится.

Крайне осторожно и тихо подвигался теперь «Андрей Первозванный». Не доверяя матросам и сознавая всю лежащую на нем ответственность, Александр Петрович с младшим помощником оставался на мостике, а Василия Николаевича отправил на корму следить за винтом.

Больше 6-ти часов боролись мы со льдом. Наконец впереди среди тумана зачернела вода... Что это? Конец льдам, или это только полынья, за которой идет новая полоса льда?

Но льдов больше не было, если не считать отдельных льдин, не представлявших для нас никакой опасности.

Машине дали полный ход, и через полчаса туман был позади. Снова ярко светило солнце, и все мы с облегчением и даже с удовольствием вспоминали об испытанных моментах тревоги.

Там и сям на горизонте сверкали белые точки— огромные ледяные горы. Мы подошли к одной из них. Какими красивыми нежно голубыми тонами преломлялся солнечный свет в этой глыбе льда! Точно гигантский аквамарин сверкал перед нами!

— А какой высоты эта гора?

Александр Петрович, прикинув на глаз расстояние и измерив секстантом угол, приблизительно определил ее высоту: она была выше рангаута нашего парохода. И это только надводная часть, составляющая $^1/_8$ всей глыбы.

Не рискуя подходить к ней ближе, так как бывают случаи, когда такие горы переворачиваются, производя целые водовороты, мы издали сфотографировали этого скитальца и пошли на юг по направлению к гавани. Скорость парохода несколько уменьшилась, но и с одной лопастью «Андрей Первозванный» двигался гораздо быстрее, чем можно было предполагать.

Вполне понятно, что, после перенесенных треволнений, разговор долго вращался около темы, связанной с вопросом о полярных льдах.

— Скажите, пожалуйста, Николай Михайлович, — спрашивал один из товарищей, — почему льды никогда не встречаются вблизи Мурмана?

— Это вполне объясняется положением теплого течения. Широкая полоса гольфштремной воды защищает Мурман от полярных льдов. К северу от Западного Мурмана они встречались нам лишь севернее 74° с. ш., т.-е. за проходящей под этой широтой ветвью теплого течения. Вот почему воды, омывающие Мурманское побережье, оказываются незамерзающими в течение всего года.

— А как у восточного Мурмана?

— Там картина совершенно иная; на востоке главная масса теплого течения исчезает, смешиваясь с холодной водой, надвигающейся, повидимому, с севера, и полярные льды встречаются там гораздо южнее. Подобное распределение льдов имеет большое практическое значение: на всем промысловом побережьи Мурмана круглый год может происходить навигация. Вероятно, в будущем и зимою эти места будут посещаться пароходами!

Несмотря на то, что винт наш обладал всего лишь одной лопастью, мы не прекратили работ и на всем пути до Екатерининской гавани произвели ряд исследований, намеченных программой рейса. Но работать дальше при таких условиях, конечно, было невозможно. Необходимо было переменить винт.

Все советовали нам идти в док в Норвегию. Это было крайне нежелательно, так как пришлось бы прервать работу на значительное время в самый горячий период нашей деятельности.

Из создавшегося затруднения вывел нас наш капитан. Он долго советовался со старшим механиком; много раз они вдвоем осматривали положение винта и наконец что-то решили.

— Николай Михайлович, — обратился однажды Александр Петрович к начальнику экспедиции, — разрешите мне сменить винт своими средствами.

Рис. 119. Смена винта.

— Что же, вы док собираетесь строить? — улыбаясь, спросил Николай Михайлович.

— Там вы увидите! Нужно будет, так и док построим! А через 2 дня, если вы разрешите, «Андрей Первозванный» будет с новым винтом!

Зная Александра Петровича за энергичного и предприимчивого моряка, Николай Михайлович вполне доверился ему, хотя все мы недоумевали, как можно сделать эту сложную и трудную работу в Екатерининской гавани, где не было ни специальных мастеров, ни какихлибо приспособлений.

На следующий день работа закипела. На берегу Екатерининского острова было очищено от камней большое пространство; пароход, насколько было возможно, разгрузили, а носовую его часть напротив загрузили, наполнив все имеющиеся здесь цистерны водой. Во время прилива «Андрей Первозванный» подошел к расчищенному месту и стал к нему кормой. Укрепив в таком положении пароход целым рядом канатов, привязанных к завезенным на берег якорям, стали ожидать отлива. Скоро вода понизилась, и кормовая часть «Андрея Первозванного» оказалась на суше (рис. 119). Работали во всю! В два отлива старый винт был снят и заменен новым!

Вспоминается мне и другая встреча со льдами...

Уже дней 10 болтались мы в море. Погода была скверная: серое небо, резкий, холодный ветер и сильное волнение сопровождали нас с самого выхода из Екатерининской гавани. Но работать все еще было можно, и мы полностью выполняли намеченную программу.

Идя от точки пересечения 75° с. ш. с меридианом Кольского залива, мы приближались к Новой Земле. Все мечтали о том, что скоро удастся отдохнуть от непрерывной качки в таком интересном пункте, как Новая Земля! Мы боялись одного—тумана, потому что подходить в тумане к мало исследованным берегам было опасно, тем более, что пасмурная погода не позволяла произвести астрономические наблюдения, и мы не знали точно, к какому месту мы подойдем.

Наши опасения вскоре рассеялись: ветер усилился, разогнал тучи, и яркое солнце осветило поверхность океана.

—Открылся берег!—сообщил кто-то, вбегая в лабораторию.

Действительно, в бинокль можно было различить на горизонте темную полосу. Это была Новая Земля.

Александр Петрович со своими помощниками, воспользовавшись появлением солнца, сейчас же произвел астрономическое определение широты и долготы места; оказалось, что мы шли совершенно правильно и теперь приближались к Малым Кармакулам,—так называется одно из очень немногих новоземельских становищ.

Казалось, теперь ничто уже не могло помешать нашему заходу в Малые Кармакулы, и все мы, не бывавшие раньше на Новой Земле, с особенным нетерпением ожидали приближения к берегу.

Часы шли за часами. Через каждые 10—15 минут кто-нибудь из нас бежал на мостик и, схватив бинокль, смотрел туда, где черная полоска выступала все яснее и яснее.

— А ведь на берег нам, пожалуй, и не попасть!—сказал Александр Петрович, входя в лабораторию.

Мы приняли это за шутку, думая, что капитан хочет нас немного позлить.

— Это почему же? Быть может, вы на мель решили сесть? Тогда, конечно, не попадем!

— Нет, серьезно! Берег опоясан льдом!

Хотя Александр Петрович, повидимому, и не шутил, но мы все же ему не поверили и снова побежали на мостик смотреть в бинокль. Берег виден был теперь очень отчетливо; а перед ним сверкала узкая белая полоска... Неужели это льды?

Капитан был прав. Через несколько часов мы подходили к поясу льда, отделявшего нас от берега.

Лед оказался довольно густым, но особенно больших льдин, повидимому, не было. В бинокль ясно можно было видеть за довольно широкой полосой льда чистую воду, которая, казалось, простиралась вплоть до берега. Мы с нетерпением ожидали решения Николая Михайловича, который в это время советовался с Александром Петровичем.

Наконец, решено! Мы идем через лед и скоро будем на берегу!

Когда мы вошли в лед, качка сразу прекратилась; прекратился также и ветер, который все усиливался по мере приближения нашего ко льдам.

Здесь не было высоких ледяных гор. Плоские разбитые льдины не представляли собою ничего величественного, но при ярком солнечном свете они так сверкали, что нельзя было не залюбоваться этой картиной! Вот льдина, покрытая белым, чистым снегом! На нее невозможно смотреть без боли в глазах! А края ее отливают и искрятся самыми нежными, голубыми тонами! Вот между льдинами небольшая полынья... Темная и синяя, как индиго, вода временами покрывается мелкой рябью, сверкающей на солнце миллионами блесток! Мы идем, окруженные льдом, а на палубе так тепло, что закроешь глаза, и не верится в существование этих льдов.

Сначала мы шли довольно быстро, но чем дальше, тем борьба со льдом становилась все труднее: реже встречались полыньи, и льдины оказывались гораздо более крупными, чем были в начале. На корме стоял Василий Николаевич, распоряжаясь двумя матросами, которые длинными баграми отталкивали льдины, попадавшие под винт. Уже несколько раз подходил Александр Петрович к Николаю Михайловичу и высказывал сомнение в возможности пробиться через лед; но до чистой воды, казалось, было так близко, и работа в малоисследованном побережьи Новой Земли обещала так много интересного, что Николай Михайлович не решался повернуть обратно.

Но вот прежний знакомый уже нам толчок встряхнул все судно. Все бросились к корме: в прозрачной воде ясно виднелся винт уже не с 4, а только лишь с 3 лопастями. Дело принимало серьезный оборот...

— Нам придется повернуть обратно! — заявил Але-

ксандр Петрович, с озабоченным видом подходя к Николаю Михайловичу.—Ветер повернул с моря, и льды начинают сжиматься, напирая на пароход. Мы рискуем застрять среди льдов. Если даже мы теперь и доберемся до чистой воды, нам предстоит обратный путь через широкий сплоченный ветром пояс льда. Если западный ветер окажется затяжным, мы рискуем попасть в ловушку!

Все это было так верно, что никто и не подумал возражать.

Медленно, описав большую дугу, повернулся «Андрей Первозванный» кормой к видневшемуся вдали берегу и пошел обратно. Только теперь, идя против ветра, заметили мы перемену в его направлении. Скоро мы убедились также и в том, как он изменил условия плавания во льдах. Там, где за полчаса перед этим мы проходили по довольно рыхлому льду, нас встречала плотная ледяная масса. Прежние полыньи куда-то исчезли. Льдины такой сплошной массой окружали пароход, что отталкивать их от кормы стоило невероятных усилий. Как ни старались оберегать винт, мы все же скоро потеряли еще по половине от двух лопастей, так что снова шли с одной целой лопастью!

Я понимал теперь, как можно быть *затертым* льдами!

Но вот впереди уже темнеет чистая, свободная поверхность океана. Еще несколько усилий, и льды пройдены!

Только теперь поделился с нами Александр Петрович своими опасениями и выяснил нам, насколько серьезным было наше положение. Чтобы уберечь винт, приходилось итти малым ходом, а это не позволяло пароходу вполне успешно ломать напиравший спереди лед. Стоило ветру немного усилиться, мы были бы затерты льдом, так как ускорить ход было невозможно, а при малом ходе борьба с уплотненным льдом оказалась бы не по силам.

Впоследствии оказалось, что мы не преувеличивали серьезности нашего положения: у нас не только был поломан винт, но был вогнут напором льда один борт.

Недели через 3 мы прочитали в газетах, что севернее Малых Кармакул едва не застрял в этих же льдах ледокол «Ермак»!

ГЛАВА XXIII.

На Новой Земле.

И на палубе, и в лаборатории «Андрея Первозванного» шла та суетливая работа, которая всегда предшествовала большому рейсу. Мы завтра уходим в море недели на 2—3 с заходом на Новую Землю. На этот раз наш доктор тоже принимал деятельное участие в сборах.

Была половина июня. В это время еще ни одно судно не заходило на Новую Землю; с сентября прошлого года она была отрезана от всего культурного мира. Мы думали, что обитателям этого острова может понадобиться наша помощь и прежде всего помощь врачебная. Вот почему доктор, отвоевав себе часть шкапа, наполнял его всякими медикаментами.

Новая Земля состоит из двух островов, из которых северный необитаем, а на южном живут самоеды, переселенные туда Архангельской администрацией из устьев реки Мезени с целью колонизации. Два раза в год, в конце июня и в августе, туда приходит из Архангельска пароход. При первом заходе он берет у самоедов продукты их промысла, которые потом поступают в продажу; в августе привозит на Новую Землю все необходимое для ее жителей: ружья, порох, пули, дробь, чай, сахар, материи и т. д. Этим и ограничивается общение новоземельских обитателей со всем остальным миром, если не считать случайного захода норвежских, а иногда и русских промысловых судов.

На третий или на четвертый день нашего плавания выяснилось очень неприятное обстоятельство: на пароход почему-то не погрузили целую тушу быка, так что весь рейс нам предстояло оставаться без мяса. Если бы мы работали в западной части области наших исследований, то отсутствие мяса нас не беспокоило бы, так как мы всегда могли бы наловить рыбы, но мы шли на восток, куда промысловая рыба не заходит. Была предпринята целая ревизия наших пищевых запасов. Результаты оказались не блестящими: хлеба, галет и масла было достаточно, так что голодать мы не могли; было также немного соленой рыбы и бочка солонины, которая хранилась на пароходе, как неприкосновенный в обычное время запас, предназначавшийся на экстренный случай; на небольшое количество жестянок с консервами нужно было смотреть только как на лакомство. Когда все это было выяснено, решили, что жить и работать возможно, и пошли дальше.

К вечеру на 5-й день нашего плаванья открылся берег Новой Земли, и мы пошли по направлению к становищу Малые Кармакулы.

Медленно идет «Андрей Первозванный». Эти места исследованы слишком недостаточно, чтобы можно было итти полным ходом. Вот и полночь! Стоящее у горизонта полуночное солнце при безоблачном небе окрашивает все в волшебный, золотисто-розовый цвет. Море спокойно. Едва-едва всплескивают волны, вспыхивающие на своих гребнях отражением солнца. Берег все ближе и ближе. Громадные пространства его еще покрыты снегом, тоже окрашенным в розоватый цвет. И как резко выделяются среди него черные обнаженные проталины!

Уже давно минула полночь, но мы не уходим с мостика. Все кругом так красиво, и виднеющийся впереди берег обещает так много нового и интересного, что никто и не думает о сне. На бинокли большой спрос. Они

поминутно переходят из руки в руки, и каждый отмечает что-нибудь новое, чего не видели другие. Вот и Малые Кармакулы. На берегу видна небольшая белая церковь, около нее—маленький домик, а в стороне—еще несколько строений (рис. 120).

С шумом падает якорь, и в то же время раздается протяжный гудок, извещающий о нашем прибытии. Мы с жадностью смотрим в бинокли, стараясь уловить тот эффект, который произведет наш пароход. Но... на берегу все, как будто, вымерло! Не только не было толпы, не только никто не бросился в лодку и не поплыл к нам навстречу, но даже никто не вышел из дому. Лишь бегающие по берегу 2—3 собаки нарушали полную безжизненность открывавшейся пред нами картины.

Я был глубоко разочарован и даже возмущен. Я никак не мог понять людей, которые так хладнокровно отнеслись к приходу парохода после того, как в течение 9 месяцев они не видели ни одного постороннего человека. Подумайте, 9 месяцев жить среди снегов, 9 месяцев не знать, что делается на всем остальном земном шаре, и теперь, когда пришли свежие люди, спать! Конечно, всякий из нас, находясь в подобном положении, давным давно был бы уже на «Андрее Первозванном». Я представлял себе, как билось бы мое сердце, если бы я после полярной зимы, после 9-тимесячной жизни среди небольшой кучки людей, увидел вдруг на горизонте дымок парохода!

Конечно, и в своих ожиданиях, и в своем разочаровании я неправ; я не принимал во внимание того, как отличаются наши интересы от того, чем живут новоземельцы. Все, что их занимало, и что могло представляться им сколько-нибудь существенным, было здесь на их острове; весь остальной мир был для них важен и интересен только как место, откуда они получают ружья, порох, хлеб и т. д. Быть может, я ошибался, но

я так рассуждал, лежа у себя в койке и стараясь заснуть после остановки «Андрея Первозванного» на рейде перед Малыми Кармакулами.

Рис. 120. Малые Кармакулы.

В 9 ч. утра мы подходили в шлюпке к становищу. Как только мы вышли на берег, на нас бросилась целая стая собак. Какая-то закутанная с ног до головы

в меха фигура, крикнула на них, и они сейчас же успокоились. Прежде всего мы пошли к небольшому домику у церкви, чтобы навестить священника, отца Иону. Я уже раньше слышал об этой замечательной личности. Отец Иона, монах Соловецкого монастыря, поселился на Новой Земле, в буквальном смысле удалив таким образом себя от мира. Просвещая самоедов, он жил с ними их жизнью. Нельзя было не удивляться его подвигу, потому что только, как на подвиг, можно было смотреть на его добровольное изгнание на Новую Землю.

Нам открыл дверь молодой человек, русский, вероятно, прислужник:

— Можно видеть отца Иону?

— Его нет,—отвечал он,—теперь здесь отец Досифей.

— А где же отец Иона?

— Он заболел и прошлой осенью с пароходом уехал в монастырь, а на смену ему сюда прибыл отец Досифей.

— Доложите, пожалуйста, что мы хотели бы его видеть.

— Пожалуйте!

В небольшой очень чистой комнатке, напоминающей гостиную, с низкими потолками и с тем особым запахом, который вы услышите только в монашеских келиях, нас встретил высокий монах, еще не старик, с крупными чертами лица и с большой черной с проседью бородой. Мы назвали себя и начали расспрашивать о его житье-бытье

— Не вам, а мне нужно спрашивать. Ну, что может быть у нас нового и интересного? Вот вы лучше расскажите, что делается на белом свете. Ведь с сентября прошлого года я не видел ни одного человека, кроме здешних жителей.

Мы начали припоминать и сообщать «новости». Здесь я убедился, как трудно вспомнить даже важные, существенные события, происшедшие так давно. Помогая друг другу и взаимно дополняя наши воспоминания, мы

ознакомили нашего хозяина со всем, что запечатлелось нашей памятью, как из жизни России, так и других стран, и снова приступили к расспросам:

— Почему это, батюшка, людей почти не видно?

— На промысел, на Карскую сторону [1]) ушли! Здесь остались почти только одни женщины и дети.

— А как вы здесь год провели? Вы ведь первый раз замещаете отца Иону?

— Да, первый раз! И тяжело здесь страшно! Одиночество тяжело! Потом бури ужасные! Вы не поверите, на Пасху едва в церковь попал, такой ветер был! Вот сижу и с нетерпением ожидаю парохода. Все надеюсь, что отец Иона поправился и снова вернется к своей пастве, а меня уж пусть Бог простит! Хочу скорее в свой монастырь.

— Не нужно ли вам, батюшка, чего-нибудь? Может быть, лишения в чем испытываете? Доктор тоже с нами здесь!

— Нет, покорнейше благодарю! Благодарение Богу, пока не голодаем!

Мы распростились с отцом Досифеем и вышли из его чистенькой кельи-гостиной. Нас уже поджидал другой и последний новоземельский европеец-фельдшер. Наш доктор сейчас же стал расспрашивать, нет ли больных и не нужны ли лекарства.

— Нет, этого не требуется.

— Как так?—удивились мы.

— Не болеют самоеды! Вот я сюда целую аптеку привез, да почти ее и не раскрывал: никаких болезней нет!

— Что же вы здесь далаете, в таком случае?

— А я принимаю от самоедов то, что они напро-

---

[1]) Карская сторона—восточное побережье Новой Земли, обращенное к Карскому морю.

мышляют: тюленьи шкуры и сало, шкуры белых медведей и т. п. Все это записываю, кто сколько мне чего доставил, и потом сдаю чиновнику на пароход. Если кому из самоедов нужно что-нибудь получить из Архангельска, это тоже идет через меня; я составляю списки.

— Скажите, пожалуйста, бывает так, что какой-нибудь из самоедов выручает больше, чем тратит на свою жизнь?

— О, да! У некоторых по несколько тысяч рублей скоплено в Архангельском банке.

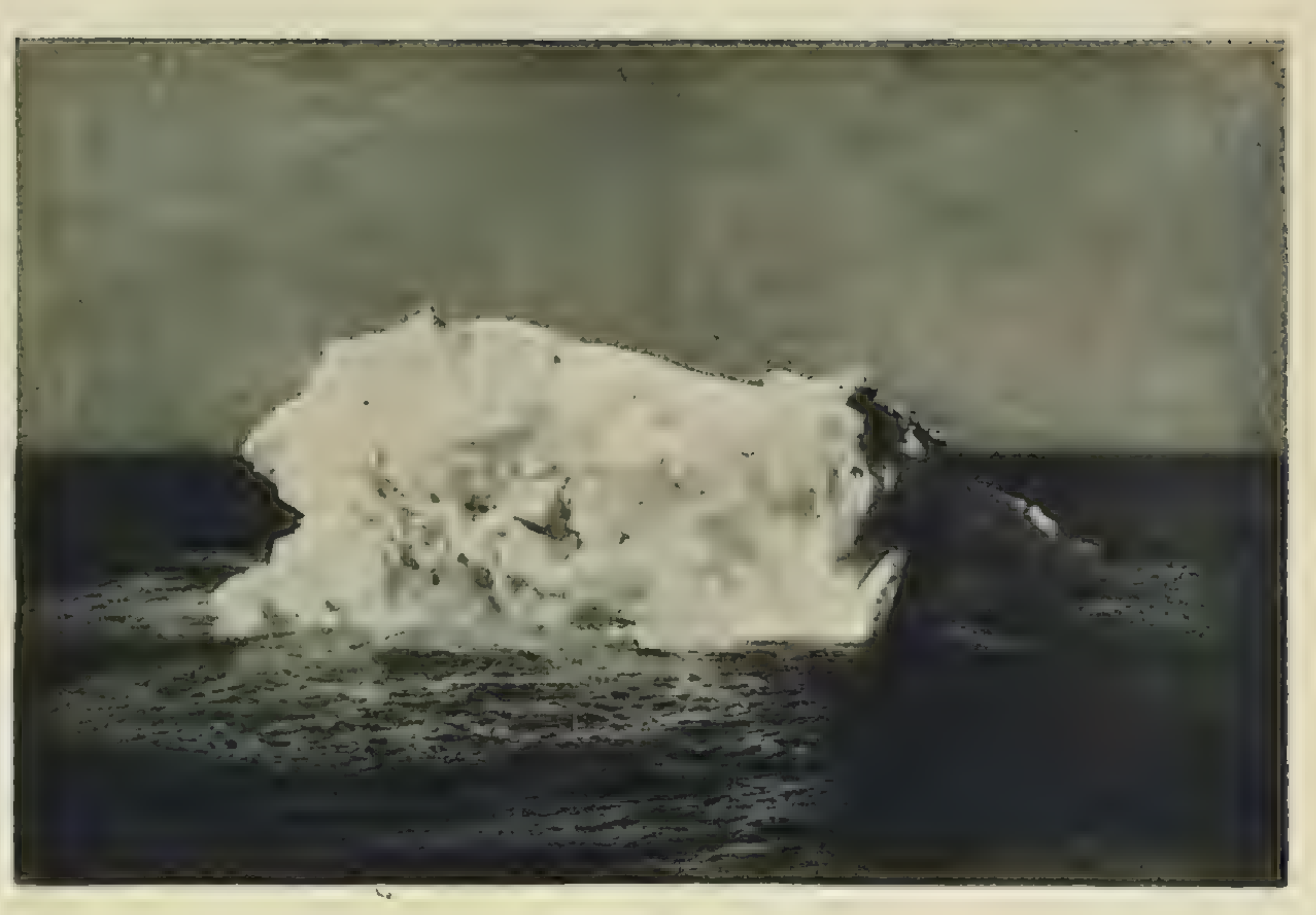
Фельдшер показал нам жилище самоедов. Для них здесь выстроили дома, наподобие казарм. Мы вошли в один из них. Большая комната с нарами поразила нас своей грязью. На нарах были навалены груды мехов, среди которых копошились маленькие дети с комичными, грязными рожицами, на которых сверкали наискось прорезанные черненькие глазки.

Здесь же мы увидели и костюмы самоедов (рис. 121). И мужчины, и женщины, и дети одеваются в «малицы»; это—длинная почти до пят рубаха, сшитая из двух шкур дикого оленя, одна мехом внутрь, другая—наружу; возле воротника пришит меховой же мешок для головы, напоминающий капор; в хорошую погоду его откидывают на спину, а в дурную—надвигают на голову Обувью служат «пимы»,—мягкие меховые сапоги, тоже из двойной оленьей шкуры; подошву делают из медвежьей шкуры, так как олений мех недостаточно прочен и быстро вытирается.

До чего комичны были маленькие самоедики в своем меховом наряде! Точно пушистые шарики вертелись они у ног своих матерей.

— Неужели и цынги у вас не бывает?—спросил доктор.

— Бывает, но сравнительно редко. Очень подвижную жизнь ведут они! Ведь и зимою, в страшные морозы,

Ледяная гора

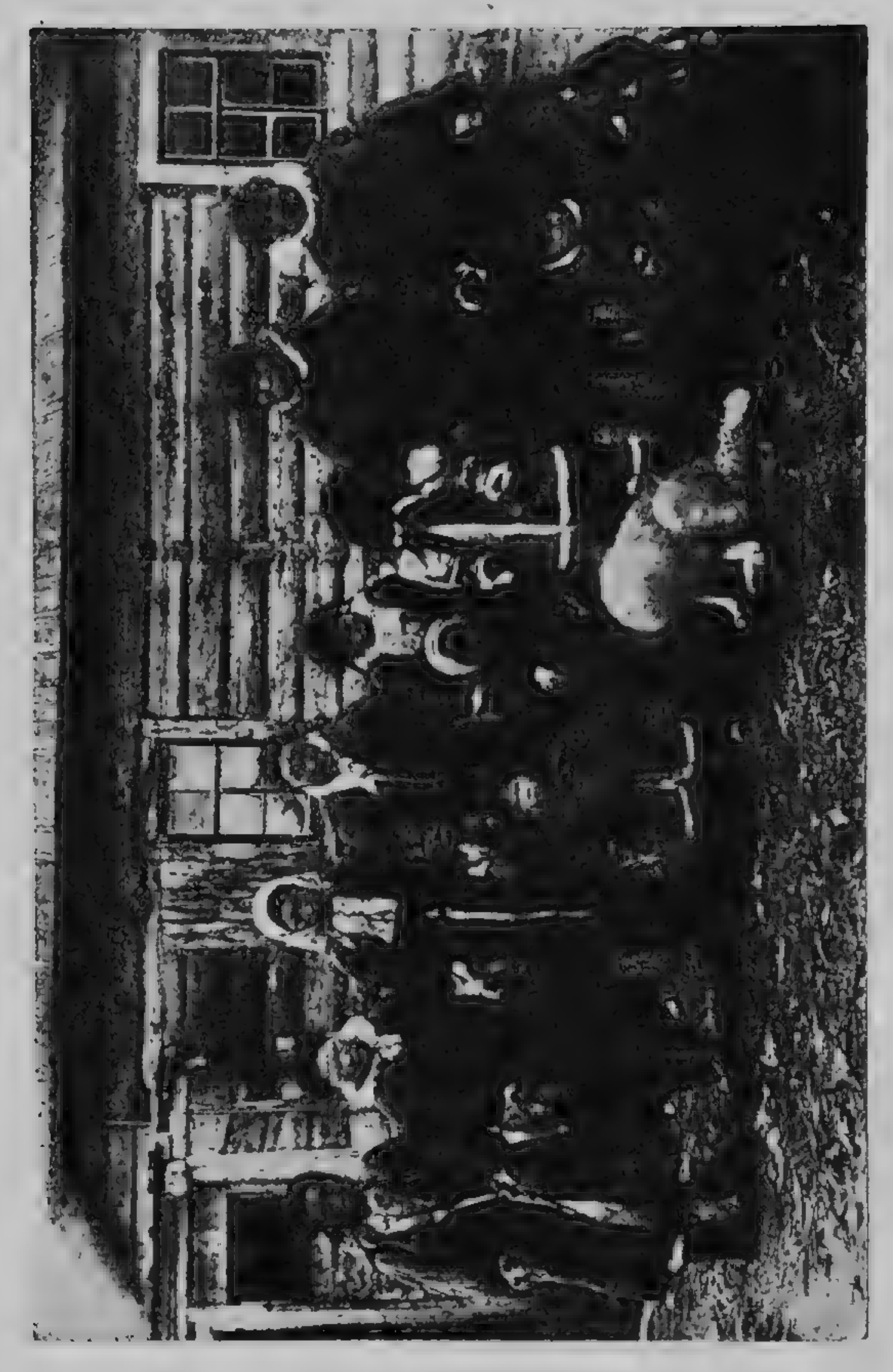

Рис. 121. Группа самоедов.

запряжет собак в нарты и отправляется на охоту. Вот я живу с ними несколько лет, а все никак не могу себе представить, как ориентируются они здесь в снегах, где нет и намеков на дороги. Ведь у нас, в России, чуть метель, уж и сбился с дороги, а здесь какие бури бывают, и все—ничего!

Мы пригласили фельдшера к себе на пароход и снабдили его потом газетами, о которых он нас очень просил.

Рис. 122. Белые медвежата.

Выйдя из становища, мы наткнулись на двух белых медвежат (рис. 122). Уже большие звери, величиной с крупную собаку, они были привязаны на цепях. С рычанием и сверкающими глазами они тянулись к нам, пока мы расставляли аппарат, чтобы их сфотографировать. Скоро им предстояло путешествие в Архангельск, а оттуда в какой-нибудь из зоологических садов.

Хотя снегу было еще много, но и здесь природа просыпалась. На проталинках уже появились растения и даже зацвели. Изредка попадались и насекомые. Мы деятельно

принялись за собирание ботанических и зоологических коллекций.

По возвращении на пароход был произведен ряд работ по исследованию фауны и гидрологии того места, на котором стоял «Андрей Первозванный».

После обеда на шлюпке под парусом отправились к Базарному острову, отчасти, чтобы осмотреть его, а отчасти и с целью пополнить наши пищевые запасы дичью. Поэтому мы взяли с собою ружья. Длинный остров с отвесно-падающими в воду берегами весь был покрыт птицами, почти исключительно гагарками. Это была не охота, а прямо бойня. Птиц было так много, что можно было их настрелять, сколько угодно, в буквальном смысле! Промахов при стрельбе не могло быть, так как скалы сплошь были усеяны птицами. К концу вся наша шлюпка была наполнена ими.

После охоты мы пристали к острову и вышли на берег. Весь он был покрыт гнездами; приходилось выбирать место, чтобы не наступить на яйца или на сидевших на них птиц. Последние очень неохотно покидали гнезда, и при желании их можно было брать руками. Вот, действительно, птичье царство!

Снявшись с якоря, мы пошли на север и после некоторых работ зашли в Маточкин Шар—пролив, отделяющий северный и южный острова Новой Земли.

Мрачные величественные скалы Маточкина Шара встретили нас неприветливо: спустившийся вскоре после нашего прихода густой туман заставил нас торопиться. Вообще это место очень опасно для судов: здесь дует временами такой ужасный ветер, что всякий моряк стремится поскорее уйти от этих гиблых берегов.

Мы все уже успели посетить самоедов и здесь. Как и в Малых Кармакулах, поселение оказалось сильно опустевшим: много мужчин ушло на Карскую сторону, много погибло. Мне здесь впервые удалось видеть са-

моедский чум (рис. 123); высокие колья образуют конический остов, обтянутый снаружи оленьими кожами;

Рис. 123. Самоедский чум.

получается палатка, вверху которой остается отверстие для выхода дыма (рис. 124).

Вот мы и снова в море. В наших каютах стоят букеты первых новоземельских цветов, а на вантах гирляндами висят сотни убитых гагарок. Таким образом, посе-

Рис. 124. Группа самоедов около чума.

щение Новой Земли не прошло бесследно даже и с внешней стороны!

Ярко встает в моей памяти еще одно посещение Новой Земли.

6-го августа пришли мы в Костин Шар,—пролив, отделяющий южный остров Новой Земли от острова Вайгача, и бросили якорь недалеко от берега.

Мы знали, что здесь нет никакого поселка, и все же жуткое чувство охватило нас, когда мы вступили на этот удивительно пустынный берег. Столько дней блуждали мы по океану, не видя ни паруса ни дымка парохода, и теперь на суше нас встретило такое же полное безлюдье.

Невдалеке сиротливо стояла полуразрушенная промысловая избушка (рис. 125); крыши не было, вся внутренность указывала на то, что ее давно уже покинули; в окнах еще сохранились остатки пузыря, которым ее обитатели стремились заменить стекла. Кто здесь жил? Какие отважные промышленники хотели устроить здесь свою базу? Ради чего они перевезли сюда сруб и стремились создать жилище, пригодное для зимовки в этом суровом климате? И мне рисовались картины отчаянной борьбы, которую должна была выдержать эта кучка поморов, отрезанная от всего мира. Какими одинокими и заброшенными должны были они чувствовать себя в полярную ночь, когда снежный ураган потрясал стены этой избушки! Почему же забросили они с таким трудом созданное жилище? Быть может цынга, этот бич полярных стран, измучила их всех, и они умирали здесь медленной, мучительной смертью без всякой надежды на спасение? Или, быть может, все они погибли с борьбе с свирепыми белыми медведями, которые целыми стадами приходили сюда, в надежде полакомиться редкой добычей... Жуткое впечатление производят развалины покинутого заброшенного замка, но несравненно более тяжелое чувство оставила во мне эта полуразвалившаяся избушка с лохмотьями пузыря вместо стекол!

Расстилавшаяся перед нами местность совершенно не похожа была на те картины, которые мы видели в Маточкином Шаре: там—высокие скалы, круто спускавшиеся к воде, здесь—плоский, слегка волнистый берег, постепенно повышавшийся внутрь страны. Даже и в Малых Кармакулах прибрежная часть была значительно более гористой, чем здесь.

Сквозь слабо развитый растительный покров везде проглядывал черный шифер, придававший еще более мрачный вид окружающей местности. Но зато какими яркими пятнами пестрели на нем цветы! Особенно поразили меня незабудки: таких крупных и душистых я нигде не встречал. При этом за массой цветов листьев почти не было видно. Часто ими были покрыты целые довольно большие пространства, которые уже издали бросались в глаза ярко-голубым пятном, на черном фоне окружающей их голой почвы. Очень часто попадались ползучие ивы. Это уже дерево, но какое странное, какое удивительное дерево! Представьте себе стволик толщиною в палец и высотою всего в несколько сантиметров! Выше он не поднимается, и ветви его, расползаясь во все стороны, стелются у самой земли. Когда вы подходите к такому дереву, вы видите на самой земле зеленое пятно диаметром в 30—50 сантиметров и только! Лишь в таком виде и может существовать этот карлик; плотно прижатый к земле он не страдает от ветров, его не обламывает также и снег, толстым тяжелым слоем покрывающий землю; стелющийся по земле ствол с массой ветвей и листьев не так страдает и от холода. Я сделал поперечный разрез главного ствола одного из подобных «деревьев»... Какие удивительно ничтожной толщины годовые кольца! В течение короткого полярного лета в листьях приготовляется так мало органических веществ, что утолщение стебля происходит очень медленно.

Мы собрали коллекцию растений и даже насекомых,

Рис. 125. В Костином Шаре.

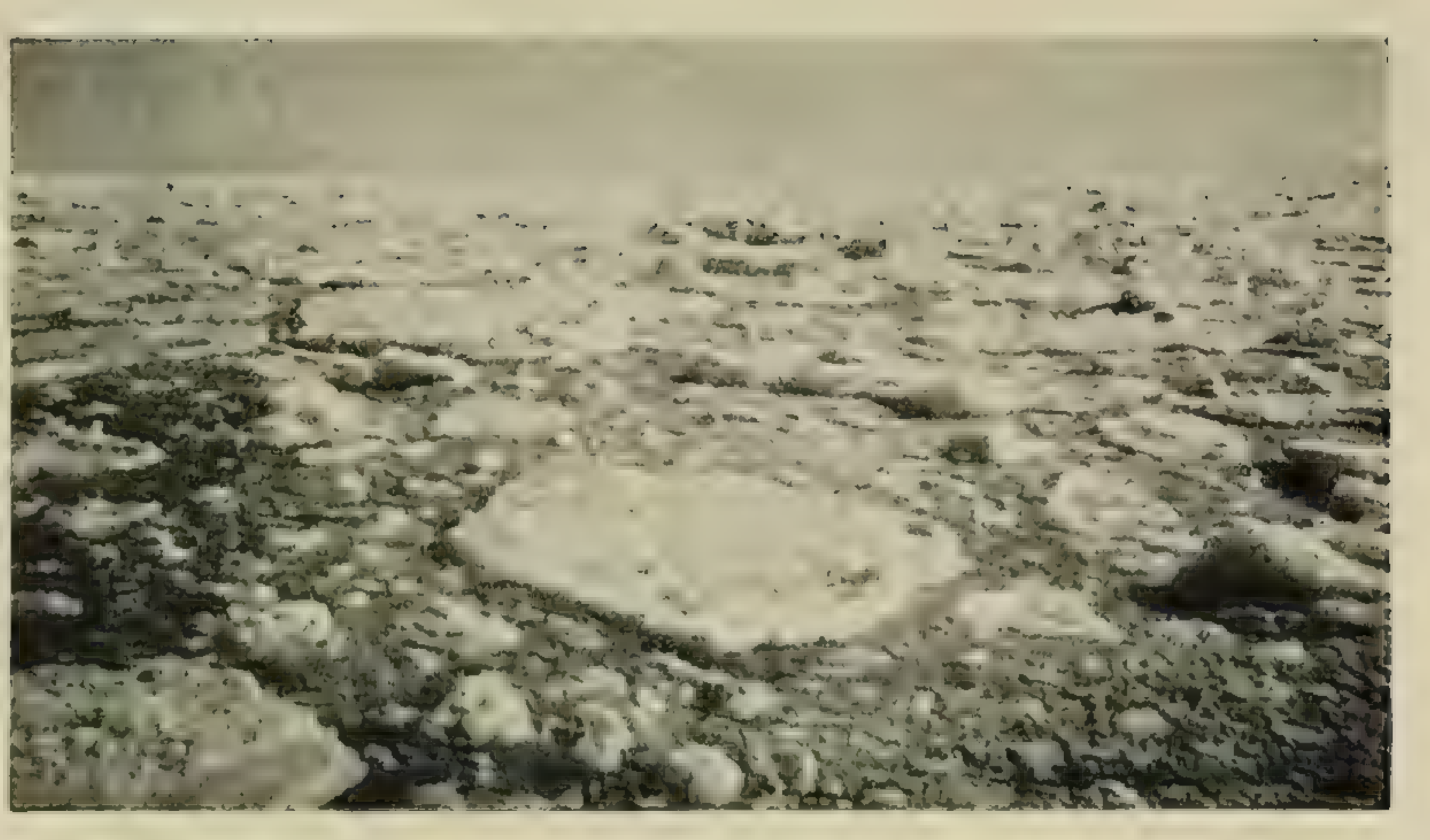
последних было очень мало, и приходилось быть очень внимательным, чтобы заметить их. Кроме того, мы целыми дерновинами брали цветы и потом украшали ими

Рис. 126. Река в Костином Шаре.

наши каюты. Окраска их была так ярка, и они испускали такой тонкий аромат, что сильно могли бы поспорить с большинством цветов, украшающих наши цветники.

Везде виднелись следы диких северных оленей; их

Лед у берегов Новой Земли.

широкие копыта, так хорошо приспособленные для хождения по снегу, ясно отпечатались везде, где почва была мягче.

Рис. 127. Река в Костином Шаре.

В одном из оврагов мы наткнулись на реку, по берегам которой в некоторых местах еще сохранились громадные массы снега... (Рис. 126, 127 и 128). А было уже 6-е августа!

В глубине других оврагов было много озер. Одно из них, лежавшее ближе к морю, очень напоминало ралектовое озеро, и вода в нем оказалась соленой.

После обеда и некоторых работ, произведенных с парохода, мы, захватив ружья и приборы для исследований, снова отправились на берег: очень интересно было поработать в озере с соленой водой; кроме того оленьих следов было так много, и охота на крупную добычу представлялась такой заманчивой, что мы собирались устроить целую облаву.

Перетащив шлюпку на озеро, приступили к работам, но драга принесла нам только лишь шиферный ил, совершенно лишенный жизни. Даже и воды на этом берегу были так же безжизненны, как и суша!

Пока мы возились на озере, капитан и еще несколько человек отправились побродить в окрестностях с тем, чтобы потом всем вместе идти на оленей. Вдруг один за другим раздается ряд выстрелов! В это время наши работы подходили к концу; наскоро собрав инструменты, мы сейчас же бросились в ту сторону, куда ушел Александр Петрович, в полной уверенности, что они наткнулись на целое стадо оленей. Перевалив через невысокий хребет, мы увидели всю компанию, шедшую нам навстречу; Александр Петрович и доктор несли в руках что-то белое... Когда они подошли ближе, мы увидели, что это были лебеди. На одном из озер Александр Петрович и доктор убили 3 лебедей; двух взрослых и одного молодого.

— А мы думали, вы по оленям стрельбу открыли, и уж бежали помогать вам тащить добычу!

— Будут и олени!—уверенно отвечал Александр Петрович.—Давайте, господа, разделимся теперь на две партии и пойдем в разные стороны, а потом сойдемся где-нибудь. Таким образом мы захватим большое пространство, и если только здесь есть олени, они от нас не уйдут!

Рис. 128. Река в Костином Шаре. Видны большие массы снега. Снимок сделан 6-го августа.

Мы разделились и, условившись приблизительно относительно времени встречи, пошли одни — направо, другие—налево. Я попал в партию с Николаем Михайловичем и Александром Петровичем; оба они хорошие стрелки, и я был уверен, что наша партия не упустит оленя, если только он нам попадется.

Мы шли, не разговаривая и стараясь ступать возможно осторожнее. Попав в овраг, мы поднимались на гребень и, скрываясь за выступами шифера, внимательно оглядывали окрывавшуюся пред нами котловину. Не видя ничего интересного, мы пересекали ее и снова взбирались на следующий гребень. Описывая таким образом большую дугу, мы медленно подвигались вперед, с одного гребня на другой. Прошло уже часа 2; небо, покрытое серыми тучами, заалело на западе заревом заката; наступили сумерки. Александр Петрович, раньше нас взобравшийся на гребень, быстро снимая ружье, повернулся к нам и тревожным шопотом сказал:

— Тише! Олени!

У меня екнуло сердце, и задрожали руки. Крепко сжимая ружье, я быстро взобрался на возвышенность и и, притаившись за камнем, начал внимательно осматривать открывшуюся равнину.

— Где они?—спросил я едва слышным шопотом.

— Смотрите вот на ту гряду... видите, что-то движется между камнями!

Действительно, за широким оврагом с пологими склонами возвышался новый гребень, между выступами которого что-то передвигалось. Александр Петрович готовился стрелять.

— Обождите, Александр Петрович, ведь ничего все равно не выйдет!—удерживал его Николай Михайлович.

— Нет, Николай Михайлович! Нужно стрелять! Подойти ближе нам нельзя! Моя винтовка достанет и отсюда, лишь бы он из-за камней больше выступил!

В это время к нам подошел отставший несколько товарищ.

— Ну, что? где олени?—шопотом спросил он.

Мы молча указали ему на то место, где все что-то перебегало. Вынув бинокль, он начал разглядывать противоположный гребень.

— Стойте! — вдруг крикнул он. — Да ведь это же доктор!

Представьте себе наше состояние! Александр Петрович чуть-было не выстрелил в доктора, приняв его за оленя!

Сложив руки в виде рупора, мы стали кричать:

— Доктор! доктор!

Вскоре нам ответили, и с гребня начала спускаться компания, ушедшая с доктором.

— Я вас чуть было не подстрелил!—начал Александр Петрович, когда мы сошлись вместе, и рассказал затем, как мы их выслеживали и ожидали только удобного момента для выстрела.

Оказалось, что они, проблуждав часа 2 и видя, что приближается время встречи, уселись на вершине высокого гребня и начали ожидать нашего появления. Видеть нас они не могли, так как мы старательно прятались за камнями.

Сумерки сгущались все больше и больше (ведь был уже август месяц). Мы прямым путем направились к месту высадки.

Какой чудный запах незабудок встретил меня, когда я усталый после прогулки вошел к себе в каюту!

Скоро мы все оживленные и возбужденные сидели в кают-компании и делились впечатлениями минувшего дня. Доктор возился у музыкального шкапа, и каждый из нас просил его поставить свою любимую пьесу. А над нами на палубе стучали сапоги матросов, поднимавших шлюпку.

Загремела якорная лебедка; пароход вздрогнул и затем послышались мерные удары винта и всплески воды у борта. Мы выходили в море.

ГЛАВА XXIV.

Чешская губа.

В восточной части исследуемой нами области за Канинским полуостровом лежит большой залив, называемый Чешской губой (см. карту). Не только о фауне этого места, но даже и о глубинах ее почти ничего не было известно. Вполне понятно поэтому, как были мы все заинтересованы, когда Николай Михайлович объявил что мы пойдем для работ в эту почти совершенно неисследованную область, в которой еще не был ни один натуралист.

Как и всегда, по пути был сделан ряд остановок, во время которых производились наши обычные работы.

Перед входом в Чешскую губу начали делать приблизительно через каждые полчаса измерения глубин.

К северу от острова Колгуева и Канинского полуострова мы встретили громадные мелководные пространства с чистым песчаным грунтом. Это лучшие места на всем пространстве наших работ для тралового лова. В других частях океана мы часто натыкались на подводные скалы и камни, и часто трал приходил с разорванной сетью. Здесь часами можно было тралировать без всякой опасности для оттертролля. Песок и большинство мелких животных легко проходили через его крупную ячею, но зато какую массу великолепных крупных камбал добыли мы в этих местах!

— Для чего мы так часто измеряем глубину?—спросил один из товарищей.

— А вы посмотрите на наши карты, —отвечал Але-

ксандр Петрович,— на них для этих мест почти нет глубин!

— А кроме того,—добавил Николай Михайлович,— для нас очень важно проследить, не отделяется ли Чешская губа от океана подводным барьером. Если бы таковой существовал, то для ее фауны этим бы создавались в высшей степени своеобразные условия существования, как, напр., в Белом Море.

Но барьера не оказалось. По мере проникновения в губу, глубины постепенно уменьшались, начиная с 50 метров до 30 метров. Грунт, как показывал наш лот, почти везде оказался каменистым.

В нескольких местах мы останавливались для работ. Вследствие небольшой глубины вода в губе обладала высокой температурой; летнее нагревание (мы были здесь в половине июня) проникло до самого дна. Вот, напр., одна из серий:

0 м.	10 м.	25 м.	30 м.
+7,2	+7,0	+7,0	+6,8

Когда мы разбирали зоологический материал, доставленный нам различными орудиями, Николай Михайлович сразу обратил наше внимание на некоторых животных, свойственных более теплым водам. Присутствие их здесь, вероятно, объясняется более высокими придонными температурами, вызванными сильным летним нагреванием.

Желая собрать представителей прибрежной и береговой фауны и флоры, мы пошли к губе Индигской, составляющей как бы часть Чешской губы.

— Что это за островок?—обратился Николай Михайлович к Александру Петровичу, указывая на скалистые берега небольшого острова.

— Это Тиманец! По указаниям в наших мореходных книгах он шиферный, но очертания его заставляют сильно в этом сомневаться!

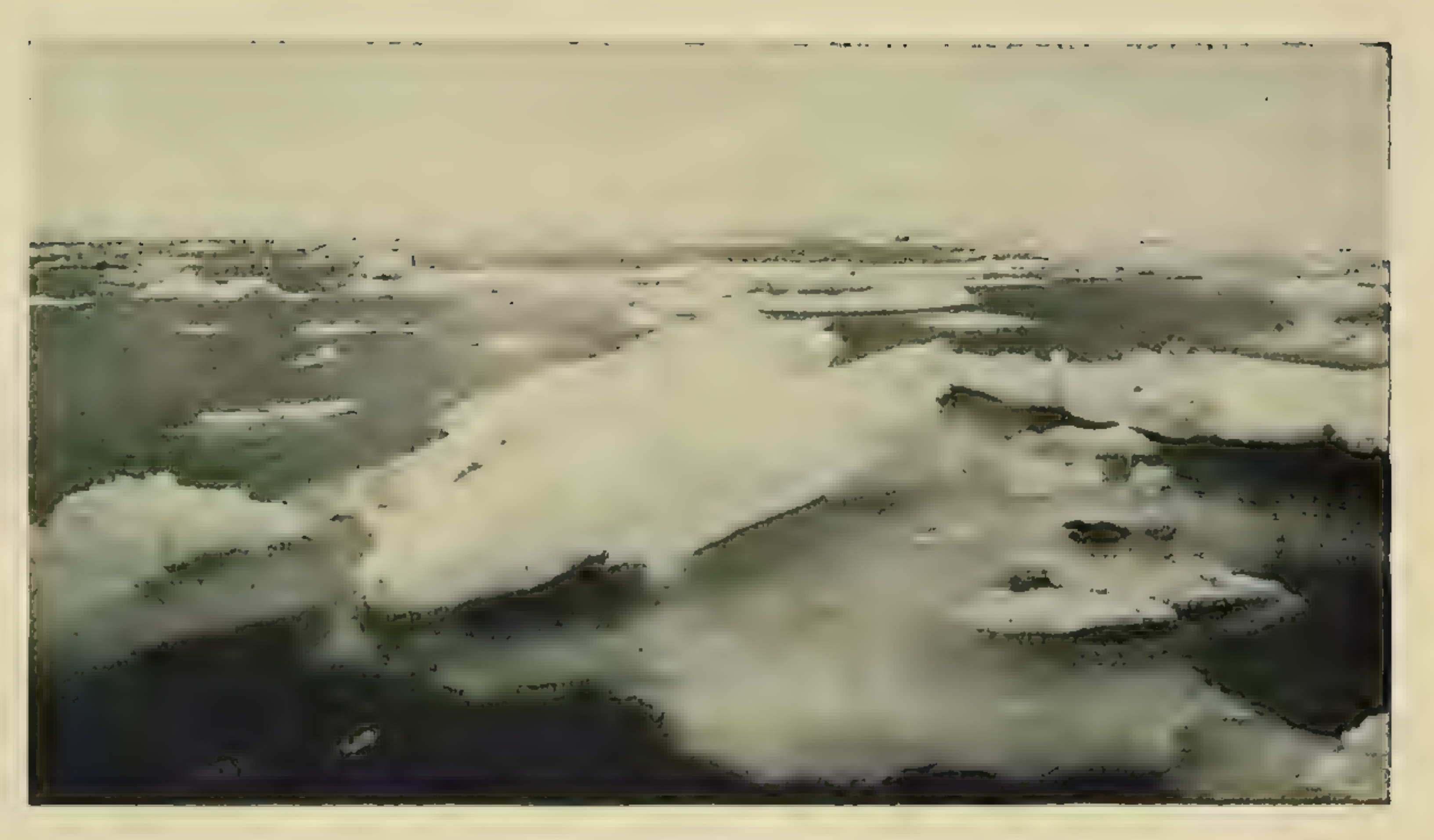
— Да, на шифер эти скалы совсем уж не похожи. Нужно думать, что там есть птичий базар. Знаете что, Александр Петрович, когда станем на якорь, спустите шлюпку. Интересно взглянуть на этот островок вблизи, а вы, господа, захватите все необходимое для литорального сбора, да и геологические молотки не забудьте!

Николай Михайлович не ошибся. Уже подходя к острову, мы были восхищены красотой открывшейся картины. Красивые, плотно сжатые, шестигранные колонны диабаза в некоторых местах почти отвесно спускались к воде. Весь островок был составлен из таких колонн. В одном месте, вероятно, водой промыло ущелье, очень удобное для высадки. Когда мы вышли на берег, нас как бы обступили диабазовые колонны. Вскоре пред нами открылся сквозной грот, сквозь который блестела и сверкала слегка волнующаяся голубая гладь моря! (см. рис. 129). Какие чудные уголки таит в себе наш север!

На острове, действительно, оказался птичий базар (см. рис. 130). Здесь были чайки двух видов; у одних птенцы еще сидели в гнездах (см. рис. 131), между тем как у других они уже ходили по острову, но летать еще не могли (см. рис. 132). Удивительно неуклюжий и нелепый вид имели они и так не походили на своих родителей, красиво летавших в воздухе.

Желая выломать для коллекции несколько кусков диабаза, мы наткнулись на очень красивые жеоды горного хрусталя и аметиста. Среди бурого диабаза они попадались довольно часто в виде более светлых овальных желваков величиною с кулак и больше; когда мы их разбивали, внутри оказывалась пещерка, стенки которой были покрыты, как щеткой, друзами красивых кристаллов то совершенно бесцветных, то отливавших прекрасной фиолетовой окраской аметиста.

Литоральный сбор дал очень немного животных;

Разбитый лед.

здешнее население полосы отлива и по количеству, и по разнообразию оказалось много беднее, чем то, которое привыкли мы находить на всем пространстве Мурманского побережья.

Рис. 129. Остров Тиманец. Грот.

Мне жалко было покидать этот островок, давший столько интересных и разнообразных впечатлений.

Вечером с неводами мы отправились на берег Индигской губы. Песчано-глинистыми обрывами он довольно круто спускался к воде. Здесь мы нашли довольно много раковин моллюсков, свидетельствовавших о том, что

и это место когда-то было морским дном, и по нему перекатывались океанические волны. В одном месте из-под этих отложений выступал в море мыс, сразу отличавшийся от них своей окраской: бледно-желтая масса его совершенно не походила на буровато-серые обрывы. Это—Железный мыс. Только побывав на нем, мы поняли, почему ему дано такое название: звонко, как на железе, звучали на нем удары наших геологических мо-

Рис. 130. Остров Тиманец. Птичий базар.

лотков! Это были каменноугольные известняки с массой окаменелостей.

Когда мы поднялись наверх, пред нами открылась плоская равнина, покрытая травой и цветами. Как широкий луг где-нибудь в центральной России, развернулась она перед нами! А внизу видно устье реки, возле которого только что вымстали невод! А дальше—морская гладь, освещенная спустившимся к горизонту солнцем, и на ней красиво выделяется своими очертаниями «Андрей

Первозванный»! Все кругом так прекрасно, воздух так чист, вечер такой теплый, что невольно глаз искал тех людей, которые должны были жить в таком уютном и красивом уголке. Казалось, здесь было все для привольной, спокойной жизни! Но кругом—ни души, никаких признаков жилья! Только остов какого-то парусного судна, Бог весть, какими судьбами занесенного сюда и выброшенного на берег, показывал, что и помимо нас

Рис. 131. Остров Тиманец. Гнездо чайки с птенцами.

здесь когда-то были люди! Конечно, в бурную осень, и темной полярной зимой окружающая природа не могла быть такой ласкающей, но теперь, в этот теплый, летний вечер она манила к себе разнообразием и красотой открывавшихся картин!

Наши охотники, попав в такую обстановку, забыли обо всем, и, захватив ружья, отправились на охоту в полной уверенности, что раз существует такой луг, то должна быть и соответствующая дичь. Они жалели об

одном: с ними не было собаки. И представьте себе, что испытали они, когда один из товарищей вскоре явился с убитым бекасом! Вот уж на какую дичь они наверное не рассчитывали, когда собирались на охоту! Разговорам и мечтаниям о том, сколько набили бы они, если бы была хоть какая-нибудь плохенькая собаченка, не было конца!

Но вся прочая их добыча заставляла забыть о бекасе и вспомнить, что мы на крайнем севере: только здесь в

Рис. 132. Остров Тиманец. Молодые чайки.

средине лета можно было встретить белых куропаток, а их они убили довольно много!

Лов неводом, а затем и драгами еще ярче подчеркнул то, что мы не только на севере, но и на востоке, лишенном живительного влияния ветвей Гольфштрема! Фауна оказалась бедной: невод принес очень немного животных, среди которых было несколько камбал и между прочим 4 корюшки; улов драги был также ничтожен. Совсем не то, что на Мурмане, омываемом гольфштремной водой!.

Покинув эти места, с которыми у меня до сих пор связано впечатление чего-то удивительно уютного и симпатичного, мы долго еще работали в окрестностях Канинского полуострова и очутились, наконец, около острова Колгуева.

Исследование этого острова, очень редко посещаемого натуралистами, могло дать в высшей степени ценные и интересные результаты. Но попасть на него оказалось не легко: он окружен мелями, так что подойти близко к берегу невозможно, и, кроме того, на нем нет ни одной бухточки, сколько-нибудь удобной для высадки. Уже несколько раз подходили мы к нему, но попасть на самый остров нам все не удавалось: то буря, то туман заставляли нас отказываться от нашего намерения. На этот раз, повидимому, ничто не могло помешать нам: было ясно и довольно тихо; небольшая мертвая зыбь нас не беспокоила.

«Андрей Первозванный» отдал якорь в милях в двух от берега: подходить ближе вследствие окружающих остров мелей было опасно. Скоро спустили шлюпку, и в ней разместилась наша большая компания с ружьями, банками и другим экскурсионным снаряжением. Весело болтая, мы все ближе и ближе подходили к отлогим, темным берегам Колгуева. Нам осталось пройти не больше 50—70 саженей. Но тут мы встретили препятствие: несмотря на довольно тихую погоду, прибой оказался сильным, и прибрежная полоса кипела и пенилась линией бурунов.—Где бы пристать?— Эта мысль занимала всех нас, и каждый все свое внимание устремил на берег, чтобы отыскать хоть маленькую бухточку, в которую могла бы проскочить наша шлюпка.

Вдруг сзади нас, со стороны океана послышался какой-то рокот... Мы оглянулись и увидели громадную волну, с ревом стремительно надвигавшуюся на нас!

— Право греби, лево табань!—скомандовал Василий Николаевич, сидевший на руле.

Но было уже поздно. Шлюпка едва успела повернуться наискось к волне, как на нас с шумом обрушилась масса мутной, зеленоватой воды. На мгновение все скрылось предо мной; я почувствовал только, как меня ударило что-то холодное... Вследствие того, что мы стояли к волне в косом направлении, залило только корму. Отплевываясь от горько-соленой воды, мы видели, как окатившая нас волна понеслась дальше к берегу. Мы были мокры с ног до головы, но живы и невредимы. Зевать было некогда: за первой волной шла вторая, не менее грозная. Но Василий Николаевич не растерялся и успел повернуть к ней шлюпку носом. Вот она, как высокая вогнутая по направлению к нам стена, с клокочущим и пенящим гребнем несется на нас... Кажется, что вся эта масса сейчас должна поглотить шлюпку...

— Держись!—командует Василий Николаевич.

Я хватаюсь за борт и закрываю глаза... Как щепочку, подбросило нашу шлюпку, поставив ее почти вертикально носом вверх, но только брызги попали на нас. Следующие волны были уже не страшны.

Возбужденные после перенесенной опасности, возвращались мы на пароход. Нас встретил Александр Петрович, который был встревожен не меньше нас.

— Ну, счастливо отделались! А я приготовился уже спасать вас и даже шлюпки приказал спустить.

— Разве было так опасно?—спрашивали мы.

— Я следил за вами в бинокль, и когда увидел, что вы все заняты рассматриванием берега в то время, как на вас надвигалась волна, решил уже, что шлюпку опрокинет... В этот момент я и закричал, чтобы спускали и остальные шлюпки. Ведь если бы вы стояли к волне бортом, мне теперь пришлось бы отыскивать каждого из вас в этих бурунах.

— Скажите, пожалуйста, откуда вдруг так неожиданно взялась эта волна?

— Ветер поднялся, да и прилив начался... В океане это совсем незаметно, а вот когда волна докатилась до мелководья, она и встала такой стеной. Это самая опасная форма волны. Вы обратили внимание, как она вогнута была по направлению к берегу? Через такую волну проскочить удается не всегда.

Только теперь я понял, насколько серьезную опасность пришлось пережить нам несколько минут назад!

ГЛАВА XXV.

Звериный промысел.

Желая получить точные данные о тюленьем и моржевом промысле и выяснить, какое значение он может иметь для русского севера, зимою 1900—1901 года отправили «Помора» в Норвегию, именно в Тромзе, чтобы приспособить его к плаванию во льдах. Там его ремонтировали, обшили его борта дубовыми досками, чтобы он мог выдерживать трение и напор льдов, и снабдили всем необходимым для промысла (см. рис. 133).

В роли наблюдателя за промыслом на «Поморе» отправился мой товарищ Нестор Александрович С.; я искренно завидовал тому, что он попал в такое интересное плавание!

«Помор» выходил на промысел два раза: первый раз — со 2 марта по 26 апреля (рис. 134), и во второй раз—с 15 мая по 27 июня 1901 года (рис. 135).

27 июля я сидел в береговой лаборатории и приводил в порядок дневники наших работ последнего рейса. Из окна был чудный вид на всю Екатерининскую гавань, ярко освещенную солнцем, и я, оторвавшись от работы, любовался знакомыми местами, с которыми было

связано столько воспоминаний. Мое внимание привлекло довольно большое парусное судно, входившее в гавань. Да ведь это же «Помор»!

Плавно и величественно направлялся он к Екатери-

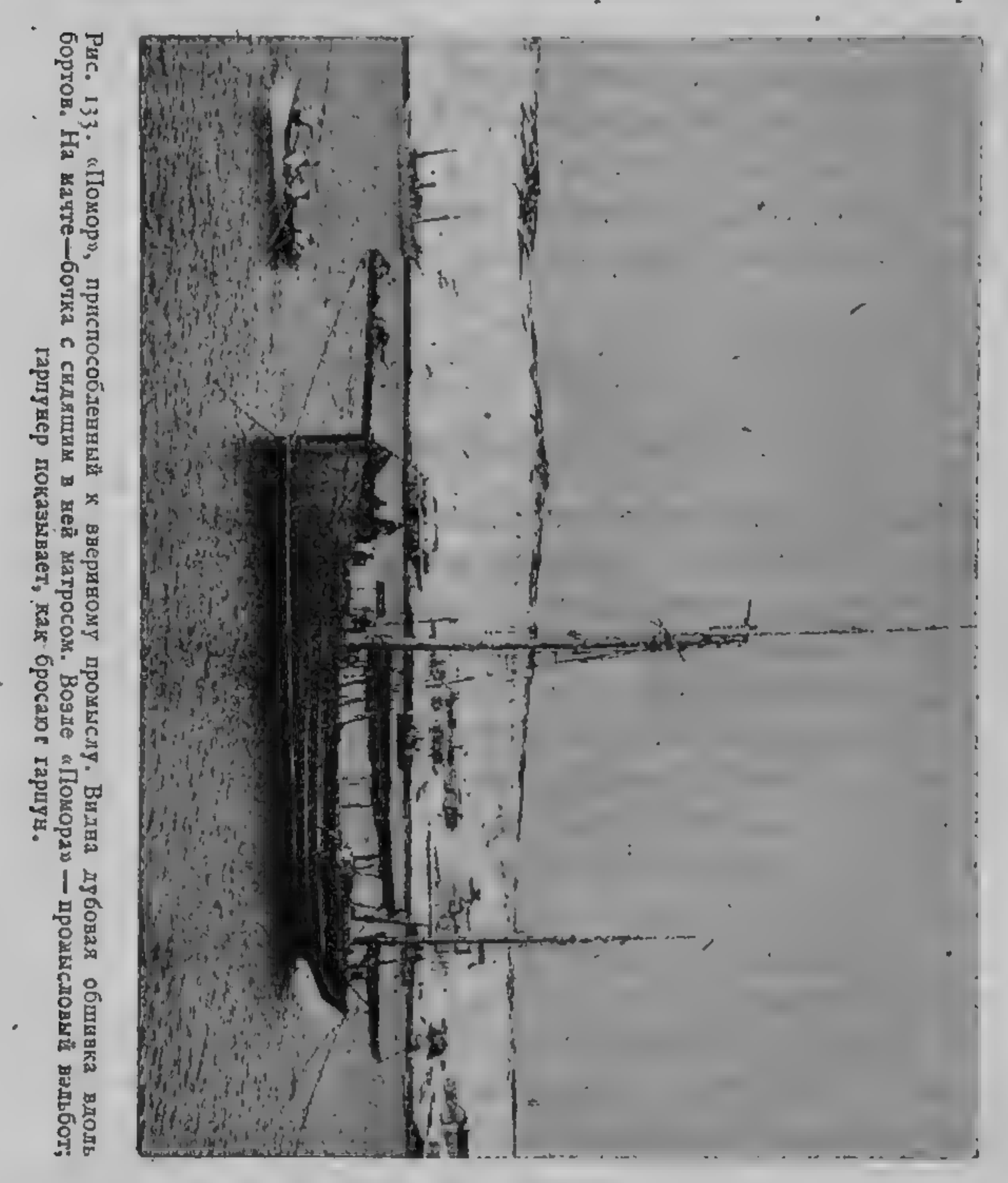

Рис. 133. «Помор», приспособленный к звериному промыслу. Видна дубовая обшивка вдоль бортов. На мачте—бочка с сидящим в ней матросом. Возле «Помора» — промысловый вельбот; гарпунер показывает, как бросают гарпун.

нинскому острову, распустив все свои паруса. Вот загремела якорная цепь, и в то же самое время сразу опустились все паруса. Я вспомнил, как любил Григорий Иванович щегольнуть таким маневром! Оказывается, и

Рис. 134. Группа лиц, участвовававших в первом плавании «Помора». В центре группы с винтовкой в руке — капитан «Помора», Григорий Иванович Ц. В белых рубахах—гарпунер, его помощник и два матроса, выезжавшие на промысловом вельботе.

после нескольких месяцев погони за тюленями и моржами он все также старался показать свое судно в более эффектном виде.

Наша встреча была искренно радостная.

Прошло дня два в беспрерывной суете. Как-то после обеда в береговом помещении, на котором присутствовал и Григорий Иванович, он начал меня упрекать:

Рис. 135. Участники второго плавания «Помора».

— Что это вы нас совсем забыли! И не заглянете на «Помор».

— Как, Григорий Иванович? Я был у вас, и моржей, которых вы набили, и медведя видел!

— Это не в счет! Вот вы бы к нам вечерком собрались! Чайку бы попили, в шахматы партию сыграли! Помните, как когда-то вы мне все маты давали?

Я от души поблагодарил Григория Ивановича и в тот же вечер отправился на «Помор».

Как и раньше, сидели мы друг перед другом в каюте за шахматами, а штурман, наблюдая за игрой, сопровождал каждый ход иной раз очень едкими замечаниями. Но игра шла вяло: сначала мы вспоминали наше прежнее плавание, а потом я начал расспрашивать о звериных промыслах. Впечатления только что законченного плавания живо волновали моих хозяев, и они охотно рассказывали мне о своих приключениях. Сначала разговор шел довольно беспорядочно, но так как меня очень заинтересовали детали промысла, то я начал задавать вопросы, чтобы выяснить всю картину этой интересной охоты.

— Позвольте, Григорий Иванович,—перебил я рассказчика,—где же вы собственно плавали?

— У льдов. В первый рейс—главным образом у восточного Мурмана, а в последний—доходили и до Новой Земли и даже в Карское море выходили.

— Как же вы отыскивали зверя?

— Гарпунер сидит в бочке и в подзорную трубу осматривает льды. Тюлени любят греться на льдах, моржи тоже. Как только увидит он их на льду, сейчас же спускают вельботы и отправляются на промысел. И вот тут интересно бывает смотреть на гарпунера... Уж по тому, как он спускается на палубу, сразу можно сказать, какого зверя он увидел. Если гарпунер торопится и сверху уже знаками дает знать, чтобы не шумели, пари можно держать, что он увидел моржа. Это зверь осторожный; запах дыма, крик или шум на палубе иной раз за версту и больше могут спугнуть его. В таких случаях на судне сразу тихо становится. Без шума спускают вельбот и отправляются за моржем.

— А что это такое вельбот? почему не просто — шлюпка?

— А уж так называется шлюпка для этого промысла.

— Что же, в ней есть какие-нибудь особенности?

— Идемте посмотрим! У нас один вельбот нарочно

почти в полном вооружении стоит, чтобы показать тем, кто не был на этом промысле.

Мы вышли на палубу. Там стояла большая шлюпка, мимо которой я уже проходил, но не обратил на нее внимания. Это и был вельбот. В длину он был больше 6 метров; снаружи, передняя его часть была обита цинком для того, пояснил Григорий Иванович, чтобы предохранить деревянные борта от повреждения льдом.

— Что же в нем особенного?—спросил я.

— Прежде всего,—ответил Григорий Иванович,—постройка: благодаря частым и тонким шпангоутам [1]), его борта отличаются такой упругостью, что, сжимаясь при давлении льдом, они снова принимают прежнюю форму, как только давление прекращается; при сильном же сдавливании его выпирает на лед, а не раздавливает. Кроме того, и внутреннее его устройство специально рассчитано на охоту за такими зверями, как моржи и тюлени.

— Рассказывайте, Григорий Иванович, лучше все по порядку!—попросил я.

— Хорошо! На вельботе отправляются 4 человека: гарпунер (рис. 136), его помощник, весельщик и корщик. Все они надевают поверх платья белые рубахи, а гарпунер еще и голову обматывает белым платком.

— Для чего же это?—удивился я.

— Чтобы незаметно подкрасться к зверю. Вы посмотрите, и вельбот снаружи окрашен в белый цвет!

— Неужели этим можно кого-нибудь обмануть, хотя бы даже и моржа?

— Не только зверь, а и люди с трудом различают такую шлюпку среди льдов! Бывали случаи, когда два вельбота, не замечая друг друга, подходят к одному месту, и только, услышав выстрел, убеждаются в том, что это не льдина, а промысловый вельбот. Идти приходится

[1]) Ребра, к которым прикрепляются доски, образующие борта судна.

крайне осторожно. Разговоров не полагается. Гарпунер, сидящий на носу, командует знаками, особым обра-

Рис. 136. Гарпунер; у его ног—гарпун со штоком и линем.

зом опуская и поднимая то одну, то другую руку. Удар веслом о льдинку, даже капли, падающие с весел, уже могут испугать зверя, и, так как он лежит

всегда на краю льдины, то он моментально уходит в воду.

— Да ведь во льдах всегда стоит шум! Неужели можно при этом придавать большое значение таким ничтожным звукам.

— Представьте себе, мы на опыте убедились, как это важно. Удивительно тонким слухом отличаются эти животные! Обоняние у них тоже поразительное: если ветер дует по направлению ко льдам, тогда и не думай подойти к ним!

— Итак, вельбот незаметно подходит к лежащему на льдине моржу шагов на 20. В это время гарпун уже налажен. Вот посмотрите на это приспособление! (рис. 137). К этой веревочной петле привязывается крепкий тонкий линь, а в эту трубку вставляется шток. Вот он! — И Григорий Иванович показал мне тонкую гибкую палку сажени 2 длиною.—Гарпунер поднимается и, размахнувшись, обеими руками бросает гарпун в моржа. Последний моментально бросается в воду и при этом часто ломает шток, но он уже выполнил свое назначение: гарпун сидит в теле зверя, и морж оказывается привязанным на лине. В этот момент гарпунеру нельзя зевать! Бывает так, что морж удирает, тогда приходится травить линь и в то же время держать наготове винтовку, потому что скоро он всплывает на поверхность воды, и тогда в него нужно стрелять. Но бывает и иначе: часто морж бросается на шлюпку! Стрелять при этом удается далеко не всегда, и у гарпунера должны быть готовы топор и вот эта спица (рис. 138): если морж вынырнет около вельбота, его закалывают спицей, если же он сразу

Рис. 137 стрее гарпуна.

бросится на вельбот и зацепит своими бивнями за его борт, остается одно—рубить его голову топором. А бывает иногда, что морж уходит под льдину... Сначала линь травят, но его сравнительно не много, саженей 25, и тогда он может утянуть под лед и вельбот; в таких случаях приходится, жертвуя и линем, и взятым на гарпун зверем, перерезывать линь!

— Я одного только не понимаю, Григорий Иванович, для чего бросают гарпун? Почему сразу не стреляют в моржа?

— Да потому, что убить его сразу нельзя! Вы посмотрите, какими пулями приходится стрелять в него!—И Григорий Иванович протянул мне патрон, свинцовая пуля которого на верхушке была снабжена стальным наконечником.—Только такая пуля и может пробить его че-

Рис. 138. Спица.

реп! Да и то редко удается убить моржа одним выстрелом; обыкновенно приходится стрелять в него 2 и 3 раза. А обыкновенная свинцовая пуля расплющивается о его лоб; Если же морж, хотя бы и смертельно раненый, уйдет в воду, вы его не достанете, так как он в воде тонет.

— А если бы вы видели, Константин Павлович, как стреляют гарпунеры?! Без промаха!—вмешался штурман.— Ну, да и упражняются же они! Когда мы шли на промысел, так они нам надоели своей стрельбой: все, что только можно, пустую бутылку, полено, сейчас же—за борт и бац! Это, чтобы к винтовке пристреляться!

— Вот посмотрите теперь,—продолжал Григорий Иванович—как на вельботе все приспособлено для такой охоты: вот здесь сидит гарпунер, тут у него гарпуны, тут 4 линя, тут он держит винтовку, за этими рейками насыпаны патроны, здесь вот лежит спица, а сюда вты-

кается топор. Всё под руками! Но, конечно, одному справиться трудно, и, как только подходят к зверю, помощник бросает весла и помогает гарпунеру, подавая ему все, что нужно. Иной раз секунда замедления может повести к печальным результатам: или зверя потеряют, а то так и всем плохо придется!

— А большая выгода убить моржа?—полюбопытствовал я.

— Особенно ценится его кожа, очень толстая и удивительно прочная; а кроме того клыки и жир тоже идут в продажу. В среднем доход с моржа достигает 100 рублей [1]), а иногда и больше.

Когда моржа убьют, тушу его вытягивают на льдину и снимают кожу вместе с находящимся под ней слоем жира (рис. 139 и 140). Мясо и кости бросают, а шкуру перевозят на судно (рис. 141 и 142). Здесь с нее соскабливают жир (рис. 143) и затем кладут в соль, чтобы кожа не испортилась.

— Скажите, пожалуйста, а при охоте на тюленей, тоже требуется такая осторожность?

— Морской заяц (рис. 144), самый крупный из наших тюленей, поразительно осторожен; подходить к нему приходится, пожалуй, с еще бо́льшими предосторожностями, чем к моржу. Гренландские тюлени или, как их называют промышленники,—«ко́жа» (рис. 145), попадающиеся чаще других, несколько менее осторожны.

— А их тоже берут на гарпун?

— Нет, их прямо стреляют разрывными пулями. При этом важно бывает убить тюленя сразу, чтобы он и не шелохнулся. Часто «кожа» лежит на льдах целыми массами. Когда подходит вельбот, то гарпунер прежде всего стреляет в того тюленя, который лежит на самом краю льдины. Встревоженная выстрелом, вся стая поднимает

---

[1]) По довоенным ценам.

Рис. 139. На льдине снимают кожу с убитого моржа.

Рис. 140. На льдине снимают кожу с убитого моржа.

Рис. 141. Шкуру моржа поднимают на палубу «Помора».

Рис. 142. Шкуру моржа поднимают на палубу «Помора».

голову и смотрит вперед на старого самца, лежащего у самой воды; если он убит сразу, не шевелится и не уходит в воду, большинство успокаивается, и тогда снова можно стрелять. Но лучше всего бить «серку». Это— молодые гренландские тюлени; они серого цвета, почему их так и называют. Иной раз она такими массами покрывает лед, что он издали кажется серым. Когда серка, полежавши на льдине, обогреется и высохнет, тогда к

Рис. 143. На «Поморе» снимают жир с тюленьих и моржевых шкур.

ней можно итти смело: ни выстрелы, ни вид человека ее не пугают. Но и она, если почует запах, уходит в воду.

— Ну, а в общем, насколько выгоден звериный промысел?

— Да вот первый рейс дал нам около 2.200 рублей, да теперь у нас есть кож и сала рублей на 1000!

— Почему же так мало им занимаются на Мурмане?

— Снаряжение дорого стоит. Прежде всего нужно хорошее судно, так как с плохим нельзя итти во льды.

Рис. 144. Морской заяц, молодой

Рис. 145. Гренландский тюлень—«кожа».

Вот и в этом году у мыса Городецкого раздавило льдом промысловую яхту одного помора. Нам еще пришлось спасать ее команду.

— Позвольте, а как же вы белого медведя убили? Я об этом и забыл вас спросить.

— Это нам уж подвезло! Ходили мы у льдов... Вдруг из бочки гарпунер кричит, что в море плывет белый медведь. Сейчас же спустили вельбот и погнались за ним. А он, видя, что его нагоняют, нырять начал. Вынырнул он, а тут его двумя пулями и уложили! Думали уже, что пропадет зверь, так как мертвый медведь тонет, а он всплыл и лежит на воде. Жирный уж очень был, да и в желудке у него много тюленьего жира нашли. Не будь этого, пропал бы наш медведь!

Мы снова вернулись в каюту, но о шахматах больше и не думали: меня очень заинтересовали рассказы Григория Ивановича, да и он увлекся воспоминаниями.

— Что ж, были в вашем плавании и тяжелые минуты?

— Всяко бывало. В марте месяце шторм был, и мы отстаивались у Поканских островов. С нами еще одна яхта промысловая стояла. Вдруг сразу ударил мороз, и мы оказались во льду. Тут пришлось поработать! Чтобы выбиться на чистую воду, пришлось перед «Помором» рубить лед. Сделают ряд прорубей, потом взломают между ними лед и тянут судно на тросе. Медленно мы подвигались тогда. На наше счастье поднялся свежий ветер; мы подняли паруса, и тогда «Помор» сам уже шел по сделанной проруби (рис. 146); а когда лед стал тоньше, и рубить не пришлось: «Помор» наш таким ледоколом стал, что и ваш «Андрей» ему позавидует!

— Вот вы были здесь ранней весной, как в это время по берегам? все мертво, конечно?

— Ну, нет! Там же, в Поканских островах мы с Нестором Александровичем на белых куропаток охотились в начале марта!

— Как же они живут среди снега? Чем питаются?

— Убитых нами Нестор Александрович вскрывал, так в зобу у них полно было ягод и листочков вероницы. А гаг мы там сколько в это время видели! Прямо тысячами сидели они у самого прибоя! Одним выстрелом можно было бы много штук убить!

— И что же вы на них тоже охотились?

Рис. 146. «Помор» пробивается среди льдов; сзади видно другое промысловое судно.

— Нет! Их ведь запрещено стрелять на Мурмане. Нестор Александрович только для коллекции убил несколько штук.

— Ну, а еще каких вы зверей видели?

— На песцов [1]) охотились, да—неудачно! Очень уж хитрый и ловкий зверек. Много птиц разных видели мы на Колгуеве,—правда, это было уже в июне месяце...

---

[1]) Полярная лисица.

— Расскажите мне про Колгуев! Сколько раз мы собирались попасть на него, и все не удается.

— Да что же о нем рассказывать? Пробыли мы на нем всего несколько часов. Становище оказалось совершенно пустым; амбары и избы не заперты, несмотря на то, что там в бочках было много тюленьих шкур. Вероятно, зимой напромышляли, да так почему-то и оставили. Вот на земле Кусова интереснее было: там мы на оленей охотились. И как кстати подошла нам эта охота! Запасы подходили к концу, ели мы уже кое-как, а тут свежая оленина! В тех же местах лебедей и гусей диких стреляли. Шкурки Нестор Александрович поснимал для коллекции, а мясо мы съели. Без шкурки оно, пожалуй, еще вкуснее!

Далеко за полночь затянулась наша беседа. Распростившись с хозяевами, я собирался уходить.

— Что же вы, Константин Павлович, не поздравите Григория Ивановича?—спросил вдруг штурман.

— С чем?—удивился я.

— А теперь наш Григорий Иванович не только капитан, а и судовладелец! «Помора» покупает!

Я от души поздравил Григория Ивановича и пожелал ему успеха!

Полусонный вахтенный скоро доставил меня на шлюпке домой, т.-е. в мою каюту на «Андрее Первозванном».

ГЛАВА XXVI.

Возвращение.

Вот и конец августа. Близится возвращение в Петербург, и, когда во время работы я вспоминаю об этом, у меня сжимается сердце и холодеют руки. Почти полгода незаметно пролетели в напряженной работе. Почти полгода я сколько-нибудь близко сталкивался только со

своими товарищами. И хотя за это время я успел всех их оценить и полюбить, но, несмотря на это, все мы немного друг другу надоели. Чувствовалась потребность переменить обстановку и на время уйти друг от друга. Как-то не верилось, что скоро я буду среди других людей и среди других интересов.

Уже давно прекратился непрерывный полярный день. Так приятно было зажечь у себя в каюте электричество и мечтать о том, что скоро я окунусь в клокочущую жизнь большого города; и в то же время было жалко покинуть, быть может, навсегда и это беспрерывно волнующееся море, и эти маленькие каютки, в которых было столько пережито и перечувствовано.

На берегу кипит работа. Все мы заняты укладкой коллекций, которые вместе с нами едут в Петербург. Непрерывно раздается стук заколачиваемых ящиков.

Но вот и последний взгляд на Екатерининскую гавань, и последнее рукопожатие тем из товарищей, которые остаются здесь на зиму. В душе копошится зависть: так интересно было бы провести здесь полярную зиму! Но в то же время так сладко тянет к той далекой и бурно кипящей жизни, которая ожидает нас в Петербурге!

Мы идем в Архангельск, производя свои обычные исследования. По ночам на палубе ярко светят электрические лампы, позволяя вести непрерывную работу. Какой черной кажется теперь вода, когда после яркого освещения посмотришь за борт!

Доставая парусиновым ведром воду для определения поверхностной температуры, я с удивлением заметил, как вспыхнула холодным зеленоватым светом морская поверхность, когда ее коснулось ведро. Неужели это свечение моря? Неужели и здесь за полярным кругом можно наблюдать это удивительное явление?

Я вытащил ведро и начал опускать термометр... Снова слабым фосфорическим светом блеснула вода в вед-

ре. Стоило мне поболтать воду, как в ней загорались мириады бледных голубоватых искорок.

Темная ночь! Мы работаем в ярко освещенной лаборатории. Время от времени к нам заходит Александр Петрович.

— Почему вы не спите?—удивляемся мы.

— Нельзя теперь спать! Мы идем в горле Белого моря, а в таких местах нам спать не полагается!

— Да ведь есть же вахтерный штурман!

— Штурман штурманом, а за все, что может произойти, отвечаю я.

Работа окончена. До утра остановок не будет, но не хочется идти к себе в каюту. Мы сидим в лаборатории и говорим уже о том, что ожидает нас впереди.

— Господа, северное сияние!—зовет нас Александр Петрович.

В северной части небосклона, действительно, мерцает и переливается таинственный голубой свет.

— Это север прощается с нами!—говорит кто-то среди наступившей тишины.

Я снова завидую оставшимся в гавани товарищам: они будут наблюдать не такие бледные, а настоящие северные сияния, когда почти все небо охватывается их заревом.

— А это что за светлая точка? Вот она скрылась... Вот опять блеснула!

— Это маяк!—слышится в темноте голос Александра Петровича.

Я долго стою и смотрю на эту периодически потухающую и снова ярко вспыхивающую точку, но мысли мои далеко отсюда, среди моих близких, ожидающих моего возвращения!

Ранним утром мы были у выхода из «горла» в самое Белое море. Глубина не большая,—всего 86 метров; температуры высокие: даже у дна +5,4. После работ идем дальше.

На следующей станции под 65°52′ с. ш. и 36°16′ в. д.— глубина 236 метров! Поразительны здесь были температуры: на поверхности — +13,3, но уже на 50 м. — 0,8, а на 230 м. — 1,6!

— Подобное распределение температур, — поясняет Николай Михайлович,—очень характерно для Белого моря: верхние слои воды вследствие сильных береговых нагреваний обладают очень высокими температурами сравнительно с теми же слоями воды в океане; но зато более глубокие слои, изолированные от влияния океанических вод барьером, находящимся в «горле», сохраняют очень низкие температуры.

— А Белое море зимою замерзает?

— О да! Даже в начале июня пароходы не всегда могут пройти из Архангельска на Мурман. Бывали случаи, что они неделями стояли во льдах в «горле» Белого моря.

Зоологические орудия принесли нам животных, среди которых даже наш неопытный глаз сразу отличил таких, которых мы в океане не встречали.

— Что это за моллюски в таком громадном количестве?—спрашивали мы Николая Михайловича.

— Это Ioldia arctica!

— Почему же она не встречается на Мурмане?

— Это животное более холодной области. Было время, когда весь север Европы отличался вероятно теми же климатическими условиями, которые находим мы теперь в Белом море; тогда Ioldia arctica встречалась и там. Белое море тем и интересно, что как его физико-географические особенности, так и фауна в значительной степени объясняют нам условия жизни в том холодном море, которое омывало когда-то значительную часть берегов Европы.

Среди рыб, принесенных оттертроллем, обыкновенной трески не было, но попалось несколько «саек» или по-

лярных тресок. Очень удивило даже и Николая Михайловича нахождение среди добытых животных тех самых митилюсов, которые так часто встречаются в литоральной полосе. Здесь мы их добыли с глубины 236 метров!

Очень странно выглядели крупные Gorgonocephalus—большие офиуры с сильно разветвленными лучами. Интересны также были роскошные колонии гидроидов и особых кораллов (Alcyonium), которые однако не строят таких известковых построек, как их южные родственники.

И здесь на дне жизнь била ключом! Так, напр., среди массы животных, принесенных тралом Петерсена, один вид офиуры (Ophiacautha bidentata) попался в количестве 699 экз., звезда (Asterias stellionura)—в количестве 490 экз. и т. д.

Чем ближе к Архангельску, тем чаще и чаще попадаются нам суда. Сразу заметно, что мы попали в места, более населенные и более культурные. Вот и маяк, на котором мы берем лоцмана, вводящего нас в устье Северной Двины.

Лес мачт! (рис. 147). Громадные пароходы с различными незнакомыми мне флагами выгружают свои товары. Шум лебедок, лязг цепей, крики, говор,... как все это было ново после безлюдных вод Мурмана! Скорее, скорее в город!

Но сам Архангельск меня разочаровал: удивительно безжизненный, скучный и неинтересный город. В 3—4 часа я осмотрел его не только с внешней стороны, но ознакомился и со всеми его достопримечательностями. Архангельский музей после Норвежских музеев показался мне таким жалким... А памятник Ломоносову?—Неинтересный, нехудожественный, он зарос травой и находится, повидимому, в полном пренебрежении. Как мы, русские, не умеем чтить своих национальных героев! Величайший, разносторонний ум, предвосхитивший, как

оказывается, идеи Лавуазье и стоявший в свое время в некоторых отношениях далеко впереди исследователей всего мира, даже здесь, на своей родине не удостоился более величественного увековечения своей памяти!

Но что меня поразило в Архангельске, так это—деревья! Как ни странно, но я испытывал особенное острое наслаждение, глядя на настоящие высокие деревья и слушая шум их листьев. Таким родным и близким повеяло на меня от этой картины! Столько воспоминаний вызвала она во мне.

Вот я и в вагоне. Медленно тянется узкоколейный поезд среди непрерывного леса. Лес и лес, то низкорослый, мелкий, то старый с высокими деревьями, но одинаково запущенный и безлюдный. Только изредка блеснет просека, а за ней непрерывная стена деревьев. На маленьких станциях к окнам вагона подходили охотники, предлагая массами тетеревов и рябчиков. Да, здесь дичи много.

На всем пути вплоть до Ярославля я не испытывал того ощущения, которое охватывает и поднимает меня всегда, когда я попадаю в водоворот человеческой жизни. До Ярославля я видел людей, иногда много, но их жизнь не трогала, не заражала меня... В Ярославле прямо с поезда нужно было садиться на пароход, чтобы переправиться через Волгу. И вот здесь впервые после Архангельского порта я почувствовал себя окруженным живыми людьми со всеми их горем, радостями, заботами и волнениями! Но там, в Архангельске, я видел только внешнюю сторону жизни, здесь же именно душевные переживания доносились ко мне в каждом слышанном мною слове и в каждом движении, которое я видел. Была темная сентябрьская ночь, но очень тихая ночь. С нами на пароходе из-за Волги возвращалась в город масса публики; самые незначительные их разговоры об игре в крокет, о каком-то Петре Ивановиче, который заболел и не мог сегодня кататься на лодке и т. д., были мне так

Рис. 147. Перед Архангельском.

близки и дороги, как будто именно я только что играл с ними в крокет, а этот Петр Иванович был мне самым близким человеком!

Как хороша и многообразна жизнь!

ГЛАВА XXVII.

Мурман зимою.

Как ни тяжелы условия зимней жизни за полярным кругом, я до сих пор жалею, что мне не пришлось провести ни одной зимы на Мурмане. Сколько своеобразной прелести было в этой жизни! Я представляю себе, как в тихую морозную ночь ярко освещенный пароход идет для работ в открытый океан... Темное, темное море и такое же темное небо, усеянное мириадами ярких звезд. Вы приступаете к работам... Конечно, холодно, руки зябнут! Вам то-и-дело приходится спускаться в каюту, чтобы отогреть закоченевшие пальцы! Но зато каждая добытая вами температура, каждое пойманное животное уже открывают перед вами то, что до сих пор никому не было известно. Ведь условия жизни океанических животных в это время и в этих местах не изучались сколько-нибудь детально ни одним натуралистом! И вот среди работы вы в изумлении останавливаетесь: все небо загорается и вспыхивает; целые полосы таинственного света нежно сверкают и переливаются, волшебно освещая и слабо плещущиеся волны, и заброшенный среди них ваш пароход! (рис. 148).

Близится день, и вместо северного сияния на юге загорается розовая заря. Уже полдень, а небо только слегка побледнело, и звезды попрежнему глядят на вас с высоты!

Но вот задул шторм! Небо покрылось тучами, и сделалось еще темнее! Страшные волны взлетают на палубу

и, замерзая, покрывают ее ледяной корой. Работать в океане нельзя, и вы полным ходом идете в гавань.

Вот и ваша комната в береговом помещении! Пригото-

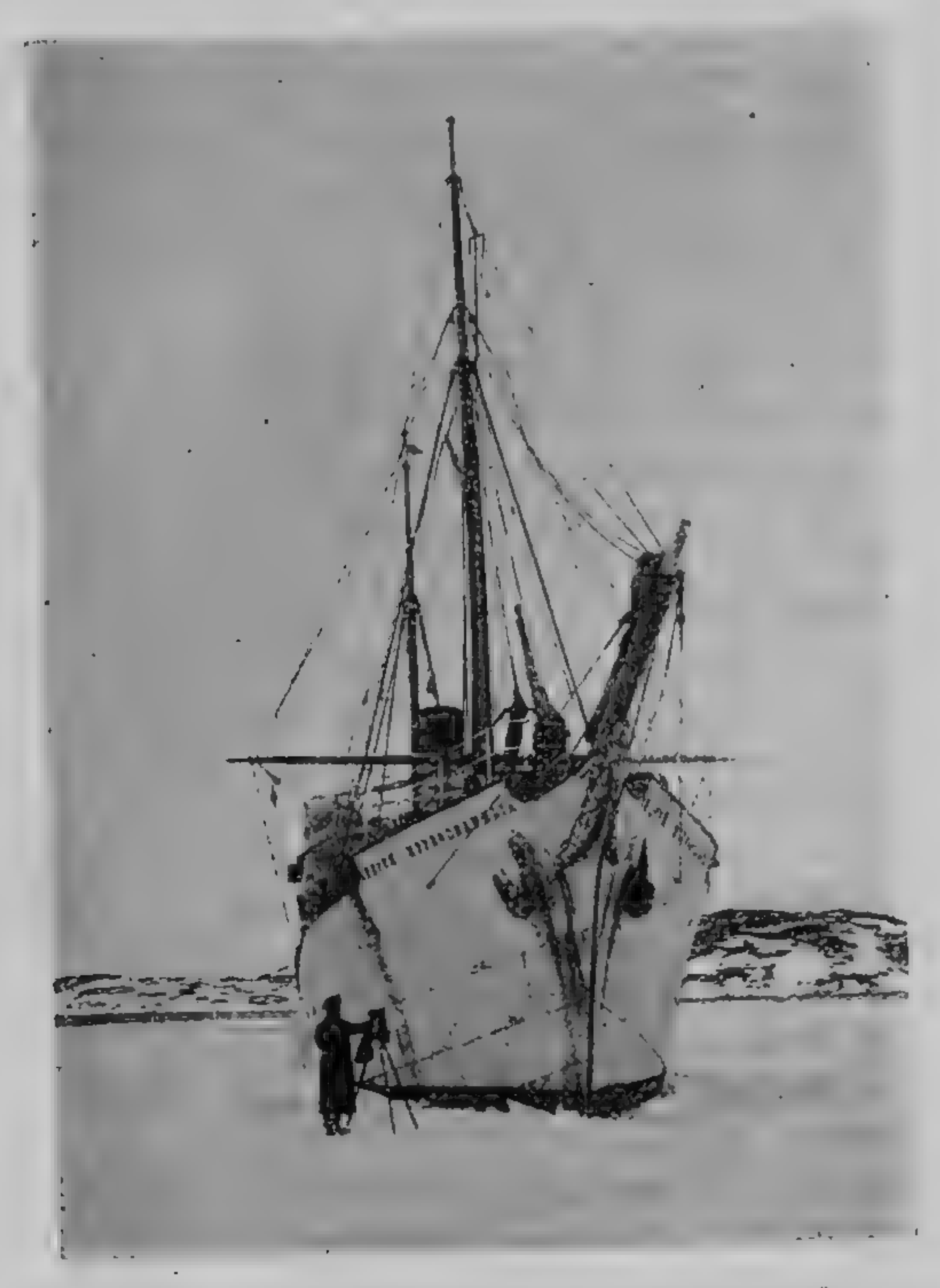

Рис. 148. «Андрей Первозванный» зимою в Екатерининской гавани.

вляясь к полярной зиме, вы обставили ее возможно уютнее. В печке, потрескивая и тлея, горят дрова, и приятная теплота разливается вокруг вас; на столе, ярко осве-

щенном лампой, лежат книги и стоит микроскоп, а из-за них на вас смотрят портреты ваших друзей... Где они? Вспоминают ли они вас с такой же любовью, с какой вы вглядываетесь в их дорогие вам черты?

А за окном воет буря. Кто-то стучит в дверь... Вы открываете, и Александр Петрович, закутанный в шубу занесенную снегом, с обледеневшими усами входит к вам; и здесь среди полярной ночи, отрезанные от всего мира, вы начинаете вести не сухую деловую беседу, а открываете друг перед другом свою душу.

Стихла буря. При слабом свете полуденной зари вы на лыжах шагаете по глубоким снежным сугробам и наблюдаете слабые проявления полярной жизни. Продрогнув и проголодавшись после хорошей прогулки, вы идете на пароход...—А вам телеграмма!—Вы с тревожно забившимся сердцем вскрываете серый листок телеграфного бланка и сразу успокаиваетесь: все здоровы, вас не забыли, вспоминают и ждут весны, когда вместе с теплом и солнцем вы появитесь среди ваших друзей.

В ярко освещенной кают-компании собираются всё ваши товарищи, с которыми вы сошлись так близко. Под звуки мелодично звенящих аккордов любимых вами пьес оживленно и весело проходит обед, и долго еще длится после него ваша беседа.

Так мне рисовалась жизнь тех товарищей, которые оставались на зиму в Екатерининской гавани. Беседа с ними и дневники работ заставляют меня думать, что я не слишком уклонился от истины: среди тяжелых минут было не мало и таких, которые на всю жизнь сохранятся, как светлое воспоминание.

Я позволю теперь себе на основании журналов экспедиции охарактеризовать в самых кратких словах некоторые моменты из ее зимних работ.

Одним из самых серьезных препятствий, мешавших правильным работам «Андрею Первозванному» зимою,

был недостаток пресной воды. Летом в Александровске функционировал водопровод; это была труба, по которой из лежащего высоко на берегу озера вода проходила к пристани. «Андрей Первозванный», как и другие пароходы, мог получать, сколько угодно, пресной воды для питания своих котлов. Зимою этот водопровод не действовал: трубы были проложены на поверхности земли, и вода в них замерзала.

В первую зимовку на долю команды «Андрея Первозванного» выпало много очень тяжелой работы, связанной с доставкой воды. При морозах, иногда в 10 градусов и больше, приходилось подходить в шлюпке к какому-нибудь ручью, наливать ведрами воду в особую шлюпку и буксировать последнюю к пароходу. Все это отнимало столько времени и требовало таких усилий, что Александр Петрович с Василием Николаевичем начали поговаривать об устройстве собственного водопровода. Мы, как и перед сменой винта, относились сначала скептически к их планам, но потом принуждены были преклониться перед изобретательностью наших моряков.

Расспросив местных жителей и сделав несколько разведочных поездок на шлюпке в окрестностях Екатерининской гавани, Александр Петрович отыскал в одной из губ Кольского залива незамерзающий ручей; он впадал в таком месте, что пароход мог подойти к его устью довольно близко. Здесь была устроена плотина; когда нужно было брать воду, шлюзы ее спускались, и тогда вода шла по трубе и далее по привинченным к ней парусиновым «шлангам» прямо в цистерны парохода. Перед нашим отъездом с Мурмана Александр Петрович продемонстрировал нам свой «водопровод» (рис. 149); действовал он великолепно, и зимою команда парохода была избавлена от чрезвычайно тяжелой работы.

Продолжительные и очень сильные штормы тоже не

мало мешали правильности рейсов «Андрея Первозванного». Уже с осени начались такие бури, при которых о работах в море нельзя было и думать. О силе их можно составить себе представление по следующим фактам: 28 сентября с «Помора», стоявшего в Лодейной губе, послали шлюпку в Териберку; в это время началась буря и шлюпка вернулась на судно только 1-го октября! В другой раз 5 и 6 ноября дул такой шторм, что пришедший в Лодейную губу «Помор» два дня не мог отправить шлюпку на берег, находившийся от него всего в нескольких саженях!

В такие дни оставалось одно: отстаиваться в какой-нибудь хорошо защищенной гавани.

Как ни случайны и кратковременны были выходы «Андрея Первозванного» в море, они все же выяснили многое из того, что прежде было совершенно неизвестным.

С наступлением осени постепенно начинают понижаться температуры поверхностных слоев океана, но понижение это происходит очень медленно. В то время, как летом сильно нагреваемые берега повышали температуру воды в прибрежных областях, зимою наблюдается совершенно обратное явление: прибрежные области оказываются более охлажденными, что опять-таки становится вполне понятным, если мы примем во внимание, что зимою суша охлаждается быстрее, чем море.

Очень эффектно выступало зимой влияние Гольфштрема. Вдоль меридиана Кольского залива льдов не было. Несмотря на низкие температуры воздуха, поверхностные слои воды не охлаждались ниже $+2^\circ$ или $+1^\circ$, и только далеко на севере, там, где и летом часто можно встретить полярный лед, температура поверхностных слоев опускалась ниже 0°.

Совершенно иная картина наблюдалась в восточных частях Мурмана, куда умеряющее влияние теплого тече-

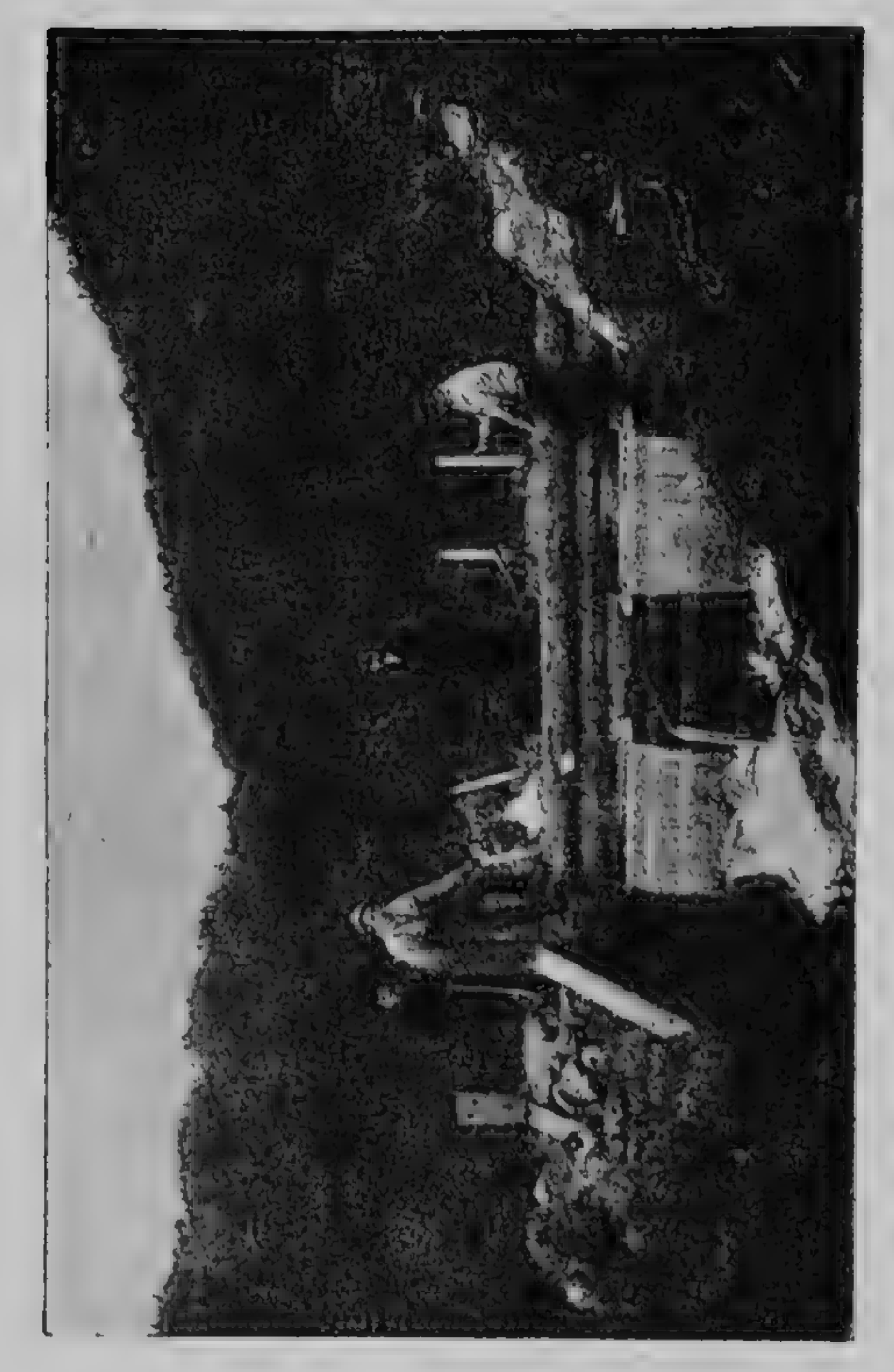

Рис. 149. Самодельный водопровод.

ния не достигало: там температуры опускались заметно ниже 0°, и иногда массами встречался лед.

Екатерининская гавань под влиянием вод Гольфштрема не замерзает (рис. 150). Только на несколько дней покрывается она иногда тонким слоем льда, который не мог помешать «Андрею Первозванному» свободно входить и выходить из нее (рис. 151).

Какое действительно поразительное явление: стоит сильный мороз, каждая капля воды, попадающая на палубу, сейчас же замерзает, а за бортом плещутся волны, температура которых не ниже + 2°!

Этим же влиянием теплого течения объясняется и мягкий климат всего Мурманского побережья. В то время, как в центральной России стоят трескучие морозы, здесь, далеко за полярным кругом, больших холодов почти не бывает, и в течение всей зимы возможна навигация.

Исследование распределения рыб, особенно интересовавшее нашу экспедицию, показало, что уже с наступлением осенних холодов рыба уходит от берегов в открытое море и держится там преимущественно в ветвях теплого течения или в соседстве с ними. Но потом и в открытом море промысловых рыб становится все меньше и меньше. Ранней весною она громадными стаями снова появляется в области Гольфштремной воды. Так, например, в марте 1901 года получасовой лов оттертроллем дал 481 треску. Где же это? В каком месте? — Под 71°29′ с. ш., т.-е. как раз в южной ветви теплого течения! Под 73° с. ш. трески не было, но как только вступили в следующую ветвь теплого течения под 74° с. ш., снова появилась треска.

Что же влечет эту рыбу в наши северные воды? Это тоже удалось до известной степени выяснить: в желудках пойманных тресок оказалась в массе мойва. Очевидно, бесчисленные стаи трески являются сюда кормиться сначала мойвой в ветвях теплого течения, а позднее —

Рис. 150. Екатерининская гавань зимою.

креветками и сопровождающими их животными у берегов Мурмана!

Как просто и ясно решились теперь все это вопросы и целый ряд других! Когда на карту были нанесены наши гидрологические наблюдения, ярко выступила картина теплого течения в исследуемой нами области (см. карту течений). И распределение льдов, и подход рыбы к берегам Мурмана стали для нас явлением, самым тесным образом связанным с распределением Гольфстремной воды. Сделалось понятным также и то, почему мы встречали летом льды у берегов Новой Земли: здесь, как оказалось, проходит полярное течение с очень низкими температурами (см. карту).

Вот прекрасный пример того, как чисто научное исследование может разрешить и выяснить целый ряд вопросов чисто практического характера. На этом факте я лишний раз убедился в том, что, если мы хотим получить правильное решение практических вопросов, их прежде всего необходимо подвергнуть строгому научному исследованию.

Кроме этих рейсов, для исследования вдали от берегов, «Андрей Первозванный» время от времени обходил становища, при чем наш доктор оказывал медицинскую помощь больным колонистам. А больных было много! В некоторых становищах чуть не все поголовно лежали в цынге. Бездеятельная жизнь, отсутствие света и свежих здоровых пищевых продуктов являются главными причинами, вызывающими появление этой ужасной болезни. По поручению Комитета, снарядившего экспедицию, в таких становищах раздавали колонистам кислую капусту и другие пищевые запасы, предохраняющие от цынги.

Более энергичные колонисты не бездействовали; зимою у берегов Мурмана они промышляли акул и тюленей. Этот промысел не только давал им иногда очень значительный доход, но и предохранял от цынги.

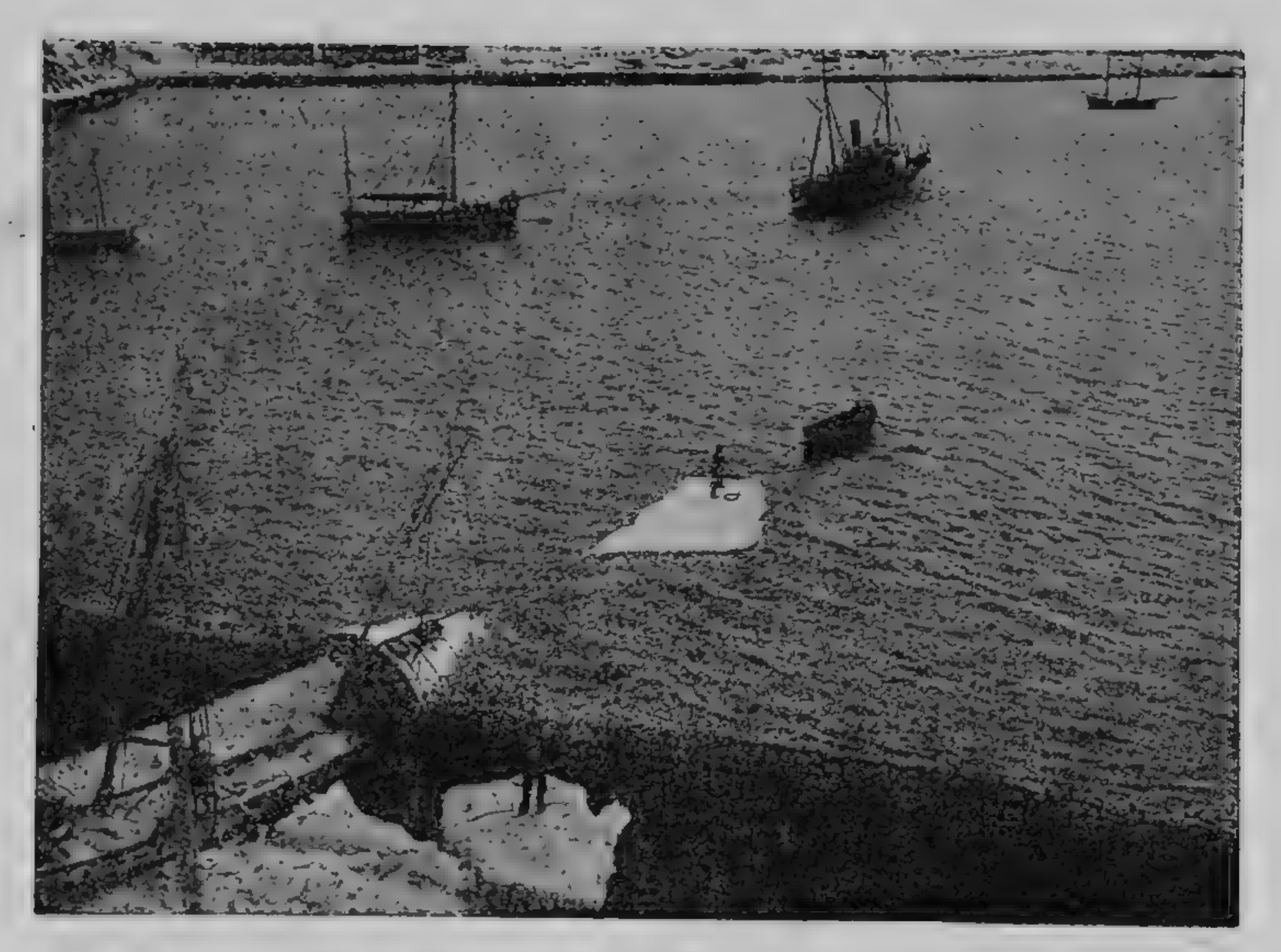

Рис. 151. Последние льдины в Екатерининской гавани.

В рабочих журналах экспедиции отмечается между прочим одно любопытное явление: иногда в море массами попадались дельфины (рис. 153), между тем как летом мы их почти не встречали.

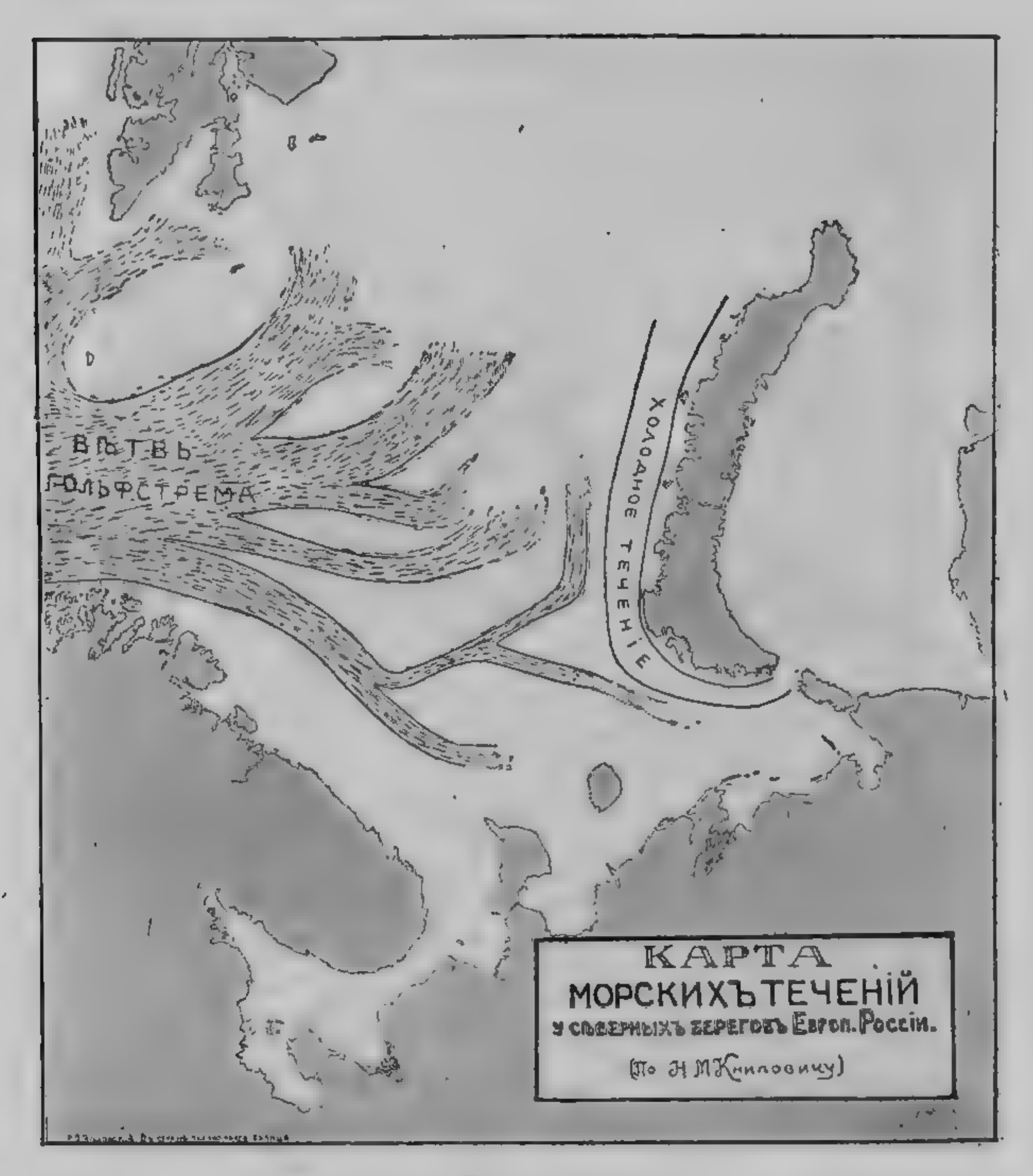

Рис. 152.

Во время штормов, когда волей-неволей приходилось сидеть в гавани, были произведены наблюдения над жизнью литоральных животных. К 30 декабря большинство ушло в воду, и во время отлива их можно было

наблюдать только в немногих, сравнительно, местах, причем многие из них оказались мертвыми. Другой литоральный моллюск, Litorina, который летом массами встречается в полосе отлива, теперь держался в воде. Литоральные морские звезды тоже избегали оставаться на суше; те из них, которые при отливе не успевали уйти в воду, обмерзали на берегу и потом трудно оправлялись. Балянусы были живы, но очень вяло двигали своими усиками.

Известно, что лягушки иногда совершенно замерзают и потом при осторожном оттаивании снова возвращаются к жизни. Один из товарищей задался целью проследить, как влияет сильный холод на некоторых из

Рис. 153. Дельфин.

животных, населяющих придонные пространства океана и живущих, следовательно, всегда при температурах только на несколько градусов выше нуля. С этой целью он наловил морских ежей, морских звезд, морских гребешков (крупный моллюск—Pecten) и раков-отшельников и оставил их на воздухе при температуре — 6°; через час он перенес их в морскую воду, температура которой была + 1,6; все они ожили. Он повторил тот же опыт с теми же животными, но оставил их на воздухе 6 часов... Этого они не вынесли и все погибли.

Что же делается в это время на суше? Можно было бы думать, что все наземные животные уходят из этих мест... Во время одной экскурсии на лыжах в окрест-

ностях Екатерининской гавани один из товарищей в декабре месяце насчитал свыше 20 видов различных птиц! Когда у убитых экземпляров вскрыли желудки, то в них оказались раковины литоральных моллюсков, мальки рыб, остатки краба и т. д. Оказывается, и в это время Ледовитый океан является кормильцем своих пернатых соседей!

ГЛАВА XXVIII.

Заключение.

Много лет прошло с тех пор, как покинул я в последний раз берега Мурмана.

Возвращаясь осенью 1901 года в Петербург, я был уверен, что ближайшей весною я снова увижу такое изменчивое, то беспредельно ласковое и спокойное, то, напротив, страшно суровое и бурное, побережье полярной России. Но ожидания мои не оправдались... Комитет, снарядивший экспедицию, решил, что научных исследований достаточно, что настало время придать работам экспедиции практический характер. Николай Михайлович не разделял этого взгляда и потому оставил работу в экспедиции, а с ним вместе из ее состава выбыли и другие лица.

Прошло много лет, но и до сих пор я не знаю в моей жизни другого периода, который давал бы мне столько мыслей, столько воспоминаний, сколько связано с пребыванием на Мурмане.

Описывая работы экспедиции, я всегда старался подчеркивать главнейшие добытые ею результаты, а также и то, как могут они отразиться на промыслах, а следовательно, и на всей жизни нашей северной окраины.

Вы, читатель, в праве спросить меня теперь, ну, а на деле оказали ли работы экспедиции сколько-нибудь заметное влияние на развитие Мурманских промыслов?

К сожалению—нет. Жизнь Мурмана заметно не изменилась. Число промышленников не увеличилось, количество добываемой рыбы тоже значительно не возрасло. Характер промыслов остался прежним: на той же шняке выезжают поморы и мечут свои яруса в сравнительно узкой прибрежной полосе. Те громадные количества рыбы, которые были открыты экспедицией в открытом океане, остаются неиспользованными.

Можно подумать, что работы экспедиции не дали ничего ценного, ничего нужного в практическом смысле.

Насколько ошибочным было бы такое заключение показал, к сожалению, не ход мурманских промыслов, а отчеты о рыбных промыслах Англии!

В этих отчетах мы встречаем удивительные цифры. Оказывается, англичане уже давно посылают свои рыболовные пароходы, снабженные оттертроллями в область, которую обследовала Мурманская экспедиция. В 1906 году эти пароходы выловили в этих местах рыбы 140½ тысяч пудов, а в 1911 году—уже *1 миллион 158 тысяч пудов!*

Какая же это рыба, и где они ее ловили?—Главным образом—камбала, и хотя в названных отчетах и нет точных указаний о месте лова, но несомненно—это большие мелководные пространства, тянущиеся к северо-западу от Канинского полуострова и острова Колгуева. Там именно мы встретили много крупных камбал, при чем чистый песчаный грунт без камней и подводных скал делает эти места в высшей степени удобными для тралового лова.

Интересно сопоставить некоторые цифры. В 1910 году все наши северные морские промыслы дали 759.140 пудов рыбы, а англичане в том же году привезли к себе с нашего севера *больше миллиона* пудов рыбы! В 1909, 1910 и 1911 годах англичане вылавливали *одной камбалы больше,* чем русские промышленники (северные) всякой рыбы вообще!

Насколько значительна эта цифра, можно заключить из того, что привезенная с нашего севера рыба в 1911 году составляла 4,27% добываемой со дна моря рыбы всеми промышленниками Англии и Уэльса!

По тем же отчетам видно, что промысел производится очень интенсивно. Он продолжается почти круглый год за исключением января и февраля месяцев; но наибольшее количество рыбы добывается летом, в июне и июле. В 1911 году в наши северные воды было сделано из Англии 306 выездов промысловых пароходов.

Можно было бы удивляться тому, какая причина заставляет англичан отправляться для промысла в столь отдаленный район, но в отчетах есть указания, объясняющие это явление. Оказывается, во всей области английских промыслов нет такого места, которое давало бы в день столько рыбы, сколько добывали они в водах, омывающих север России! Настолько богатыми оказались эти воды!

Но вот еще ряд цифр, заставляющих призадуматься. Уже в 1911 году количество рыбы, добытой англичанами на севере, несколько уменьшилось, а в 1912 году это уменьшение оказалось более значительным; понизился также и дневной улов, сократилось и число выездов...

Почему это произошло, на это в отчетах нет никаких указаний, но раз сократился промысел, то несомненно рыбы стало меньше. Ее вылавливали так энергично, что промысел очень быстро стал падать. Если бы объектом промысла была треска или другая передвигающаяся, переселяющаяся рыба, этого не могло бы произойти, но камбала—рыба оседлая, ее вылавливали в местах ее постоянного пребывания и вылавливали так интенсивно, что количество ее очень быстро начало уменьшаться.

Любопытно, что, с уменьшением количества камбалы, англичане стали ловить пикшу и треску, на которых

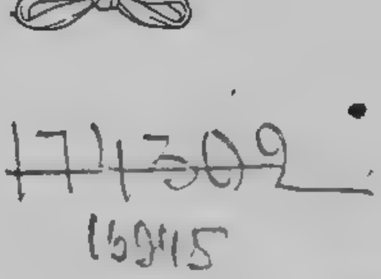
раньше не обращали внимания. Быть может, пройдет несколько лет, и мы будем читать о миллионах пудов этих рыб, добываемых английскими троллерами в водах, омывающих северное побережье России!

Я так подробно остановился на приведенном факте потому, что он очень ярко показывает, насколько ценными были некоторые добытые экспедицией результаты с чисто практической стороны. Не вина экспедиции, что этими данными воспользовались не мы, русские, а далекие, чужие этим водам англичане.

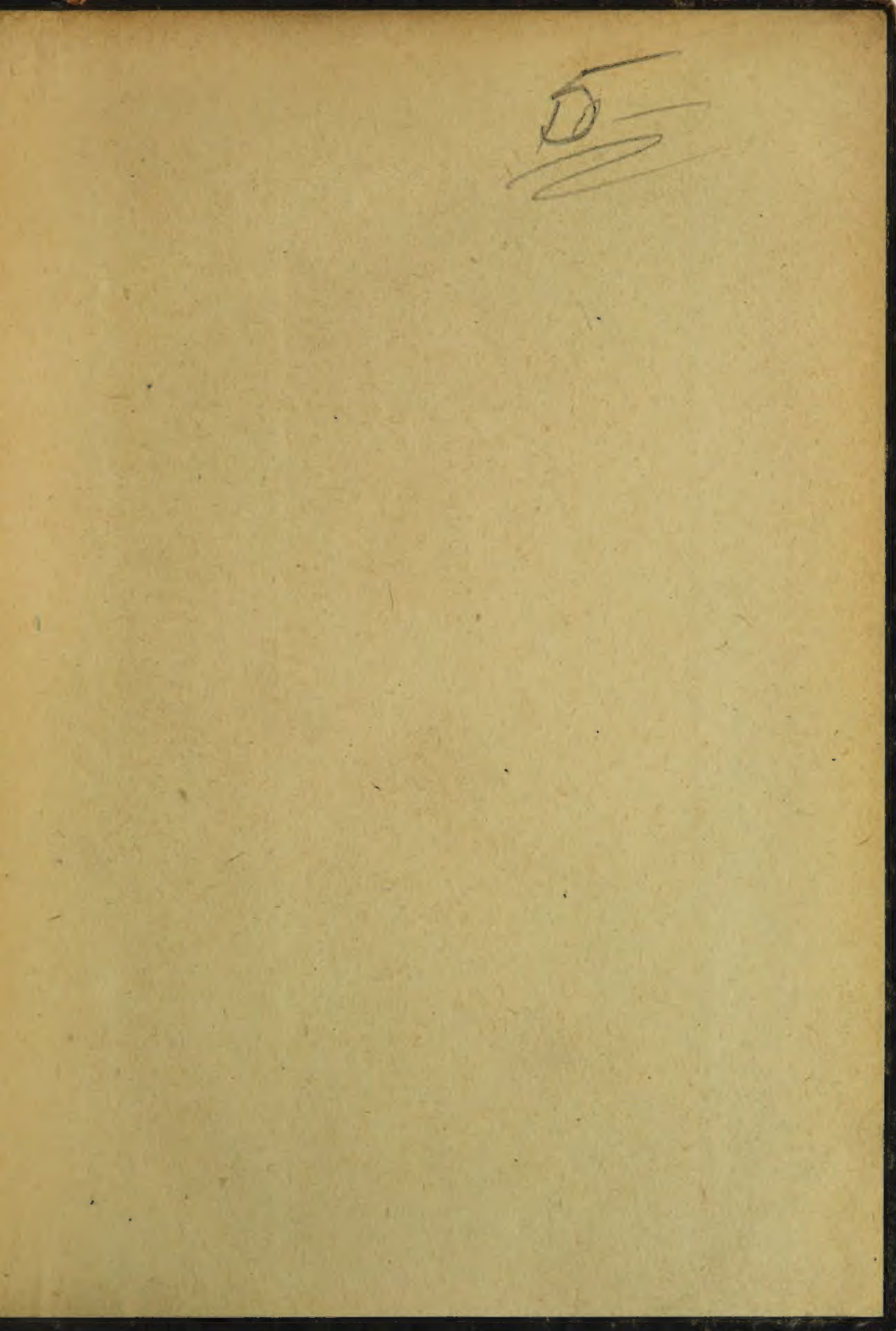
Вдумываясь во все изложенное, мы еще раз можем подчеркнуть, насколько богата наша северная окраина.

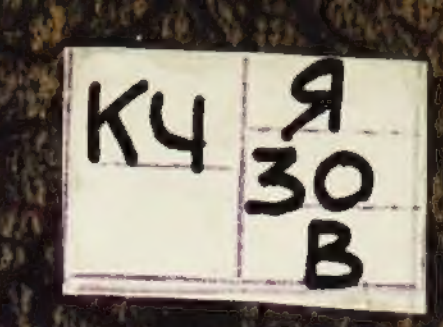
Забытая, заброшенная, внушающая страх, она таит в себе возможности развития самой кипучей жизни. Будем надеяться, что настанет время, когда сюда устремятся одни—с тем, чтобы полюбоваться своеобразной картиной северной природы, а другие—с тем, чтобы собрать с океана ту богатую дань, которую скрывает он в своих пучинах.

Если сбудутся эти надежды, резко изменится картина Мурмана! Не изменится одно: по-прежнему полуночное солнце своим мягким волшебным светом будет оживлять и окрашивать суровую северную природу, придавая ей своеобразную, только ей свойственную, прелесть.

КЧ
Я
30
В